

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

Центр корейских исследований

Современные проблемы Корейского полуострова

Москва
ИДВ РАН
2021

УДК [32/33+908](519)
ББК 65/66(5Кoo)(5Kop)
С56

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Рецензент:
д.и.н. В.О. Кистанов

Редакторы:
к.полит.н. А.З. Жебин (отв. ред.), к.и.н. К.В. Асмолов, к.филос.н. Ким Ен Ун,
к.культ. М.Е. Осетрова, к.э.н В.Г. Самсонова, н.с. А.Л. Поленова

С56 Современные проблемы Корейского полуострова. — М.: ИДВ РАН,
2021. — 320 с.

ISBN 978-5-8381-0399-4

Сборник содержит статьи, написанные на основе докладов, представленных на XXV конференции корееведов России и стран СНГ, организованной Центром корейских исследований ИДВ РАН 25–26 марта 2021 г. в режиме онлайн в рамках Года обменов (2020–2021) между РФ и РК по случаю 30-й годовщины установления дипломатических отношений между двумя странами. В нем исследуются самые последние события и тенденции развития обстановки на Корейском полуострове, политической и экономической ситуации в КНДР и Республике Корея. Особое внимание уделено влиянию всемирной пандемии на внутреннюю и внешнюю политику обоих корейских государств, анализу эффективности методов, используемых ими в борьбе против COVID-19. Рассматриваются возможные новые подходы к урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова в связи с приходом к власти в США администрации Дж. Байдена. Анализируются некоторые итоги и перспективы социально-экономического развития КНДР и РК и их торгово-экономических связей с Россией в обстановке продолжающихся из-за коронавирусной инфекции ограничений, а также сохраняющихся санкционных режимов. Отдельный раздел посвящен достижениям в развитии культуры, литературы и искусства двух корейских государств и влияния связей с Россией на эти процессы.

Ключевые слова: Корея, Россия, история, отношения, безопасность, экономика, культура.

**УДК [32/33+908](519)
ББК 65/66(5Кoo)(5Kop)**

ISBN 978-5-8381-0399-4

© Коллектив авторов, 2021
© ИДВ РАН, 2021

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Far Eastern Studies
Center for Korean Studies

**THE CURRENT PROBLEMS
OF THE KOREAN
PENINSULA**

Moscow
Russian Academy of Sciences
Institute of Far Eastern Studies
2021

*Recommended for publication by:
Academic Council of the Institute of Far Eastern Studies
Russian Academy of sciences*

Reviewers:

Kistanov V.O., Dr. of History

Editorial Board:

Zhebin A.Z. (Editor-in-Chief), Asmolov K.V, Kim En Un, Osetrova M.Y,
Polenova A.L., Samsonova V.G.

The Current Problems of the Korean Peninsula / Moscow, RAS IFES Press.
2021. 450 pp.

The collection contains articles based on papers presented at the XXV conference of Russia and CIS Koreanologists organized by the IFES Center for Korean Studies online on March 25–26, 2021 within the Year of Exchanges (2020–2021) between Russia and ROK dedicated to the 30th anniversary of diplomatic relations between two countries. It examines the latest events and trends in the development of the situation on the Korean Peninsula, the political and economic situation in the DPRK and the Republic of Korea. Special attention is given to the impact of the global pandemic on the domestic and foreign policies of both Korean states, and to the analysis of the effectiveness of the methods used by them in the fight against COVID-19. Possible new approaches to the settlement of the Korean Peninsula nuclear problem are being investigated in connection with the coming to power in the United States of the Biden administration. The volume contains analysis of some results and prospects of the socio-economic development of the DPRK and the ROK and their trade and economic relations with Russia in the context of continuing restrictions due to coronavirus infection, as well as existing sanctions regimes. Separate part is devoted to the achievements in the development of culture, literature and art of the two Korean states and the influence of relations with Russia on these processes.

Содержание

<i>М.Г. Волков</i> Приветствие	12
---	----

Раздел I ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>А.З. Жебин</i> Корейский полуостров: от денуклеаризации к контролю над вооружениями	14
<i>К.В. Асмолов</i> Китай и государства Корейского полуострова в эпоху пандемии	24
<i>И.В. Дьячков</i> Перспективы американо-северокорейского диалога в новом политическом цикле	34
<i>В.В. Хрусталёв</i> Анонсированные программы наступательных вооружений КНДР: анализ реальных возможностей	44
<i>Ким Ен Ун</i> Реалии многовекторности внешней политики РК	56
<i>А. В. Воронцов</i> Межкорейские отношения в условиях пандемии коронавируса	66

<i>Р.Л. Казарьян</i> Проблема объединения Кореи в политике СССР и РФ: преемственность или новая стратегия?	75
<i>Р.Н. Лобов</i> Взаимоотношения Республики Корея и Японии на фоне политических перемен в Токио и Вашингтоне	86
<i>С.О. Курбанов</i> Идеологические установки VIII съезда ТПК: новое или возврат к старому?	96
<i>А.Л. Поленова</i> Культурно-гуманитарное сотрудничество во внешней политике КНДР при Ким Чен Ыне	107
<i>В.В. Вишнякова</i> Технологии эмоциональной демократии в эпоху постправды для манипуляции гражданским обществом в Республике Корея	116
<i>Д.В. Шорников</i> Некоторые тенденции современного развития Гражданского кодекса Республики Корея	127

Раздел II

ЭКОНОМИКА

<i>Г.Д. Толорая, И.А. Коргун</i> Санкции против КНДР в «ковидную эпоху» на этапе возврата к «опоре на собственные силы»	136
<i>Л.В. Захарова</i> Чучхе, санкции и пандемия: экономика КНДР в 2020 г.	146
<i>В.С. Акуленко</i> Активность северокорейского рыболовного флота в исключительной экономической зоне Японии и России в 2010-е годы	156
<i>В.Г. Самсонова</i> Россия — Республика Корея: проблемы и перспективы экономического сотрудничества на современном этапе	165

Л.Е. Козлов

Региональная политика Республики Корея.
Пятый Комплексный национальный территориальный
план и его реализация в 2020 г. 175

К.В. Иванов

Концепция «Девяти мостов» 2.0 в контексте постковидной
эпохи: взаимные интересы и риски для России
и Республики Корея 185

А.Г. Зуева

Влияние пандемии коронавируса COVID-19
на устойчивое развитие экономики Республики Корея 195

Н.П. Лешакова

Основные направления развития инновационной
экономики Республики Корея в условиях пандемии 205

Л.И. Сёмина

Эффективность системы здравоохранения РК
и эпидемия COVID-19 214

А.Ф. Сиякова

Влияние демографической ситуации
на социально-экономическую сферу РК с середины XX в.
до пандемии 2020 г. 224

Раздел III

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Л.В. Овчинникова

Место Кореи в создании «сферы сопроцветания
Великой Восточной Азии» 234

Е.А. Хохлова

История перемещения корейских культурных ценностей
в период японской оккупации 243

Н.А. Чеснокова

Региональная политика и музыкальные хиты:
кейс острова Токто 254

И.В. Цой

Путь героя (антигероя) в современной южнокорейской прозе
XX — начала XXI в. (в сравнении с традиционной литературой) 264

В.Е. Сухинин

Корейская тема в советской литературе 276

А. А. Гурьева

Российский царь Пётр I в южнокорейских СМИ XXI века 290

М.Е. Осетрова

Проект Russia Focus как пример российской
медиа-политики в отношении Республики Корея 300

Список авторов 314

List of authors 317

Content

<i>Volkov M.G.</i> Welcome address	12
---	----

Part I **POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS**

<i>Zhebin A.Z.</i> The Korean Peninsula: from Denuclearization to Arms Control	14
<i>Asmolov K.V.</i> China and Korean States in Times of COVID-19	24
<i>Dyachkov I.V.</i> Prospects for US — North Korea Dialogue in the New Political Cycle	34
<i>Krustalev V.V.</i> The Announced DPRK Programs of Offensive Weapons: Analysis of Real Potential	44
<i>Kim En Un</i> The Realities of the Multi-vector Foreign Policy of the Republic of Korea	56
<i>Vorontsov A.V.</i> Inter-Korean relations in the Context of the Coronavirus Pandemic	66
<i>Kazaryan R.L.</i> The Problem of the Unification of Korea in the Policy of the USSR and the Russian Federation: Continuity or a New Strategy?	75
<i>Lobov R.N.</i> The Republic of Korea — Japan Relations Amid the Change of Power in Tokyo and Washington	86

Kurbanov S.O.

Ideological Guidelines of the 8th Congress
of the Worker's Party of Korea: New or Return to the Past? 96

Polenova A.L.

Cultural and Humanitarian Cooperation in DPRK's
Foreign Policy under Kim Jong-un 107

Vishnyakova V.V.

Emotional Democracy Technologies in the Post-truth Era
to Manipulate Civil Society in the Republic of Korea 116

Shornikov D.V.

Some Trends in the Modern Development of the Civil Code
of the Republic of Korea 127

Part II**ECONOMICS*****Toloraya G.D., Korgun I.A.***

DPRK under Sanctions during COVID-19
as the Country Turns Back to “Self-Reliance” 136

Zakharova L.V.

Juche, Sanctions and Pandemic: DPRK Economy in 2020 146

Akulenko V.S.

North Korean Fishing Fleet in the Exclusive Economic Zone
of Japan and Russia in the 2010s. 156

Samsonova V.G.

Russia — Republic of Korea: Problems and Prospects
of the Economic Cooperation at the Present Stage 165

Kozlov L.E.

Regional Policy of the Republic of Korea. 5th Comprehensive
National Territorial Plan and its Implementation in 2020 175

Ivanov K.V.

9-BRIDGE Strategy 2.0 in the Context of the Post-COVID Era:
Mutual Interests and Risks for Russia and Republic of Korea 185

Zueva A.G.

COVID-19 Coronavirus Pandemic's Impact on the Sustainable
Development of the Republic of Korea Economy 195

Leshakova N.P.

The Main Directions of Development of the Innovative Economy
of the Republic of Korea in a Pandemic 205

Semina L.I.

The Effectiveness of Korean Healthcare System
and Epidemy of COVID-19 214

Sinyakova A.F.

ROK: Influences of Demography on Social and Economic Issues
since the Middle of the 20th Century till the Pandemic 2020 224

Part III**HISTORY AND CULTURE*****Ovchinnikova L.V.***

The Place of Korea in the “Greater East Asia Co-prosperity Sphere” 234

Khokhlova E.A.

On How Korean Art Was Looted during Japanese Occupation 243

Chesnokova N.A.

Regional Policy and Musical Hits: the Case of Dokdo 254

Tsoy I.V.

The Path of the Hero (Antihero) in Contemporary Korean Prose
of the XX-early XXI century (in Comparison with Traditional
Literature) 264

Sukhinin V.E.

Korean Theme in Soviet Literature 276

Guryeva A.A.

Russian Tzar Peter the Great in South Korean Press
of the 21st Century 290

Osetrova M.E.

The Periodical Russia Focus as an Example of Russian
Media-policy towards Republic of Korea 300

List of Authors 317

М.Г. Волков *

ПРИВЕТСТВИЕ

Рад приветствовать вас от имени корееведов МИД на церемонии открытия очередной, уже 25-й по счету научной конференции корееведов России и стран СНГ. Благодарю организатора мероприятия — Центр корейских исследований Института Дальнего Востока РАН — за приглашение выступить, а также за возможность ознакомиться с докладами ведущих специалистов по Корее. За долгие годы своего проведения конференции зарекомендовали себя как авторитетная площадка для обмена мнениями, источник ценных наблюдений за происходящими в субрегионе событиями. Убежден, что и в этом году мы услышим много интересного и полезного.

Наша страна заинтересована в развитии всего комплекса двусторонних отношений с государствами Корейского полуострова. Не ослабляли соответствующих усилий даже во время пандемии новой коронавирусной инфекции. Как известно, сейчас в Сеуле находится с визитом министр иностранных дел С.В. Лавров. Вчера с его участием там состоялась церемония открытия Года взаимных обменов между Россией и Республикой Корея. Это масштабное мероприятие приурочено к 30-летию юбилею установления российско-южнокорейских дипломатических отношений, отмечаемому в 2020 г.

* Волков Максим Геннадьевич, заместитель директора Первого ДА МИД РФ.

Поездка министра для проведения очных консультаций с министром иностранных дел РК Чон Ый Ёном, запуск практической реализации программы Года обменов свидетельствуют о начале преодоления негативного воздействия коронавирусных ограничений на двусторонние связи, возобновления полноформатного взаимодействия Москвы и Сеула. Надеемся в скором времени выйти на прежние объемы двусторонних контактов, сотрудничества в практических областях и гуманитарных обменов. Стараемся поддерживать общение и с северокорейскими партнерами по всем доступным каналам.

Наша страна продолжает играть активную роль в процессе урегулирования проблем Корейского полуострова, включая ядерную. Стараемся учитывать мнение всех вовлеченных государств при разработке соответствующих мирных инициатив, придать им по-настоящему комплексный и взвешенный характер. Надеемся на постепенное претворение наших совместных идей в жизнь. Вместе с тем нельзя не отметить, что ситуация в субрегионе остается сложной, а перспективы ее развития — неопределенными. Во многом это происходит из-за продолжающегося пересмотра новой американской администрацией политики США на корейском направлении. Призываем партнеров придерживаться максимально конструктивных позиций, отказываться от практики давления, угроз или вычерчивания разделительных линий в Северо-Восточной Азии. Альтернативы мирному политико-дипломатическому процессу решения существующих там проблем нет. Убеждены, что добиться успеха на этом треке можно лишь совместными усилиями, на основе взаимного уважения и учета законных озабоченностей друг друга.

Оценки и размышления коллег-корееведов по существу этой и других современных проблем Корейского полуострова в соответствии с заявленной темой сегодняшней конференции, несомненно, представляют интерес и найдут отражение в нашей практической работе.

Желаю всем участникам успешной и плодотворной дискуссии.

Раздел I

ПОЛИТИКА

И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.48647/IFES.2021.97.71.001

А.З. Жебин

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ: ОТ ДЕНУКЛЕАРИЗАЦИИ К КОНТРОЛЮ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

Аннотация. Автор обращается ко всё большему расхождению между российским дискурсом по ядерной проблеме Корейского полуострова (ЯПКП) и нарастающим среди аналитиков за рубежом, в том числе в США, трендом, в основе которого лежит признание нереалистичности политики, настаивающей на полном отказе КНДР от ее ракетно-ядерных «сил сдерживания». С учетом позиции КНДР, заявленной на состоявшемся в январе 2021 г. VIII съезде правящей Трудовой партии Кореи, и неготовности США и их союзников пойти на меры, которые стимулировали бы полный отказ Северной Кореи от ракетно-ядерного оружия, предотвратить дальнейшее наращивание и совершенствование ее ядерного арсенала и средств доставки мог бы переход к мерам по контролю над вооружениями на Корейском полуострове. При этом обе стороны в состоянии сохранить уже согласованную в ряде подписанных ими документов задачу денуклеаризации в качестве перспективной цели, аналогичной идеалам всеобщего и полного разоружения, одобренным международным сообществом в резолюции ГА ООН от 21 но-

ября 1962 г. Автор полагает, что переход к такой тактике урегулирования ЯПКП мог бы привести к возобновлению переговорного процесса, к взаимным уступкам, в том числе снижению уровня военно-политической конфронтации, частичной или полной отмене экономических санкций в обмен на ограничения Северной Кореей своих ядерных вооружений и ракетных систем. Выбор администрацией Байдена такого курса урегулирования ЯПКП означал бы признание, по крайней мере временное, статуса КНДР как де-факто ядерной державы, чего Пхеньян давно добивается. США предстоит сделать нелегкий выбор: вернуться к трамповской политике «максимального давления», так и не принеся желаемых результатов, или избрать более реалистический путь, учитывающий современные геополитические и региональные реалии.

Ключевые слова: ядерная проблема Корейского полуострова, контроль над вооружениями, разоружение, Россия, США, КНДР, Республика Корея.

Автор: *Жебин Александр Захарович*, кандидат политических наук, руководитель Центра корейских исследований, Институт Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0002-3060-2390.
E-mail: alexzheb1948@gmail.com

A. Zhebin

The Korean Peninsula: from Denuclearization to Arms Control

Abstract. The author draws attention to the broadening gap between the Russian discourse on the Korean Peninsula nuclear problem (KPNP) and the growing trend among analysts abroad, including those in the United States, which is based on the recognition of the unrealistic policy insisting on the DPRK completely giving up its nuclear missile “deterrent forces”. Taking into account the position of the DPRK, stated at the 8th Congress of the ruling Workers' Party of Korea (WPK) held in January 2021. and the unwillingness of the United States and its allies at this stage to take measures that would encourage the DPRK abandon completely its nuclear-missile weapons, the best way to prevent the further build-up and improvement of its nuclear arsenal and means of delivery could be a transition to arms control measures on the Korean Peninsula. At the same time, both sides could maintain the task of denuclearization, already agreed in a number of documents signed by them, as a final goal, similar to the ideals of general and complete disarmament, approved by the international community in the UN General Assembly resolution of No-

vember 21, 1962. The author believes that the transition to such tactics of the settlement of the KPNP could lead to the resumption of the negotiation process, mutual concessions, including reductions in the level of military-political confrontation, partial or complete lifting of economic sanctions in exchange for North Korea's restrictions of its nuclear weapons and missile systems. The Biden administration's choice of such a course for settlement of the Korean Peninsula nuclear problem would mean recognition of the DPRK's status as a de facto nuclear power, which Pyongyang has long sought. The United States will have to make a difficult choice: to return to Trump's policy of "maximum pressure", which did not bring the desired results, or to choose a more realistic path that takes into account current geopolitical and regional realities.

Keywords: nuclear problem of the Korean peninsula, arms control, disarmament, Russia, USA, DPRK, Republic of Korea

Author: ZHEBIN Alexander Z., Ph.D. (Politics), Director, Center for Korean Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-3060-2390.

E-mail: alexzheb1948@gmail.com

После неудачного северокорейско-американского саммита в феврале 2019 г. в Ханое КНДР, соблюдая «добровольно» объявленный ею мораторий на ядерные испытания и пуски ракет большой дальности, всё же продолжала развивать свою ракетную программу и наращивать количество ядерных зарядов. Если за восемь лет — два срока президентства Б. Обамы — КНДР провела 61 ракетное испытание, то менее чем за два года после встречи в Ханое состоялось 30 запусков [Cha].

Новые образцы МБР и баллистических ракет, запускаемых с подводных лодок, были продемонстрированы в Пхеньяне в октябре 2020 г. на военном параде по случаю 75-летия правящей Трудовой партии Кореи.

Впрочем, американцы попытались успокоить собственную публику и своих союзников в регионе — Южную Корею и Японию, не без оснований заметив, что демонстрация техники на парадах и реально работающие боевые платформы — совершенно разные вещи. В частности, американские военные считают, что КНДР еще не овладела технологиями запуска ракет с подлодок в подводном положе-

нии и строительства субмарин с атомными силовыми установками [Robson].

Тем не менее бесспорные успехи северокорейцев в укреплении своих «сил сдерживания» вынудили ряд влиятельных представителей внешнеполитического истеблишмента США выступить с признаниями, что денуклеаризация КНДР представляет собой «невозможную миссию», и призвать к нормализации отношений с этой страной в качестве условия достижения прогресса на переговорах о ее денуклеаризации. Такой позиции, в частности, придерживается бывший министр обороны США У. Перри [Lee Je-hun].

В США, похоже, стали всерьез воспринимать предупреждения Ким Чен Ына о том, что в случае продолжения Вашингтоном враждебной политики денуклеаризация Корейского полуострова «никогда не будет достигнута». Решимость КНДР наращивать «средства самообороны и самозащиты» была подтверждена корейским лидером вновь в речи перед участниками военного парада по случаю 75-летия ТПК 10 октября 2020 г. [Supreme Leader Kim Jong Un Delivers...].

Специалисты влиятельного Центра Симпсона считают, что в сложившихся условиях «недостижимая цель полной, проверяемой и необратимой денуклеаризации (CVID) должна быть отброшена в пользу более реалистического, поэтапного подхода, основанного на равной приверженности как денуклеаризации, так и миру» [A Principled US diplomatic Strategy...].

Аналитики Центра также настаивают на том, что администрация Байдена не должна терять время и первой сделать шаги навстречу КНДР. Там опасаются, что Пхеньян, так и не получивший при Д. Трампе ни ослабления санкций, ни мирного договора или хотя бы официальной декларации об окончании Корейской войны 1950—1953 гг., устанет ждать и возобновит испытания ядерного оружия и пуски МБР. А это, в свою очередь, надолго исключит возможность возобновления диалога или, еще хуже, вызовет острый кризис наподобие того, который случился в 2017 г.

Они, в частности, предлагают уже в ходе первоначальных непубличных контактов с КНДР подтвердить приверженность принципам подписанного в 2018 г. Д. Трампом и Ким Чен Ыном Сингапурского

заявления как основы для формирования повестки дальнейших переговоров и пойти на отмену совместных военных учений с Южной Кореей, если Северная Корея будет и впредь соблюдать свой мораторий на ядерные испытания и пуски ракет большой дальности [A Principled US diplomatic Strategy...].

В нынешних подходах американских аналитиков, в том числе работавших в прежних администрациях США, отчетливо прослеживается понимание того, что каждый этап денуклеаризации должен сопровождаться устранением озабоченностей тем, что в Пхеньяне называют «враждебной политикой» США, а именно американскими усилиями подорвать безопасность, политическую и социальную стабильность в КНДР.

Даже известный своим жестким подходом к КНДР Виктор Ча, работавший в администрации Дж. Буша-младшего, теперь признает, что «без коренной трансформации политических отношений между двумя странами переговоры по ядерной проблеме продолжатся по принципу “око за око” и в конце концов закончатся неудачей» [Cha].

Бывший представитель США по политике в отношении Северной Кореи посол Джозеф Юн и сотрудник Института мира Фрэнк Аум считают самой большой ошибкой США веру в то, что Северную Корею можно каким-то образом «заставить» отказаться от ядерного оружия. Любое соглашение, которое будет достигнуто на основе неохотного согласия Пхеньяна, а не мотивировано его собственными интересами, будет недолговечным, подчеркивают они. Также нереалистично требовать от Пхеньяна отказа от его самой главной гарантии безопасности до того, как Вашингтон одновременно предпримет меры по улучшению двусторонних отношений [Joseph Yun, Frank Aum].

Вопрос о том, насколько мнения людей, не один десяток лет проработавших на корейском направлении, будут учтены администрацией нынешнего президента в ходе продолжающегося пересмотра политики США в отношении КНДР, остается пока открытым. Наиболее обнадеживающим знаком для тех, кто выступает за проведение новой, более прагматичной линии, стали высказывания представителя госдепартамента Неда Прайса о том, что «упор при фор-

мулировании новой политики и подхода будет сделан на снижении угроз для США и их союзников». Вместе с тем он заметил, что указанный обзор политики будет включать рассмотрение как существующих вариантов давления на КНДР, так и возможностей для будущей дипломатии, добавив, что в центре усилий Вашингтона по-прежнему останется «денуклеаризация Северной Кореи» [Department Press Briefing...].

Комментируя сложившуюся ситуацию, Тоби Далтон, содиректор программы изучения ядерной политики Фонда Карнеги, отмечает, что Байден стоит перед следующим выбором: либо его администрация возвращается к политике, которая проводилась на протяжении последних лет, т. е. продолжит санкционное давление на КНДР, либо попытается создать условия, при которых последняя, в конечном итоге, согласилась бы на ядерное разоружение [Dalton].

Американский специалист обращает внимание на то, что словосочетание «снижение угрозы» (threat reduction) подразумевает проведение совершенно иной политики, нежели продолжение давления. Снижение угрозы, объясняет он, означает понижение температуры конфликта, что влечет за собой необходимость переговоров. Фактически, полагает он, речь идет о новой политике, которая вписывается в понятие «контроль над вооружениями» [Dalton].

Еще в ходе саммита в Сингапуре в 2018 г., утверждает известный американский специалист по ядерной проблеме Корейского полуострова (ЯПКП) Анкит Панда, Ким Чен Ын проявил интерес именно к переговорам, а не к обсуждениям, сводившимся к тому, чтобы добиться одностороннего разоружения КНДР [Panda].

Вместе с тем такой курс не равнозначен денуклеаризации. Укрепив за счет договоренностей о снижении взаимных угроз безопасность своих ядерных сил, КНДР вряд ли согласится на их полную ликвидацию, полагает большинство американских специалистов.

Впрочем, использование нового для лексикона сотрудников Госдепа США термина в отношении Северной Кореи может и не свидетельствовать о существенных изменениях в политике Байдена по сравнению с курсом Трампа. Возможно, речь идет о том, чтобы просто обозначить ее отличие от прежнего подхода, или о нежелании использовать термин «контроль над вооружениями», который

раньше преимущественно применялся для переговоров на эту тему между великими державами.

В этой связи скептики обращают внимание на высказывания А. Блинкена на слушаниях в сенатской комиссии по иностранным делам в ходе его утверждения на пост госсекретаря США, во время которых он пообещал рассмотреть имеющиеся у США варианты действий, которые могут оказаться эффективными для усиления давления на Северную Корею [Kim Jeongmin].

Специалисты тут же вспомнили, что еще в бытность заместителем помощника президента по национальной безопасности в администрации Б. Обамы А. Блинкен высказывался за усиление нажима на КНДР с тем, чтобы заставить ее вернуться на переговоры. В интервью CBS в сентябре 2020 г. он заявил, что США необходимо перерезать все возможные каналы получения Северной Кореей ресурсов [Kim Jeongmin].

Обозреватели также отметили, что, выступая в феврале 2021 г. на конференции ООН по разоружению, А. Блинкен говорил о денуклеаризации только Северной Кореи, а не Корейского полуострова, как это записано в Сингапурской декларации 2018 г., принятой на первом в истории саммите КНДР—США. Такая же формула была использована американской стороной в ходе состоявшейся в середине марта 2021 г. совместной поездки А. Блинкена и нового министра обороны США Ллойда Остина в Японию и Южную Корею. Это позволяет предположить, считают американские обозреватели, что Байден будет проводить в отношении Северной Кореи еще более жесткую линию, чем Трамп [North Korea is giving...].

Сама идея «контроля над вооружением» подразумевает наличие и даже необходимость взаимного сдерживания как условие осуществления мер по уменьшению угрозы возникновения войны. Вторым необходимым элементом контроля над вооружениями является установление по возможности более нормальных отношений между договаривающимися о таком контроле государствами. Ни первой, ни второй составляющей такого режима между США и КНДР пока не просматривается.

Но нельзя исключить, что такие переговоры состоятся в будущем. США, с одной стороны, все сильнее тревожит наращивание

КНДР ее ракетно-ядерного потенциала, а с другой — они не идут на силовое разрешение конфликта, ибо боятся его последствий. Перевод переговоров с КНДР в режим контроля над вооружениями будет означать признание американцами за КНДР права иметь пусть ограниченный, но вполне определенный ракетно-ядерный потенциал «сдерживания».

При этом обе стороны могли бы сохранить уже согласованную в ряде подписанных ими международных документов задачу денуклеаризации в качестве перспективной цели, аналогичной идеалам всеобщего и полного разоружения, одобренным международным сообществом в резолюции ГА ООН от 21 ноября 1962 г. Переход к подобной тактике урегулирования ЯПКП мог бы привести к возобновлению переговорного процесса, к взаимным уступкам, в том числе снижению уровня военно-политической конфронтации на полуострове.

Между тем российский дискурс на эту тему ограничивается одним-единственным термином — «денуклеаризация», без всяких нюансов и оттенков. Представляется, что как практическим, так и научным работникам надо заняться разработкой отвечающих интересам России опций контроля над вооружениями на Корейском полуострове. Надо быть готовыми к любой новой модальности «денуклеаризации», чтобы не оказаться в том непривлекательном положении, в которое нас поставил Трамп, отменивший одной фразой, при полном молчании Москвы, те положения резолюций СБ ООН о запрете ракетных пусков, которые он в какой-то момент счел малозначительными (речь идет о ракетах средней и меньшей дальности, не представляющих угрозы континентальной части США), но за принятие которых США в свое время нам буквально выкрутили руки.

Библиографический список

A Principled US diplomatic Strategy Towards North Korea // 38 North. URL: <https://bit.ly/3uyGw8R> (дата обращения: 05.03.2021)

Cha, Victor. Engaging North Korea Anew // Foreign Affairs. URL: <https://fam.ag/3uBT1QX> (дата обращения: 06.02.2021)

Dalton, Toby. The Biden Administration and a New Approach to Denuclearization // Carnegie Endowment for International Peace. URL: <https://bit.ly/3xXIX7X> (дата обращения: 10.03.2021)

Department Press Briefing — February 9, 2021. Ned Price, Department Spokesperson // U.S. Department of State. URL: <https://bit.ly/3uzxoAS> (дата обращения: 06.03.2021)

Kim Jeongmin. Biden's secretary of state nominee vows to 'increase pressure' on North Korea // NKnews. URL: <https://bit.ly/3he7IG8> (дата обращения: 10.03.2021)

Lee Je-hun. S. Korean, US experts say Washington needs to guarantee regime security and normalize relations with Pyongyang to progress in denuclearization negotiations // Hankyoreh. URL: <https://bit.ly/3ewKCZt> (дата обращения: 10.02.2021)

Panda, Ankit. What Biden Should Know About North Korea's New Nuclear Plans // Carnegie Endowment for International Peace. URL: <https://bit.ly/3uDZzyI> (дата обращения: 09.03.2021)

Robson, S. US Forces Korea commander was underwhelmed by North Korea's most recent missile display // Stars and Stripes. URL: <https://bit.ly/3bfncFR> (дата обращения: 14.03.2021)

Supreme Leader Kim Jong Un Delivers Speech at Military Parade // KCNA. 10.10.2020.

Yun, Joseph, Aum, Frank. A practical approach to North Korea for the next US president // The Bulletin of Atomic Scientists. URL: <https://bit.ly/3bdmx81> (дата обращения: 06.02.2021)

Ward, Alex. North Korea is giving Biden the silent treatment // Vox. URL: <https://bit.ly/3o0Qv4c> (дата обращения: 17.03.2021)

References

A Principled US diplomatic Strategy Towards North Korea. *38North*. 22 February, 2021. URL: <https://bit.ly/3uyGw8R> (accessed: 5 March, 2021)

Cha, Victor (2020). Engaging North Korea Anew. *Foreign Affairs*. URL: <https://fam.ag/3uBT1QX> (accessed: 6 February, 2021)

Dalton, Toby (2021). The Biden Administration and a New Approach to Denuclearization. *Carnegie Endowment for International Peace*. URL: <https://bit.ly/3xXIX7X> (accessed: 10 March, 2021)

Department Press Briefing. Ned Price, Department Spokesperson. 9 February, 2021. *U.S. Department of State*. URL: <https://bit.ly/3uzxoAS> (accessed: 6 March, 2021)

Kim Jeongmin (2021). Biden's secretary of state nominee vows to 'increase pressure' on North Korea. *NKnews*. URL: <https://bit.ly/3he7IG8> (accessed: 10.03.2021)

Lee Je-hun (2020). S. Korean, US experts say Washington needs to guarantee regime security and normalize relations with Pyongyang to progress in denuclearization negotiations. *Hankyoreh*. URL: <https://bit.ly/3ewKCZt> (accessed: 10 February, 2021)

Panda, Ankit (2021). What Biden Should Know About North Korea's New Nuclear Plans. *Carnegie Endowment for International Peace*. URL: <https://bit.ly/3uDZzyI> (accessed: 09 March, 2021)

Robson, S. (2021). US Forces Korea commander was underwhelmed by North Korea's most recent missile display. *Stars and Stripes*. URL: <https://bit.ly/3bfncFR> (accessed: 14 March, 2021)

Supreme Leader Kim Jong Un Delivers Speech at Military Parade. *KCNA*. 10 October, 2020.

Yun, Joseph, Aum, Frank (2020). A practical approach to North Korea for the next US president. *The Bulletin of Atomic Scientists*. URL: <https://bit.ly/3bdmx81> (accessed: 06 February, 2021)

Ward, Alex (2021). North Korea is giving Biden the silent treatment. *Vox*. URL: <https://bit.ly/3o0Qv4c> (accessed: 17 March, 2021)

DOI: 10.48647/IFES.2021.12.65.002

К.В. Асмолов

КИТАЙ И ГОСУДАРСТВА КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ

Аннотация. Тренды, описывающие взаимоотношения КНР и государств Корейского полуострова, в период пандемии коронавируса не претерпели существенных изменений. Скорее, в связке с иными факторами, пандемия катализировала некоторые из них.

Отношения КНДР и КНР вышли на уровень тактического союза, обусловленного общей угрозой на фоне американо-китайского противостояния, но позиционируются как нерушимая дружба, не зависящая от политической конъюнктуры и основанная на социалистическом характере двух стран. На VIII съезде Трудовой партии Кореи Ким Чен Ын в очередной раз указывал на необходимость крепить братские отношения с Китаем.

Китай остаётся и основным экономическим партнером КНДР, однако реальный объём торговли между ними тесно связан с эпидемиологической ситуацией в регионе, и в настоящее время есть надежды на ее улучшение.

Отношения КНР и Южной Кореи, несмотря на грядущее в 2022 г. тридцатилетие дипотношений, объявление 2021—2022 гг. годами взаимных обменов и открытие «быстрого пути» для бизнесменов, переживают определённую стагнацию, вызванную де-факто проамериканским курсом Сеула и неудачными попытками Китая сдвинуть внешнюю политику РК в более нейтральную сторону. Визит председателя КНР так и не состоялся, а рабочие встречи носили формальный характер.

Кроме того, китайский фактор играет заметную роль во внутренней политике страны в форме безосновательных обвинений правительства Мун Чжэ Ина в прокитайском курсе и раздуваемой синофобии, которую активно используют консервативные силы, и пандемия заметно актуализировала эти страхи.

В перспективе рано или поздно Сеул займет американскую сторону, но представит это как дипломатическую победу. Хотя администрация Мун Чжэ Ина придерживается популистского курса, проблемы, которые она может получить в случае непослушания Вашингтону, существенно больше, чем болезненные действия Китая, предпринятые им в ответ на размещение в РК систем ПРО США в 2016 г.

Ключевые слова: Китай, КНДР, Республика Корея, международные отношения, противостояние США и КНР, синофобия.

Автор: *Асмолов Константин Валерианович*, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

ORCID: 0000-0003-1584-2748. E-mail: asmolov@ifes-ras.ru

К. Асмолов

China and Korean States in Times of COVID-19

Abstract. The trends describing the relationship between the PRC and the states of the Korean Peninsula did not change significantly during the coronavirus pandemic. Rather, in conjunction with other factors, the pandemic accelerated some of them.

Relations between the DPRK and the PRC have reached the level of a tactical alliance, connected with a common threat against the background of the US-Chinese confrontation, but are positioning as an unbreakable friendship that does not depend on the political situation and based on the socialist character of the two countries. At the 8th Congress of the Workers' Party of Korea, Kim Jong-un once again pointed to the need to strengthen fraternal relations with China.

China remains the main economic partner of the DPRK, but the real volume of trade between them is closely related to the epidemiological situation in the region and there are currently hopes for its improvement.

Relations between China and South Korea, despite the upcoming thirtieth anniversary of diplomatic relations in 2022, declaration of 2021—2022 as the years of mutual exchanges and the opening of the “fast

track” for businessmen, are experiencing a certain stagnation caused by the de facto pro-American course of Seoul and China's unsuccessful attempts to shift the foreign policy of the Republic of Korea in a more neutral direction. The visit of Chairman Xi did not take place, and the working meetings were of a formal nature.

In addition, the Chinese factor plays a prominent role in the country's domestic politics in the form of baseless accusations of the Moon Jae-in government of a pro-Chinese course and fanned sinophobia, which is actively used by conservative forces, and the pandemic has noticeably actualized these fears.

In the long run, sooner or later, Seoul will take the American side, but will present it as a diplomatic victory. Although the Moon Jae-in administration is following a populist course, the problems that it can get if it disobeys Washington are significantly greater than the painful actions of China that were observed in response to the deployment of US missile defense systems in the Republic of Korea in 2016.

Keywords: China, DPRK, Republic of Korea, international relations, confrontation between the United States and China, sinophobia

Author: *ASMOLOV Konstantin V.*, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Center for Korean Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-1584-2748. E-mail: asmolov@ifes-ras.ru

В отношениях Китая как с Северной, так и с Южной Кореей пандемия не оказалась фактором, изменившим существовавшие до того тренды.

К началу пандемии отношения Китая и КНДР вышли на уровень тактического союза, обусловленного общей угрозой на фоне американо-китайского противостояния. КНР и КНДР позиционируют свои отношения как нерушимую дружбу, не зависящую от политической конъюнктуры и основанную на социалистическом характере двух стран. Так, 1 октября 2020 г. в письме Ким Чен Ына председателю КНР по случаю 71-й годовщины основания КНР отмечается, что «партия и народ КНДР неизменно будут поддерживать генерального секретаря Си, Коммунистическую партию Китая и китайский народ в борьбе за осуществление совместного дела защиты и прославления социализма».

10 октября 2020 г. Си поздравил Кима с 75-й годовщиной основания Трудовой партии Кореи (ТПК): «Китай и Корея являются дружественными соседями, соединёнными реками и горами, а также социалистическими государствами, руководимыми Коммунистическими партиями».

Обе страны торжественно отметили семидесятилетие вступления китайских народных добровольцев в Корейскую войну 1950—1953 гг. Ким Чен Ын посетил кладбище добровольцев, а в редакционной статье «Нодон Синмун» отмечалось, что участие китайских добровольцев было проявлением дружбы и товарищества двух стран [N. Korea-China to enrich friendship].

Наиболее чётко текущий уровень отношений КНДР и КНР охарактеризован в докладе Ким Чен Ына на VIII съезде ТПК: «Наша партия прилагала первоочередные усилия к развитию особых корейско-китайских отношений, имеющих долготелый исторический корень, и тем развивала дружественные отношения с Китаем в соответствии с велением нового века, открыла новую страницу в корейско-китайских отношениях с их сердцевиной — социализмом».

23 марта 2021 г. Ким Чен Ын направил Си Цзиньпину «устное личное послание», в котором отметил, что «радуется как своему делу тому, что КПК и народ Китая под руководством генерального секретаря товарища Си Цзиньпина достигают примечательных успехов в борьбе за успешное сдерживание крупнейшей катастрофы из-за глобальной кризисной ситуации со здравоохранением, надёжную защиту социализма от безумных клеветнических нападков и нажима враждебных сил, всестороннее построение “общества среднего достатка”» [Chinese president promises to work with North Korea].

В северокорейской прессе периодически появляются заявления с поддержкой политики КНР применительно к ситуации в Гонконге [КНДР поддерживает решение ВСНП...] или критикой США за обвинения Пекина, касающиеся Гонконга, Синьцзяна, прав человека и т. п. [N. Korea slams Pompeo for saying China poses threat].

3 февраля 2021 г. в «Минчжу Чосон» опубликована статья «Ставшее всё более явным китайско-американское противостояние», в которой отмечалось, что представители новой администрации «в

один голос называли Китай главной угрозой для США». Из этого делается вывод, что американская администрация ещё более усилит давление на Китай, а последний будет давать на это жёсткий отпор. «Следовательно, проявившее себя китайско-американское противостояние продолжится и в будущем».

Китай последовательно выступал за развитие межкорейского диалога и диалога КНДР и США с учётом требований Пхеньяна, и на фоне июньского межкорейского кризиса 2020 г. официальные представители МИД КНР призывали к решению проблемы Корейского полуострова посредством переговоров.

С наступлением пандемии появилась и тема взаимной поддержки в борьбе с коронавирусом. С февраля 2020 г. она постоянно упоминалась в большинстве взаимных поздравлений и обращений лидеров двух стран.

Укрепление связей прослеживается и на кадровом уровне. Новый руководитель Международного отдела ЦК ТПК Ким Сон Нам является специалистом по Китаю. И смена посла КНДР в КНР тоже примечательна: Чи Чэ Рена сменил Ли Ен Нам, до недавнего времени занимавший пост заместителя премьер-министра по вопросам внешней торговли.

На экономических связях двух стран сказались практически полностью закрытые границы Северной Кореи, поставки же медицинской и сельскохозяйственной помощи были приостановлены летом 2020 г. По данным китайской таможни, в 2020 г. общий объём торговли Северной Кореи с Китаем составил 539 млн 100 тыс. долл., что на 80,7 % меньше по сравнению с предыдущим годом. Северокорейский импорт из Китая составил 491 млн 100 тыс. долл., что на 80,9 % меньше, чем в 2019 г. [N. Korea's trade with China down 80 pct last year...] Поставки северокорейских товаров в Китай составили лишь 48 млн долл., сократившись по сравнению с предыдущим годом на 77,7 %.

Считается, что кроме «белой» торговли есть и «серая». По сведениям «Асахи Симбун», большое количество китайского частного капитала ввозится в Северную Корею в обход санкций ООН. Китайцы инвестировали в строительство и рыбные фермы [N. Korean Regime Desperate to Keep Elite on Side]. Кроме того, китайские браконьеры

активно пользуются водами КНДР. По словам базирующейся в Вашингтоне НПО «Global Fishing Watch», «это самый крупный известный случай незаконного рыболовства, совершённого одним промышленным флотом, работающим в водах другой страны» [The deadly secret of China's invisible armada].

Появились сообщения о поставках или намерениях Китая поставить на Север образцы вакцины, а также о вакцинации северо-кореических представителей, которые будут выезжать во внешний мир, медиков, таможенников и других работников, связанных с приёмом и обработкой товаров из-за рубежа. В феврале 2021 г. Северная Корея приняла специальный закон о дезинфекции, после которого, вполне вероятно, объём торговли увеличится.

24 августа 2022 г. дипломатическим отношениям КНР и РК исполняется 30 лет, и Сеул активно старается вывести отношения двух стран на приемлемый уровень.

Весь 2020 г. разговоры о том, что председатель Си вот-вот посетит Корею, шли постоянно, и звучали заявления о том, что Си приедет, но после того, как пройдёт пандемия. Такой же паттерн был характерен для встречи лидеров Южной Кореи, Японии и Китая (Китай должен был представлять премьер Ли Кэцян), которую планировали проводить в конце 2020 г., но так и не провели.

Тем не менее в течение данного периода Мун и Си несколько раз общались по телефону либо Си передавал Муну устное послание. Но их содержание не афишируется, и единственное достижение данного периода — это объявление 2021 и 2022 гг. периодом культурных обменов между Республикой Корея и Китаем.

Рабочие встречи представителей РК и КНР по вопросам оборонной политики, экономики или вопроса КНДР проходили несколько раз, но носили характер «разговоров ни о чём»: взаимное информирование и заверения в понимании и содействии.

2020 г. был отмечен попытками Пекина удержать Сеул от слепого следования американской политике сдерживания Китая. В августе 2020 г. РК посетил глава Комиссии по иностранным делам ЦК КПК Ян Цзечи, а в ноябре — министр иностранных дел КНР Ван И. Однако оба визита обошлись без совместных заявлений и деклараций (Ян даже не совершил визит вежливости президенту РК), ука-

ывая на то, что в сотрудничестве Сеул и Пекин интересуют разные аспекты.

Сеулу важен сам факт саммита, возможность использовать Пекин как рычаг для стимуляции межкорейского диалога, а также снятия неформальных санкций, введённых после размещения в РК американской ПРО ТНААД.

Пекину важно, чтобы Южная Корея в большей степени считалась с китайской позицией и китайскими интересами в регионе. Во время своего визита в РК Ван И сказал: «США — не единственная страна в этом мире. В мире насчитывается около 190 стран, и все они являются независимыми. Среди них Китай и Южная Корея» [Wang touts 'robustness' and 'vitality' of S. Korea-China ties].

Но пока по ключевым вопросам американо-китайского противостояния Сеул придерживается антикитайской повестки. Это видно и по заявлениям МИД РК относительно Гонконга, и по статьям в СМИ о том, что эпидемия стала ударом по авторитету Пекина или что КНР засекретила все исследования происхождения пандемии [China censors research on coronavirus origins].

Что касается экономики, то в первые семь месяцев 2020 г. на долю Китая пришлось 24,3 % южнокорейского экспорта, что на 1,5 % больше, чем годом ранее [S. Korea's dependence on China for exports...]. Прямые инвестиции Китая в Южную Корею выросли примерно в 2,6 раза и составили в январе—июне 856 млн долл.

Китайский фактор весьма важен и во внутренней повестке РК: консерваторы активно раздувают синофобию, представляя Муна прокитайским политиком. Муну ставят в вину отсутствие жёсткой реакции на периодические залёты китайских самолётов в опознавательную зону противовоздушной обороны РК. Китайский бизнес обвиняют в массовой скупке недвижимости [Lawmaker seeks to prohibit Chinese from buying land] и создании тайных чайнатаунов [Almost Secret: China's Extensive Belt and Road Initiative, Nearly 30 Chinatowns in South Korea], в нелегальной миграции, а своего рода «вишенками на торте» являются поиски в Интернете китайских агентов влияния [Chinagate: Chinese Trolls, Sockpuppets in South Korea to Manipulate Public Opinion...].

Пандемия только подстегнула этот процесс, и сразу после её начала пошли требования запретить въезд в страну граждан КНР, а также слухи о том, что в условиях дефицита масок и лекарств Мун тайно отправляет их в Китай.

После спада первой волны коронавируса подобные настроения начали спадать: с 1 мая 2020 г. Китай и Южная Корея достигли соглашения об открытии «быстрого пути» для бизнесменов. Позднее Китай согласился возобновить выдачу гражданам РК рабочих и учебных виз, а также въездных виз имеющим вид на жительство. При этом его всё равно обвиняют в том, что правила въезда и сдачи тестов не эквивалентны, а китайцы в РК пользуются бóльшим объёмом прав, чем корейцы в Китае.

Подведем итоги. Отношения КНДР и КНР продолжают выглядеть нерушимой дружбой, основанной на отношениях двух партий, исповедующих социалистическую идеологию.

Китай остается основным экономическим партнером КНДР, однако реальный объём торговли между ними тесно связан с эпидемиологической ситуацией в регионе.

Республика Корея задета противостоянием между главным экономическим партнером и ведущим политическим союзником. Но хотя администрация Мун Чжэ Ина придерживается популистского курса, проблемы, которые она может получить в случае непослушания Вашингтону, существенно больше, чем те болезненные действия Китая, предпринятые им в ответ на проамериканский курс РК. Поэтому рано или поздно Сеул займет американскую сторону, но представит это как дипломатическую победу.

Итак, можно сказать, что «эпоха пандемии» не оказала существенного изменения в отношениях Китая и двух корейских государств. Скорее, в связке с иными факторами, она катализировала определённые тренды. В случае с Северной Кореей это демонстративная дружба и экономическая зависимость Пхеньяна от КНР. В случае с Южной — активное использование синофобии консервативными силами и определённая стагнация в отношениях, вызванная де-факто проамериканским курсом Сеула и неудачными попытками сдвинуть его в более нейтральную сторону.

Библиографический список

КНДР поддерживает решение ВШП о законодательстве по защите государственной безопасности в САР Сянган // Russian.china.org.cn. URL: <https://on.china.cn/3hlls1A> (дата обращения: 09.04.2021)

Almost Secret: China's Extensive Belt and Road Initiative, Nearly 30 Chinatowns in South Korea // East Asia Research Center. URL: <https://bit.ly/33tERFF> (дата обращения: 09.04.2021)

China censors research on coronavirus origins // The Korea Times. URL: <https://bit.ly/33rBSh5> (дата обращения: 09.04.2021)

Chinagate: Chinese Trolls, Sockpuppets in South Korea to Manipulate Public Opinion Online, Impact Politics, and Intervene in Internal Affairs // East Asia Research Center. URL: <https://bit.ly/3f9x3OP> (дата обращения: 09.04.2021)

Chinese president promises to work with North Korea to 'preserve peace' // NK News, 22.03. 2021. URL: <https://bit.ly/3hfHzGS> (дата обращения: 09.04.2021)

Ian Urbina. The deadly secret of China's invisible armada. // NBC News. URL: <https://nbcnews.to/3ts8QZ6> (дата обращения: 09.04.2021)

Lawmaker seeks to prohibit Chinese from buying land // The Korea Times. URL: <https://bit.ly/2Q5IFtG> (дата обращения: 09.04.2021)

N. Korea-China to enrich friendship, advance 'socialist achievement': N.K. paper // Yonhap News Agency. URL: <https://bit.ly/3uyiWZZ> (дата обращения: 09.04.2021).

N. Korea slams Pompeo for saying China poses threat // Yonhap News Agency. URL: <https://bit.ly/3f6pGYn> (дата обращения: 09.04.2021)

N. Korea's trade with China down 80 pct last year amid global pandemic // Yonhap News Agency. URL: <https://bit.ly/3тycQY6> (дата обращения: 09.04.2021)

N.Korean Regime Desperate to Keep Elite on Side // The Chosun Ilbo. URL: <https://bit.ly/3o1DWpc> (дата обращения: 09.04.2021)

S. Korea's dependence on China for exports, investment increases amid coronavirus // Yonhap News Agency. URL: <https://bit.ly/3f4uqO3> (дата обращения: 09.04.2021)

Wang touts 'robustness' and 'vitality' of S. Korea-China ties // Yonhap News Agency. URL: <https://bit.ly/3vUYHWA> (дата обращения: 09.04.2021)

References

Almost Secret: China's Extensive Belt and Road Initiative, Nearly 30 Chinatowns in South Korea. *East Asia Research Center*. URL: <https://bit.ly/33tERFF> (accessed: 9 April, 2021)

China censors research on coronavirus origins. *The Korea Times*. URL: <https://bit.ly/33rBSh5> (accessed: 9 April, 2021)

Chinagate: Chinese Trolls, Sockpuppets in South Korea to Manipulate Public Opinion Online, Impact Politics, and Intervene in Internal Affairs. *East Asia Research Center*. URL: <https://bit.ly/3f9x3OP> (accessed: 9 April, 2021)

Chinese president promises to work with North Korea to 'preserve peace'. NK News. URL: <https://bit.ly/3hfHzGS> (accessed: 9 April, 2021)

Ian Urbina. The deadly secret of China's invisible armada. *NBC News*. URL: <https://nbcnews.to/3ts8QZ6> (accessed: 9 April, 2021)

KNDR podderzhivaet reshenie VSNP o zakonodatel'stve po zashhite gosudarstvennoj bezopasnosti v SAR Sjangan [North Korea supports the decision of the National People's Congress on legislation to protect state security Hong Kong]. *Russian.china.org.cn*. URL: <https://on.china.cn/3hlls1A> (accessed: 9 April, 2021) (In Russian)

Lawmaker seeks to prohibit Chinese from buying land. *The Korea Times*. URL: <https://bit.ly/2Q5IFtG> (accessed: 9 April, 2021)

N. Korea-China to enrich friendship, advance 'socialist achievement': N.K. paper. *Yonhap News Agency*. URL: <https://bit.ly/3uyiWZZ> (accessed: 9 April, 2021)

N. Korea slams Pompeo for saying China poses threat. *Yonhap News Agency*. URL: <https://bit.ly/3f6pGYn> (accessed: 9 April, 2021)

N. Korea's trade with China down 80 pct last year amid global pandemic. *Yonhap News Agency*. URL: <https://bit.ly/3tycQY6> (accessed: 9 April, 2021)

N.Korean Regime Desperate to Keep Elite on Side. *The Chosun Ilbo*. URL: <https://bit.ly/3o1DWpc> (accessed: 9 April, 2021)

S. Korea's dependence on China for exports, investment increases amid coronavirus. *Yonhap News Agency*. URL: <https://bit.ly/3f4uqO3> (accessed: 9 April, 2021)

Wang touts 'robustness' and 'vitality' of S. Korea-China ties. *Yonhap News Agency*. URL: <https://bit.ly/3vUYHWA> (accessed: 9 April, 2021)

DOI: 10.48647/IFES.2021.30.98.003

И.В. Дьячков

ПЕРСПЕКТИВЫ АМЕРИКАНО-СЕВЕРОКОРЕЙСКОГО ДИАЛОГА В НОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ*

Аннотация. После президентских выборов и VIII съезда Трудовой партии Кореи (ТПК) в США и КНДР начался новый политический цикл. Пхеньян и Вашингтон остаются основными оппонентами и главными действующими лицами в рамках урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова, поэтому полезно оценить перспективы дипломатической работы в новых условиях.

Стратегия новой американской администрации в отношении Кореи еще не ясна. Большинство экспертов полагает, что Дж. Байден продолжит линию «стратегического терпения» времен президентства Б. Обамы. Оно сводилось к игнорированию КНДР и переговоров по ядерной проблеме вкупе с наращиванием санкционного давления на Пхеньян. Такое нарочитое невнимание к ситуации в свое время стало одним из факторов, вызвавших кризис 2016—2017 гг. Отвлечение США на внутренние проблемы в ближайшем будущем, скорее всего, будет способствовать их недоброжелательной пассивности в корейском вопросе.

КНДР, со своей стороны, посылает ясный сигнал. Октябрьские мероприятия в честь юбилея ТПК и январский съезд обошлись без

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142).

ракетных пусков и ядерных испытаний. При этом на парадах осенью и зимой 2020 г. были продемонстрированы новые модели ракет (возможно, макеты), а в отчётном докладе на съезде партии Ким Чен Ын заявил о намерении страны создавать ядерные подводные лодки (в 2017 г. такое же решение принял Сеул). Нельзя не оценить гибкость такой позиции. С одной стороны, Пхеньян придерживается сингапурских обещаний не проводить новые пуски МБР и ядерные испытания и готов, таким образом, обеспечить неконфликтную атмосферу для переговоров с новым руководством США. С другой стороны, КНДР показывает, какой будет альтернатива диалогу.

Трудно сказать, как скоро в американской столице будут назначены на соответствующие посты эксперты, которые смогут это заметить. Впрочем, если и смогут, нет гарантии, что захотят. Решение корейского вопроса будет менее важной задачей, чем обозначение жёсткой позиции в противостоянии с Китаем и Россией. США продолжат развёртывать ПРО в Азии, укреплять союзы с Республикой Корея и Японией и т. п. Это, в свою очередь, затруднит диалог по решению ядерной проблемы и строительству системы мира и безопасности в регионе.

Ключевые слова: американо-северокорейский диалог, безопасность, внешняя политика, КНДР, Северо-Восточная Азия, США, ядерная проблема Корейского полуострова.

Автор: Дьячков Илья Владимирович, к.и.н., доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, доцент кафедры востоковедения, МГИМО МИД России.

E-mail: dyachkov@naver.com

I. Dyachkov

Prospects for US — North Korea Dialogue in the New Political Cycle

Abstract: After the US presidential elections and the 8th Congress of the Workers' Party of Korea the US and the DPRK enter a new political cycle. Pyongyang and Washington remain the main opponents and the main players in the attempts to resolve the Korean nuclear issue, so it is necessary to reassess the situation given the new circumstances.

The new US administration is yet to unveil its strategy concerning Korea. Most experts believe that Joe Biden will continue Barack Obama's 'strategic patience' which combined ignoring Pyongyang and increasing pressure through sanctions. This willful ignorance became a major

factor behind the 2016—2017 crisis. Domestic problems are likely to distract the US, reinforcing Washington's preference for unfriendly passivity vis-a-vis North Korea.

On the other hand, Pyongyang is sending a signal. Party-related festivities in October and January came and went without missile launches or nuclear tests. Yet the military parades showed new missiles (possibly mock-ups), and Kim Jong-un's report to the Congress mentioned a plan to create nuclear submarines (Seoul decided to do the same as far back as 2017). Pyongyang's stance is remarkably flexible. On the one hand, North Korea sticks to the leader's promise to refrain from new launches and tests, thus creating an environment for talks with the new US administration. On the other hand, the DPRK hints at the alternative to dialogue.

It is hard to tell how soon the US will appoint a new team to deal with North Korea and whether new experts will be able to read Pyongyang's intentions. Moreover, being able is half the problem, the other is being willing to do so. Resolving the Korean issue is likely to rank lower for the US than tacking a hard stance against China and Russia. Washington would rather continue deploying missile defense systems in Asia, 'strengthen' its alliances with the Republic of Korea and Japan, etc. This will hinder efforts to find a diplomatic solution to the nuclear issue and to build peace and security mechanisms in the region.

Keywords: DPRK, foreign policy, Korean nuclear problem, North East Asia, security, US — North Korea dialogue, USA.

Author: *DYACHKOV Ilya V.*, Ph.D. (History), Assistant Professor, Dept. of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian, Dept. of Oriental Studies, MGIMO University. E-mail: dyachkov@naver.com

После президентских выборов и VIII съезда Трудовой партии Кореи (ТПК) в США и КНДР начался новый политический цикл. Пхеньян и Вашингтон остаются основными оппонентами и главными действующими лицами в рамках урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова, поэтому полезно оценить перспективы дипломатической работы в новых условиях.

С уходом Д. Трампа с поста президента США в прошлое уходит и «саммитовый» формат переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова, который, впрочем, не помог достичь существенного прогресса. Главным итогом встреч Ким Чен Ына с американ-

ским лидером стал лишь обмен устными обещаниями на первом саммите в Сингапуре в 2018 г.: КНДР будет воздерживаться от пусков ракет большой дальности и ядерных испытаний, а США — от совместных учений с Республикой Корея [Торкунов, Толорая, Дьячков, 2021, с. 234]. На дальнейших встречах стороны не только не развили успех, но и едва не погубили и эти скромные достижения. Поэтому, по большому счёту, единственным дипломатическим результатом последних лет стал лишь отход от жёстких позиций времён кризиса 2016—2017 гг. Не появилось никаких новых переговорных механизмов, не удалось достичь прогресса ни в денуклеаризации, ни в нормализации отношений, ни тем более в укреплении региональной безопасности.

Новая американская администрация пока не прояснила свою позицию в отношении Кореи. Большинство экспертов обоснованно полагает, что Дж. Байден продолжит политику «стратегического терпения» времен президентства Б. Обамы. Она сводилась к фактическому игнорированию КНДР и переговоров по ядерной проблеме вкуче с наращиванием санкционного давления на Пхеньян. Такое нарочитое невнимание к ситуации в свое время стало одним из факторов, вызвавших кризис 2016—2017 гг. Отвлечение США на внутренние проблемы в ближайшем будущем, скорее всего, будет способствовать их недоброжелательной пассивности в корейском вопросе.

Такого развития событий опасаются и американские специалисты по Корее [Delury], и, разумеется, южнокорейская администрация, выступавшая главным закулисным «спонсором» американо-северокорейского сближения. Так, президент Мун Чжэ Ин выступил с немислимым в условиях внутриамериканской поляризации предложением Дж. Байдену поучиться у Д. Трампа [Kim].

Однако позиция США окончательно не ясна. Для её определения необходимо дождаться формирования внешнеполитического аппарата и назначений конкретных людей на соответствующие посты внутри него.

Со своей стороны, КНДР посылает достаточно понятный сигнал. Ким Чен Ын ещё в декабре 2019 г. пообещал вскоре продемонстрировать новое оружие. Не так давно военные демонстрации не-

редко были частью крупных партийных торжеств. Исходя из этого, некоторые специалисты полагали, что VIII съезд ТПК в январе 2021 г. не обойдётся без испытаний какой-либо новинки. С другой стороны, ряд экспертов предсказывал, что Пхеньян начнёт общение с новой американской администрацией не посредством действия, а посредством бездействия, указывающего, что КНДР соблюдает сингапурские договорённости 2018 г. [Дьячков].

В итоге действительно обошлось без пусков или испытаний. Тем не менее КНДР всё же продемонстрировала нечто новое. Логику этих анонсов легче разобрать, рассматривая события в обратном хронологическом порядке.

После завершения съезда в Пхеньяне в довольно закрытом режиме прошёл военный парад, на котором была показана пятая модель семейства «Пуккынсон». Такой способ Северная Корея избрала не впервые: в октябре 2020 г. на параде в честь юбилея ТПК мир увидел ракету «Пуккыксон-4» и крупную ракету, предположительно большей дальности и относящуюся к семейству «Хвасон» (возможно, это был макет).

Отдельно следует сказать о маркировке. В северокорейских текстах октябрьские и январские ракеты пока не упоминались, а на корпусе самих образцов надпись нанесена трафаретом, поэтому не слишком ясно, какая буква следует за цифрой в названии. По одной версии, это латинская «А», и северокорейцы копируют американскую систему, где буквы в алфавитном порядке используются для обозначения производственной серии [Limer, 2016]. Тогда «Пуккыксон-4А» и «Пуккыксон-5А» — первые образцы соответствующих моделей. По мнению специалистов южнокорейского министерства обороны, загадочное обозначение — корейская «с», и такая маркировка говорит о возможности надводного (кор. «сусан») или подводного (кор. «сучжун») пуска [Shin].

Непубличность демонстрации нового оружия, вплоть до того что не слишком ясно название модели, обычна для мировой практики, однако для КНДР, особенно в последние годы, это не слишком типично. Наоборот, в 2016—2019 гг. пуски широко «рекламировались» и сопровождались пространными описаниями технических возможностей новинок в прессе. Однако в этот раз накануне январ-

ского парада курирующая межкорейские связи сестра вождя Ким Е Чжон даже выступила с жёстким заявлением, где осудила интерес южнокорейского министерства обороны к грядущему мероприятию [Statement].

Пхеньян начал разработку баллистических ракет морского базирования сравнительно давно, по крайней мере семь лет назад [Евсеев, 2020, с. 64—66]. На этом направлении северокорейские конструкторы достигли определённых успехов. Так, семейство «Пуккыксон» — это твердотопливные ракеты, которые можно сравнительно быстро подготовить к старту. По-видимому, разработка оказалась настолько удачной, что их переделали для наземных пусков («Пуккыксон-2»).

Проблема, однако, заключается в том, что КНДР располагает только дизельными лодками (в том числе созданными специально для размещения ракет), причём преимущественно старых моделей. Их нетрудно обнаружить современными средствами, и в целом такие подводные лодки не годятся на роль стратегического оружия.

Судя по всему, за устранение этого недостатка стратегических сил КНДР и возьмётся северокорейские инженеры. В отчётном докладе на VIII съезде ТПК Ким Чен Ын заявил, что Пхеньян намерен разработать атомные подводные лодки. Как скоро этого удастся достичь, пока неясно, кроме того, на этом пути северокорейцев явно ожидают специфические технологические сложности. Даже если предположить, что северокорейские специалисты в совершенстве освоили производство «обычных» реакторов и строительство дизельных подводных лодок в отдельности, трудно сказать, смогут ли они легко «совместить» эти знания. Кроме того, те типы реакторов, которые КНДР пока гарантированно освоила, трудно соотнести с теми, которые обычно используются на атомоходах.

В любом случае, Пхеньян многократно доказывал, что упорства и изобретательности ему не занимать. Возможно, северокорейской разведке удалось раздобыть какую-то новинку, благодаря которой стратегические силы страны выйдут на новый уровень, как было, когда получение технологии производства двигателей РД-250 на Украине помогло КНДР создать достаточно надёжные ракеты средней дальности.

Нельзя не оценить многослойную гибкость обозначенной политической позиции. *Во-первых*, Пхеньян придерживается сингапурских обещаний не проводить новые пуски большой дальности и ядерные испытания, а значит, готов таким образом обеспечить неконфликтную атмосферу для переговоров с новым руководством США. *Во-вторых*, КНДР показывает, какой будет альтернатива диалогу: мир увидел новые ракеты. *В-третьих*, отказавшись от военно-технических мероприятий, Пхеньян послал нужный политический сигнал, минимизировав и экономические, и политические издержки. *В-четвёртых*, намёк КНДР явно адресован и Республике Корея. Нельзя не вспомнить, что в 2017 г. в ходе визита в Сеул Д. Трамп одобрил идею строительства Южной Кореей атомных подлодок [Торкунов, Толорая, Дьячков, 2021, с. 136] (известная нелюбовь Мун Чжэ Ина к атомной энергетике не помешала ему выступить с подобным предложением).

Большинство американских экспертов ещё в декабре выражали уверенность, что Пхеньян поведёт себя достаточно спокойно, но многие из них заранее объясняли такую позицию не миролюбием или настроем на дипломатию, а трудностями, которые КНДР испытывает из-за распространения коронавируса. Такое толкование мало что говорит о ситуации в Северной Корее, но хорошо иллюстрирует настрой США.

Трудно сказать, как скоро в американской столице будут назначены на соответствующие посты эксперты, которые смогут заметить и правильно истолковать намерения северокорейцев. Впрочем, если и смогут, нет гарантии, что захотят. Учитывая большое количество стоящих перед новой американской администрацией внешних и внутренних проблем, на Корею у Вашингтона может не остаться внимания.

В целом следует ожидать, что решение корейского вопроса для новой американской администрации будет менее важной задачей, чем обозначение жёсткой позиции в противостоянии с Китаем и Россией. Поэтому США продолжат развёртывать ПРО в Азии, укреплять союзы с Республикой Корея и Японией и т. п. Это, в свою очередь, затруднит как двусторонний политический диалог, так и

многосторонние контакты по решению ядерной проблемы и строительству системы мира и безопасности в регионе.

Впрочем, в рамках американской стратегии найдётся роль и для КНДР: прошлые или будущие действия северокорейцев будут использоваться как предлог для наращивания военного присутствия США в Северо-Восточной Азии. Здесь необходимо подчеркнуть, что поведение северокорейцев ограничится именно рамками сингапурских обещаний Ким Чен Ына. В них не шла речь о пусках ракет малой дальности, и КНДР уже проводила их в 2019—2020 гг. Д. Трамп для поддержания собственного престижа закрывал на это глаза. Дж. Байден, скорее всего, не будет так же расположен к северокорейскому лидеру и охотно воспользуется любым поводом для демонстрации жесткости и возобновления масштабных учений с Южной Кореей, которые воспринимаются Пхеньяном как угроза своей безопасности.

Во многом мы сейчас оказываемся в той же ненормальной ситуации, в которую уже попадали раньше. С одной стороны, «возвращение в прошлое» происходит буквально: с уходом Д. Трампа скромные дипломатические достижения его эпохи окончательно забылись и стороны вернулись к позициям 2016—2017 гг. С другой стороны, есть символическое сходство: Россия и остальные региональные игроки вновь вынуждены ждать, поладят ли Вашингтон и Пхеньян. В этом смысле хорошо понятно стремление южнокорейского президента Мун Чжэ Ина за оставшиеся месяцы срока подготовить дипломатическую работу таким образом, чтобы она продолжилась и после его ухода с высшего поста.

Переговорный процесс по общерегиональной проблеме не должен зависеть от того, кто стоит у власти в той или иной стране, а судьба всей Северо-Восточной Азии не должна определяться состоянием северокорейско-американских отношений. Лучший способ добиться этого — институционализировать многостороннее общение по вопросам безопасности и перевести его в постоянное русло, например на основе шестисторонних переговоров. Здесь, однако, основной трудностью будет убедить всех потенциальных участников, что в долгосрочной перспективе дипломатический контроль над конфликтами выгоднее попыток сыграть на региональной напряженности.

Библиографический список

Дьячков И.В. Корейский полуостров в 2020 году: коронавирус и политика // Портал МГИМО. URL: <https://bit.ly/3ntKHQz> (дата обращения: 19.01.2021)

Евсеев В.В. Эволюция ракетно-ядерной программы КНДР // Корейский полуостров: история и современность. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 61—70.

Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008—2020 гг.) / А.В. Торкунов, Г.Д. Толорая, И.В. Дьячков. М.: Просвещение, 2021. 448 с.

Син Кючжин. Пук синхён SLBM мёнчхинын ‘Пуккыксон-4с’... «сусан, сучжунён чхучхык»: [Син Гючжин. Новые северные БРПЛ носят название «Пуккыксон-4с»: «Вероятно, речь о надводном и подводном пуске»] // Тонья ильбо. URL: <https://bit.ly/3u3TH1e> (дата обращения: 19.01.2021). (На кор.)

Delury, J. How to Buy Time on the Korean Peninsula After Trump’s Theatrics // Foreign Policy. URL: <https://bit.ly/3nqdHIM> (дата обращения: 19.01.2021).

Limer, E. How the U.S. Military Comes Up With Designations for Its Missiles, Rockets, and Drones // Popular Mechanics. URL: <https://bit.ly/3sYDqtc> (дата обращения: 19.01.2021).

Kim Tong-Hyung. Moon urges Biden to learn from Trump’s N. Korea diplomacy // Associated Press. URL: <https://bit.ly/2R1ylmw> (дата обращения: 19.01.2021).

Statement of Vice Department Director of WPK Central Committee Kim Yo Jong Issued // Uriminzokkiri. URL: <https://bit.ly/2R8gCtu> (дата обращения: 02.03.2021).

References

Delury, John (2020). How to Buy Time on the Korean Peninsula After Trump’s Theatrics. *Foreign Policy*. URL: <https://bit.ly/3nqdHIM> (accessed: 19 January, 2021)

Dyachkov, Ilya (2020). Koreyskiy poluostrov v 2020 godu: koronavirus i politika [Korean Peninsula in 2020: coronavirus and politics]. *MGIMO University*. URL: <https://bit.ly/3ntKHQz> (accessed: 19 January, 2021) (In Russian)

Evshev, V. (2020). Evolyutsiya raketno-yadernoy programmy KNDR [Evolution of DPRK’s missile and nuclear programs]. In A. Zhebin et al. (eds), *Koreyskiy poluostrov: istoriya i sovremennost* [Korean Peninsula: history and present times]. Moscow: IDV RAN: 61—70. (In Russian).

Kim Tong-Hyung (2021). Moon urges Biden to learn from Trump’s N. Korea diplomacy. *Associated Press*. URL: <https://bit.ly/2R1ylmw> (accessed: 19 January, 2021)

Limer, Eric (2016). How the U.S. Military Comes Up With Designations for Its Missiles, Rockets, and Drones. *Popular Mechanics*. URL: <https://bit.ly/3sYDqtc> (accessed: 19 January, 2021)

Shin Gyu-jin (2021). Buk sinhyeong SLBM myeongchingeon bukgeukseong-4s susang, sujungyong chucheuk [New North Korean SLBM is named Bukkeuksung 4; might mean “marine, submarine launch”]. *Dong-A Ilbo*. URL: <https://bit.ly/3u3TH1e> (accessed: 19 January, 2021) (In Korean)

Torkunov, A. Toloraya, G. Dyachkov, I. (2021). *Sovremennaya Koreya: metamorfozy turbulentnyh let (2008—2020 gg.)* [Modern Korea: metamorphoses of the turbulent years (2008—2020)]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)

Statement of Vice Department Director of WPK Central Committee Kim Yo Jong Issued. *Uriminzokkiri*. URL: <https://bit.ly/2R8gCtu> (accessed: 2 February, 2021)

DOI: 10.48647/IFES.2021.32.43.004

В.В. Хрусталёв

АНОНСИРОВАННЫЕ ПРОГРАММЫ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ВООРУЖЕНИЙ КНДР: АНАЛИЗ РЕАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Аннотация: На VIII съезде Трудовой партии Кореи в январе 2021 г. военно-политическим руководством КНДР был заявлен как ряд успехов в области создания разнообразных высокотехнологичных вооружений, так и обозначен ряд приоритетных направлений в развитии национальной военной технологии и техники. В их числе новые баллистические и квазибаллистические ракеты, разделяющиеся головные части, гиперзвуковые маневрирующие боевые блоки, беспилотные летательные аппараты различного назначения, разведывательный спутник и даже атомная подводная лодка с баллистическими ракетами.

КНДР будет продолжать наращивание ракетно-ядерного потенциала, в том числе и на межконтинентальных дальностях, и создание твердотопливных МБР — уже достаточно близкая перспектива. Успешное создание, испытание и постановка на вооружение гиперзвуковых планирующих боевых блоков (ГЗПББ) возможно уже в ближайшие годы. В настоящее время у Пхеньяна есть задел для того, чтобы приступить к реализации программы по созданию связки БР и ГЗПББ для поражения целей на средней дальности — в диапазоне между 1000 и 5500 км. До 2025 г. на вооружении у КНДР может появиться и малозаметный БЛА, выполненный по схеме «летающее

крыло» на базе гражданских комплектующих. Аналогичные решения уже применяются в ряде стран. Создание первого военного разведывательного спутника хотя и возможно в ближайшее время, даже в случае успеха не решит ряд принципиальных проблем. В этом десятилетии у КНДР также есть шансы успешно построить атомную подводную лодку (даже с несколькими баллистическими ракетами) для отработки технологии. Шансы получить мощный и боеспособный атомный подводный ракетоносец становятся достаточно заметными лишь ближе к концу десятилетия и лишь в случае предшествующей успешной демонстрации технологии. Таким образом, в ближайшие годы Пхеньян имеет возможность решить поставленные задачи, пусть и на самом базовом уровне.

Ключевые слова: баллистические ракеты, квазибаллистические ракеты, гиперзвуковые блоки, БЛА, атомные подводные лодки.

Автор: Хрусталёв Владимир Владимирович. Эксперт, North-East Asian Military Studies Project. E-mail: Hrustalev.Vlad@yandex.ru

V. Khrustalev

The Announced DPRK Programs of Offensive Weapons: Analysis of Real Potential

Abstract. At the VIII Party Congress in the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) in January 2021, the leadership of the country announced both a number of successes in the field of the development of a variety of high-technology weapons, as well as a number of priorities in the development of national military technology and equipment. These include new ballistic and quasi-ballistic missiles, split warheads, hypersonic manoeuvring weapons, unmanned aerial vehicles (UAVs) of various uses, a reconnaissance satellite and even a nuclear submarine with ballistic missiles.

The DPRK will continue to build up its nuclear missile capabilities, including intercontinental ranges, and the development of solid-fuel ICBMs is a near-term prospect. The successful creation, testing and arming of hypersonic combat planning units (GHPP) is possible in the coming years. For now, Pyongyang has the groundwork to start a programme to establish a link between BM and GHPP for intermediate-range targets between 1,000 and 5,500 km. Until 2025, the DPRK may also have a low-visibility UAV on the basis of civilian components, which is a «flying wing» scheme. Similar solutions are already being implemented in a number of countries. The establishment of the first mili-

tary reconnaissance satellite, although possible in the near future, would not solve a number of fundamental problems, even if successful. In this decade, the DPRK also has a chance to successfully build a nuclear submarine (even with a few ballistic missiles) to develop technology. The chances of gaining a powerful and capable nuclear submarine missile carrier become apparent only towards the end of the decade and only with the successful technology demonstration that preceded it. Thus, in the coming years, Pyongyang will be able to achieve its goals, albeit at the most basic level.

Keywords: ballistic missiles, quasi-ballistic missiles, hypersonic vehicle, UAV, nuclear-powered submarine.

Author: *KHRUSTALEV Vladimir V.* Expert, North-East Asian Military Studies Project. E-mail: Hrustalev.Vlad@yandex.ru

1. Анонсированные программы

Сенсацией для мировых СМИ в 2021 г. стало анонсирование планов военно-политического руководства КНДР по развитию военного потенциала на ближайшие годы. Полный перечень обнародованных анонсов приводится по официальному русскоязычному тексту: «Поставлены на повестку дня задачи: в ближайшее время разработать и внедрить боевые части при гиперзвуковом планирующем полете, провести разработку МБР подводного и наземного базирования с двигателем на твердом топливе, обладать ядерной подводкой и стратегическим ядерным оружием подводного запуска, имеющим важное значение для повышения мощности по нанесению ядерного удара на дальнем расстоянии».

В докладе речь идет о том, чтобы «в ближайшее время с использованием военного разведывательного спутника повысить способность к сбору разведанных и по-настоящему ускорить процесс исследовательской работы важнейшего значения по разработке беспилотных самолетов-разведчиков, способных провести точную разведку передового края до глубины 500 км, и других разведывательных средств» [Великая боевая...].

Если во втором абзаце говорится о достаточно предсказуемых направлениях строительства ядерных сил, повторяющих логику других членов ядерного клуба, то в третьем и четвертом абзаце обо-

значено нечто действительно новое. Оценить принципиальную реалистичность целей, поставленных Пхеньяном, и является задачей автора.

2. Гиперзвуковые планирующие боевые блоки

Ключевой характеристикой такого вида средств поражения, как гиперзвуковые планирующие боевые блоки (ГЗПББ) является не скорость сама по себе. Гиперзвуковой считается скорость, превышающая 5 чисел Маха. Ракетные системы с подобными характеристиками существуют многие десятилетия: головные части баллистических ракет средней и большой дальности, а также спускаемые аппараты космических кораблей и межпланетных станций достигают гиперзвуковых скоростей. Новыми в военном плане являются ГЗПББ, потому что после разгона (например, при помощи баллистической ракеты) они способны планировать и маневрировать без использования двигательной установки. В отличие от обычной головной части баллистической ракеты (БР) после фазы разгона ГЗПББ не следуют по относительно простой баллистической траектории в космосе, а летят в верхних слоях атмосферы (или выполняют прыжки из атмосферы в космос и обратно — в более технологически продвинутых концепциях), что позволяет им избежать систем ПРО, нацеленных на классический заатмосферный перехват. Важным преимуществом этих систем является также способность к выполнению манёвров по высоте и азимуту в атмосфере в сочетании с очень высокими скоростями, что повышает шансы на преодоление не только заатмосферных средств ПРО, но и классических средств ПВО/ПРО в атмосфере. Потребности в таком оружии у КНДР явно есть, а что с возможностями?

Во-первых, чтобы боевой блок достиг соответствующей скорости, его надо чем-то разогнать; это способна сделать обычная баллистическая ракета средней или большей дальности. КНДР обладает такими ракетами.

Во-вторых, требуется уметь делать конструкции, способные выдерживать перегрузки при выполнении манёвров. Пока это не показано для ракет средней дальности, но квазибаллистические управ-

ляемые ракеты малой дальности — KN-23 и KN-24 — уже показали способность летать с выполнением резких манёвров при полете по настильной траектории (по азимуту и по высоте) [Хрусталёв, 2020].

В-третьих, требуется система наведения, способная выдерживать траекторию, отслеживая местоположение в пространстве при помощи инерциальных датчиков и выходить на цель. На испытаниях 2019—2020 гг. квазибаллистические ракеты KN-23 и KN-24 после выполнения манёвров поражали цель с точностью, не меньшей чем десятки метров на дистанции в сотни километров. То есть в настоящее время у КНДР есть задел для того, чтобы приступить к реализации программы по созданию связки БР и ГЗПББ для поражения целей на средней дальности — в диапазоне между 1000 и 5500 км. В ближайшие годы КНДР вполне способна создать минимум что-то сравнимое с иранскими квазибаллистическими ракетами Naj Qasem, способными к доставке отделяемой головной части на дальности более 1000 км при управляемом аэродинамическими поверхностями полете в атмосфере на скоростях выше пяти скоростей звука.

3. Твёрдотопливные МБР

КНДР успешно испытала жидкостные МБР «Хвасон-14» и «Хвасон-15». Максимально дальнобойные твёрдотопливные БР КНДР относятся к классу ракет средней дальности (рабочая дальность — более 1000 км и менее 5500 км). Это верно и для ракет наземного базирования («Пуккыксон-2») и подводного («Пуккыксон-1» и «Пуккыксон-3»). Каковы возможности КНДР по созданию твёрдотопливных МБР?

Во-первых, необходим опыт по созданию более чем одноступенчатых ракет, в частности чисто твёрдотопливных. У Пхеньяна имеется опыт успешных запусков с многоступенчатыми ракетами: «Ынха» в 2012 и 2016 гг. [Хрусталев, 2020], «Хвасон-14» и «Хвасон-15» в 2017 г., «Пуккыксон-1», «Пуккыксон-2», «Пуккыксон-3».

Во-вторых, надо обладать определенным пакетом технологий: технологиями изготовления высокоэнергетических смесевых твёрдых топлив и крупногабаритных зарядов из них, прочно скреплённых с корпусом двигателя, технологией изготовления кор-

пусов двигателей и деталей соплового блока из композиционных материалов. Эта задача в КНДР в целом успешно решена.

В-третьих, требуется обладать способностью изготавливать твердотопливные двигатели больших длины и диаметра. Считается, что если страна способна изготавливать такие изделия диаметром 1,8 м и более, то создание твердотопливной МБР — лишь вопрос времени. К настоящему времени на уже испытанных ракетах семейства «Пуккыксон» продемонстрированы работоспособные решения диаметром до 1,5 м, что довольно близко к границе в 1,8 м.

На парадах в октябре 2020 г. и январе 2021 г. в Пхеньяне были показаны макеты новых БРПЛ «Пуккыксон-4» и «Пуккыксон-5», диаметр которых составляет 1,8—2,2 м; длина ракет около 10 м, число ступеней не менее двух. То есть это адекватная база для создания достаточно мощных ракет как верхнего диапазона средней дальности в двухступенчатом формате (3000—5500 км), так и межконтинентальной в трехступенчатом (более 5500 км). За прошедшие годы КНДР могла также улучшить энергетические характеристики твердого топлива для двигателей большого диаметра.

Часто в открытой печати высказываются сомнения, что северокорейские парады — это достаточное основание, чтобы указывать на достижение Пхеньяном некоего уровня в ракетной технике. На это есть два возражения.

Во-первых, как показывает практика последнего десятилетия, большая часть анонсированной на парадах техники так или иначе прошла последующие успешные испытания либо у неё появился испытанный аналог.

Во-вторых, как показывает изучение значительно более открытой ракетной программы Ирана, Тегерану такую технику удалось создать, так что получение сопоставимых результатов Пхеньяном не выглядит фантастикой.

По аналогии следует вспомнить историю развития жидкостных ракет КНДР. В сентябре 2016 г. в КНДР сообщили об успешном испытании жидкостного ракетного двигателя с тягой 80 т, а в 2017 г. — первой жидкостной МБР. В феврале 2021 г. Иран испытал космическую твердотопливную ракету-носитель с диаметром ступеней 1,5 м и тягой двигателей 74 т. Таким образом, создание твердотопливных

МБР наземного базирования — вполне реалистичный вариант уже в ближайшее время.

Относительно ракет аналогичного класса, но подводного базирования ситуация сложнее. Такая ракета — многоступенчатая со стартом из водной среды, полетом в атмосфере и дальнейшим движением в безвоздушном пространстве. Это означает необходимость выполнения большой массы специфических гидродинамических, аэродинамических и прочих расчетов. Успешные запуски двухступенчатых БРПЛ из подводного положения (и даже с подлодки) показывают, что эти задачи в КНДР научились решать. Однако чем более мощной является ракета при прочих технологических равных, тем больше ее размер и стартовый вес, а значит и более требовательна к подлодке-носителю. Видимо, этим определяется заявленная потребность в атомной подлодке (АПЛ).

4. Атомные подводные лодки — насколько реалистичны?

В настоящее время КНДР успешно продемонстрировала неатомные подводные лодки с водоизмещением около 1500—1600 (максимум 2000) тонн. В качестве ракетоносцев в открытых материалах была показана модифицированная неатомная подлодка, аналогичная советскому проекту [Sutton, 2019] и некая экспериментальная неатомная подлодка с одиночной пусковой установкой для «Пуккыксон-1» [Sutton, 2016]. Среди ожидающихся в ближайшем будущем проектов новых северокорейских подлодок ожидают неатомные подлодки водоизмещением 3000 т, также в мировых СМИ в 2016—2020 гг. неоднократно упоминалось проектирование в КНДР подлодок следующего поколения водоизмещением 6000 т и даже 9000—10 000 т [N. Korea...].

«Символический» ядерный подводный ракетоносец (для демонстрации технологии) может быть сделан на подлодке с водоизмещением в 3000 т с размещением 2—4 ракет уровня «Пуккыксон-1» и «Пуккыксон-3». Для размещения более крупногабаритных ракет, сравнимых по размеру с «Пуккыксон-4» и «Пуккыксон-5», потребуется подлодка с водоизмещением не менее 5500—6000 т. Изготовить корпуса хотя бы на уровне технологий первых атомных

подводных ракетноносцев США, СССР, Франции, Китая, Индии в КНДР возможно.

Главный вопрос — способность изготовить компактный и работоспособный корпусный ядерный реактор на легкой воде, работающий на топливе из высокообогащенного урана. С одной стороны, для государства, имеющего во многих ядерных и смежных областях уровень, аналогичный КНДР, ничего принципиально невозможного в этом нет. СССР, США и Франция достаточно быстро проскочили фазу выхода на атомный подводный флот с ракетами. С другой стороны, как показывает опыт Китая и Индии, сам по себе высокий уровень развития еще не гарантирует способности решить в быстрые сроки ряд частных вопросов, требующих особых компетенций в области ядерного судостроения.

Яркий пример — индийская программа АПЛ с БР. Головная индийская атомная подводная лодка S73 Arihant (условное обозначение S2) была начата в 1998 г. и спущена на воду 26 июля 2009 г. Наземный прототип 83-мегаваттного лодочного ядерного реактора S1 индийской разработки на высокообогащенном (40 %) урановом топливе был построен и введен в действие в сентябре 2006 г. Физический пуск ядерного реактора на лодке был произведен 10 августа 2013 г., и лодка вышла на заводские ходовые испытания 15 декабря 2014 г. В августе 2016 г. лодка Arihant была без огласки передана ВМС Индии, хотя фактически продолжала оставаться в стадии испытаний. После череды аварий и ремонтов эта подлодка совершила первое полноценное боевое двухмесячное дежурство лишь в 2018 г.

Неизвестно и состояние работ над реактором, однако косвенным признаком готовности к строительству атомной подлодки будет либо подтверждение успешного запуска экспериментального легководного энергетического реактора в Йонбене, либо обнаружение успешно работающего стендового лодочного реактора там же или где-то еще.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод: в этом десятилетии у КНДР уже есть шансы успешно построить и спустить на воду первую небольшую атомную подводную лодку с несколькими баллистическими ракетами. Ее функцией будет скорее отработка

технологии и вопросов эксплуатации таких подлодок. Шансы получить мощный и боеспособный атомный подводный ракетоносец появятся лишь ближе к концу десятилетия и лишь в случае предшествующей успешной демонстрации технологии.

5. Новые средства разведки — ИСЗ и БЛА

В целом для КНДР не представляет никакой проблемы вывод на низкую орбиту и эксплуатация (в течение года—двух) спутников (ИСЗ) весом 100—200 кг для выполнения регулярного мониторинга ситуации в прилегающем регионе. Это может быть примитивный спутник оптической разведки с разрешающей способностью примерно в 5—10 или вообще десятки метров. Такой спутник может использоваться для простейшего контроля больших объектов военного назначения (военно-морских и авиационных баз, баз ПВО и ПРО и т. д.) в соседних странах. Также это может быть небольшой спутник разведки различных излучающих средств, например радаров систем обнаружения, слежения и наведения систем противоракетной обороны на стационарных позициях и на боевых кораблях.

Однако для решения проблемы осведомленности о ситуации на ТВД КНДР необходима своя орбитальная группировка, которая должна включать и спутники оптической разведки (хотя бы 3—4 даже самых простейших мини- или микроспутника для регулярного мониторинга крупных объектов и один спутник с достаточно высоким разрешением оптики для сбора систематической детальной информации о военной инфраструктуре), 1—2 спутника радиоэлектронной разведки и один спутник связи на геостационарной орбите. Также Пхеньяну желателен еще хотя бы один простейший спутник с минимальным функционалом для контроля погодных условий. Поэтому единственный спутник, скорее, будет демонстрировать отработку ведения космической разведки в принципе. Для решения этой задачи может быть испробован и более рискованный вариант со значительно более тяжелым спутником с оптикой высокого разрешения, чтобы использовать запуск с максимальной полезностью. Это немаловажно, учитывая то, что любой космический запуск сопровождается большой кампанией по давлению на Пхеньян.

В любом случае, неясно, какой именно спутник будет первым военным в КНДР и будет ли он следующим космическим аппаратом страны или его в расписании отодвинет какой-либо гражданский ИСЗ, — очень высока степень неопределенности.

Создание разведывательных беспилотных летательных аппаратов (БЛА) с рабочим радиусом действия до 500 км в настоящее время также не представляет проблемы. Эта задача решается конструированием аппаратов из комплектующих, покупаемых на мировом гражданском рынке. Достаточно подробно ознакомиться с практикой применения таких БЛА, а также с посаженными или сбитыми аппаратами США, Израиля, Турции и других стран северокорейские военные специалисты могли не только в Иране (на территории которого падали или были посажены методами РЭБ разные американские и израильские БЛА), но и в Сирии.

Проблему представляет управление и получение данных в реальном времени на таких дальностях и в условиях противодействия. Это потребует либо использования иностранных сервисов космической связи, либо все-таки разворачивания своей системы спутниковой связи. Другой проблемой является не просто возможность летать на таких дальностях, но и возможность успешно вести разведку активного противодействия ПВО и ВВС противника. Это накладывает более жесткие требования к малозаметности БЛА.

До 2025 г. на вооружении у КНДР может появиться какой-то относительно простой малозаметный БЛА, выполненный по схеме «летающее крыло» на базе гражданских комплектующих. Аналогичные решения, созданные в стиле американского RQ-170, уже производятся в ряде стран. Таким образом, в ближайшие годы Пхеньян имеет возможность решить поставленные задачи, пусть и на самом базовом уровне.

6. Выводы

Во-первых, КНДР будет продолжать наращивание ракетно-ядерного потенциала, в том числе и на межконтинентальных дальностях, и создание твердотопливных МБР — уже достаточно близкая перспектива.

Во-вторых, успешное создание, испытание и постановка на вооружение еще одного средства, способного атаковать на региональных дальностях цели, прикрытые ПРО — ГЗПББ, также возможно уже в ближайшие годы.

В-третьих, обзаведение достаточным семейством разведывательных БЛА — задача, также решаемая в самые ближайшие годы.

В-четвертых, создание первого военного разведывательного ИСЗ хотя и возможно в ближайшее время, даже в случае успеха не решит ряд принципиальных проблем, и потому вопрос о создании полноценной орбитальной группировки встанет довольно быстро.

В-пятых, развертывание небольшой морской компоненты ядерных сил на базе переделанных или исходно специально построенных неатомных подлодок — вполне рабочий вариант до 2025 г. Как и создание небольшой опытной атомной подлодки-демонстратора, возможно даже с несколькими ракетами. Но не более.

Библиографический список

Великая боевая программа по достижению новых побед в строительстве социализма нового образца // Корея. 2021. № 1. С. 12—13.

Хрусталеv В. Текущий этап развития ракетных программ КНДР // Материалы IX Международной конференции ДВФУ, Владивосток, 2—3 октября 2020 г. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального ун-та, 2020. С. 24—27.

N. Korea completes dock for construction of 10,000-ton sub // Yonhap News. URL: <https://bit.ly/3xuX0AJ> (дата обращения: 20.03.2021)

Sutton H.I. New North Korean submarine: ROMEO-Mod. URL: <https://bit.ly/3xDvxgr> (дата обращения 20.03.2021)

Sutton H.I. North Korea's Polaris: Gorae Class ballistic missile submarine (SINPO Class). URL: <https://bit.ly/2QtYPxj> (дата обращения 20.03.2021)

References

Khrustalev V. Tekushchij etap razvitiya raketnyh programm KNDR : [The Current Stage of DPRK Missile Programs' Development]. *Materialy IX Mezhdunarodnoj konferencii DVFU, Vladivostok, 2—3 oktyabrya 2020 g. [IX FEFU International Korean*

Studies Conference Proceedings, Vladivostok, October 2—3, 2020. Vladivostok: FEFU, 2020: 24—27. (In Russian)

N. Korea completes dock for construction of 10,000-ton sub. *Yonhap News*. URL: <https://bit.ly/3xuX0AJ> (accessed: 20 March, 2021)

Sutton H.I. New North Korean submarine: ROMEO-Mod. URL: <https://bit.ly/3xDvxgr> (accessed: 20 March, 2021)

Sutton H.I. North Korea's Polaris: Gorae Class ballistic missile submarine (SINPO Class). <https://bit.ly/2QtYPxj> (accessed: 20 March, 2021)

Velikaya boevaya programma po dostizheniyu novyh pobed v stroitel'stve socializma novogo obrazca [The Great Battle Program to Achieve New Victories in Building a New Model of Socialism]. *Koreya [Democratic People's Republic of Korea]*. 2021. № 1. P. 12—13. (In Russian)

DOI: 10.48647/IFES.2021.72.82.005

Ким Ен Ун

РЕАЛИИ МНОГОВЕКТОРНОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РК

Аннотация. Автор рассматривает реальность заявляемой многовекторной внешней политики Республики Корея на современном этапе. Если исходить из активного участия РК в многочисленных международных организациях и форумах, конвенциях, проектах, миротворческих мероприятиях, вкладе в качестве страны-донора в поддержку развивающихся экономик, то можно сделать вывод, что РК старается представить себя на международной арене как ответственного, самостоятельного игрока. Среди международных проектов Южной Кореи можно выделить такие, как Новая северная и Новая южная политика, Политика зеленого развития, создание восточно-азиатского энергетического и железнодорожного колец, сотрудничество в области здравоохранения и эпидемиологии стран Северо-Восточной Азии, учреждение Азиатского банка развития, договоры о свободной торговле США, КНР, АСЕАН, «Девять мостов» сотрудничества с Россией и т. д. Можно также отметить, что, вопреки позиции США и Евросоюза, после событий 2008 г. на Кавказе, событий 2014 г. в Крыму, провокаций с так называемыми отравлениями в Солсбери (2018) или российского блогера (2020) РК официально не стала вводить никаких санкций по отношению к России. Южная Корея также пытается играть какую-то роль в решении крупных международных проблем, в частности корейской. Список реально внушительен и создает впечатление многовекторной внешней политики РК.

В то же время провозглашаемые и реально осуществляемые меры по дальнейшему укреплению военно-политического союза с

США и выполнению обязательств, вытекающих из союзнических отношений с ними, создают определенные, порой сильные, ограничения на способность РК действовать вопреки позициям США, которые часто не совпадают с интересами самой Кореи и мешают развитию выгодных для нее экономических, политических, культурных проектов с другими странами.

Ключевые слова: внешняя политика РК, многовекторность, Новая северная политика, Новая южная политика.

Автор: *Ким Эн Ун*, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН.

E-mail: kim@ifes-ras.ru

Kim En Un

The Realities of the Multi-vector Foreign Policy of the Republic of Korea

Abstract. The author considers the reality of the declared multi-vector foreign policy of the Republic of Korea at the present stage. If we proceed from the active participation of the Republic of Korea in numerous international organizations and forums, conventions, projects, in peace-keeping activities, as well as holding a large number of international events on the territory of the country and we can conclude that the ROK is trying to present itself as a responsible, independent player. Among South Korea's international projects are the new North and South policies, Green Development, the creation of the East Asian Energy and Railway Rings, Cooperation in the field of health and epidemiology of the countries of Northeast Asia, free trade agreements the United States, China, ASEAN, 9 bridges of cooperation with Russia, etc. South Korea is also trying to play a role in solving major international problems, in particular, the Korean one, having several times taken the initiative in organizing inter-Korean summits, as well as the US-DPRK summits in Singapore (2018) and in Hanoi (2019). The list is really impressive and gives the impression of a multi-vector foreign policy of the Republic of Korea.

At the same time, the measures announced and actually implemented to further strengthen the military-political alliance with the United States and fulfill the obligations arising from the allied relations with them create certain, sometimes strong, limits in the ability of the Republic of Korea to act contrary to the position of the United States, which often do not coincide with the interests of Korea itself and hinder the development of economic, political, and cultural projects with other countries.

Keywords: foreign policy of the Republic of Korea, multi-vector approach, new North, new South policy.

Author: *KIM, En Un*, Ph.D. (Philosophy), Leading Research Fellow, Center for Korean Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS). E-mail: kim@ifes-ras.ru

Республика Корея регулярно издает «Белую книгу внешней политики» страны. В выпуске 2020 г. говорится, что РК «продолжала прилагать усилия по расширению своего дипломатического охвата и дальнейшему разнообразию своих партнеров» [Diplomatic White 2020 Paper, p. 25]. Этого она достигает благодаря своей роли «в решении глобальных проблем, включая мир и безопасность, развитие, права человека и изменение климата, а также за счет углубления двустороннего и многостороннего сотрудничества в области науки и техники, энергетики, космоса и окружающей среды» [Op. cit., p. 4–5].

Президент Мун Чжэ Ин, выступая на торжественном собрании, посвященном 73-й годовщине независимости Кореи и 70-летию образования РК, говорил о многосторонней, толерантной, мирной политике [Мун Чжэ Ин, 2018, с. 52].

Страна, имеющая дипломатические отношения со 188 государствами — членами ООН из 193, занимающая по объему торговли 7-е место, а по ВВП — 10-е место в мире, в принципе, должна проводить многовекторную политику.

РК активно участвует в многочисленных международных организациях и форумах, конвенциях, проектах в качестве страны-донора для поддержки развивающихся экономик, в миротворческих операциях, а также в проведении большого количества международных мероприятий на территории страны. Пожалуй, мало можно назвать международных и региональных организаций, в которых страна не принимала бы в той или иной степени участие.

Так, в РК проходили саммиты АТЭС (2005), Г-20 (2010), саммиты АСЕМ—РК (2000), РК—африканских государств (2015), РК—АСЕАН (2014, 2019), РК—Меконг (2019). Страна проводит Новую северную (2008) и Новую южную (2008) политику, является одним из учредителей Азиатского банка развития (1966), Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (2015). В РК проводился также сам-

мит по ядерной безопасности (2012), саммит партнёрства ради зелёного развития и глобальных целей до 2030 г. (P4G, 2021), Международный форум по биоразнообразию (2017), Конференция по сохранению и восстановлению водно-болотных угодий (2018). Южная Корея с 1988 г. активно участвует в исследованиях в Антарктике, является наблюдателем Арктического совета (2013). РК выступила с предложением о создании восточноазиатских энергетического и железнодорожного колец, сотрудничестве в области здравоохранения и эпидемиологии стран Северо-Восточной Азии она также принимает активное участие в миротворческих операциях по линии ООН.

РК имеет соглашения о свободной торговле со странами всех континентов, в том числе с США, ЕС, КНР, АСЕАН, Чили, Индонезией, ведет переговоры о заключении таких соглашений с Филиппинами, Узбекистаном, Камбоджей, Мексикой, а также с Бразилией, Аргентиной и рядом других стран крупного экономического объединения Южной Америки (МЕРКОСУР), о присоединении к Транстихоокеанскому партнерству (ТТП). В ноябре 2020 г. РК участвовала в подписании Регионального всеобъемлющего экономического партнерства, включающего страны АСЕАН, КНР, Японию, РК, Австралию, Новую Зеландию, совокупный ВВП которых составляет более 30 % мирового ВВП [Мун Чжэ Ин, 2021]. Сеул имеет с большим количеством стран соглашения о стратегическом партнерстве. Вышеприведенные краткие сведения дают основания сделать вывод о том, что РК старается представить себя на международной арене как ответственного, самостоятельного игрока.

В то же время по многим вопросам она занимает позицию, отличную от США. Можно отметить, что, вопреки позиции США и Евросоюза, после событий 2008 г. на Кавказе, событий 2014 г. на Украине и в Крыму, провокаций с так называемыми отравлениями в Солсбери (2018) или российского блогера (2020) РК официально не стала вводить никаких санкций по отношению к России. Южная Корея также пытается играть какую-то роль в решении крупных международных проблем, в частности корейской, несколько раз проявив инициативу в организации межкорейских саммитов, а также способствовала организации саммитов США—КНДР в Сингапуре (2018) и Ханое (2019).

В то же время провозглашаемые и реально осуществляемые меры по дальнейшему укреплению военно-политического союза с США и выполнению обязательств, вытекающих из союзнических с ними отношений, создают определенные ограничения в способности РК действовать вопреки позиции Вашингтона, которая часто не совпадает с интересами самой Южной Кореи и мешает развитию выгодных для нее экономических, политических и культурных проектов с другими странами.

При этом в своей инаугурационной речи 10 мая 2017 г. Мун Чжэ Ин пообещал еще больше укреплять союзнические отношения с США, подчеркнув, что прочная безопасность является основой крепкой обороны [Мун Чжэ Ин, 2018, с. 52].

В понимании руководства страны реализация этой основной задачи должна базироваться на фундаменте дальнейшего укрепления военно-политического союза с США. Именно с этим связаны не только регулярные, несмотря на пандемию коронавируса, визиты в США министра иностранных дел, парламентариев, проведение стратегических переговоров 2+2, неоднократные заявления президента Мун Чжэ Ина о сопряжении Новой южной политики РК с Индо-Тихоокеанской стратегией (ИТС) США.

При этом очевидно, что стратегия ИТС существенно ослабляет международную роль АСЕАН, которая была одним из инициаторов создания формата АТЭС. Новая южная политика РК, официально направленная на укрепление сотрудничества со странами АСЕАН, фактически хотя и сохраняет экономическое сотрудничество, но реально подрывает роль АСЕАН в АТР. Кроме того, США, официально проводящие линию на институционализацию ИТС, не скрывают, что стратегия как мощное объединение направлена на ограничение позиций КНР в регионе и в мире и является составной частью стратегии борьбы США против КНР. Республика Корея пытается организовать как инициатор определенную форму сотрудничества стран АСЕАН с Индией, естественно с участием РК, т. е. институционализировать нечто похожее на экономическое сообщество РК—АСЕАН—Индия. Правительство РК заявляет, что вышеупомянутое сообщество является новым драйвером глобального экономического роста Азии, представляющей собой новый центр мира. Конечно,

речь идет об экономическом сотрудничестве, но всем в принципе понятен посыл формирования такой конфигурации сотрудничества, в конечном итоге направленной на противодействие растущему экономическому, политическому влиянию Китая в регионе. Этот вывод, конечно, может быть оспорен определенными исследователями. Но позиция автора в данном случае вытекает из анализа заявлений и действий правительства РК, которое, как только США объявили об Индо-Тихоокеанской стратегии, заявило о сопряжении Новой южной политики РК с ИТС США. Между тем нужно учитывать, что примерно четверть всей внешней торговли РК приходится на КНР. И Южная Корея стоит перед непростым выбором ввиду противостояния своего главного торгово-экономического партнера и главного военно-политического союзника.

Пандемия COVID-19 внесла некоторые изменения в отношениях РК с США. Так, не состоялись ритуальные ежегодные поездки президента РК в Вашингтон и встречи с президентом США на площадках крупных международных мероприятий типа Генассамблеи ООН, саммитов G-20, АТЭС, Восточноазиатского саммита. Возможно, сказалось отсутствие таких тесных личных встреч президентов, но Южная Корея в 2020 г. проявила упорство в нежелании полностью выполнить требование Трампа об увеличении до 3 млрд долл. расходов на содержание американских войск в РК. Она, как известно, соглашалась увеличить оплату расходов на пребывание американских войск на 30 %, то есть примерно до 1,5 трлн вон (1,3 млрд долл.).

Республика Корея сумела весьма выигрышно представить свою страну как государство с передовой эпидемиологической и в целом медицинской службой, сумевшей добиться впечатляющих успехов в борьбе против COVID-19, особенно на первом этапе весной 2020 г., когда число заболевших составило 0,002 % и смертность — 0,00017 %, в то время как в США этот показатель составил 1 % заболевших и 0,003 % умерших. И сейчас показатели заболевших или выявленных в результате тестирования в США составляют 33 044 068 (10 % населения), летальность 589 207 человек (из числа заболевших — 1,78 %) [Статистика коронавируса. США.]. Показатели РК на 30 апреля 2021 г. следующие: заболеваемость — 122 007 человек

(0,25 %), смертность — 1828 человек (1,49 % из числа заболевших) [Корона-19 гукне хенхван].

В связи с первыми успехами РК в борьбе с пандемией Трамп позвонил Мун Чжэ Ину, поздравил с успехом. РК не закрывала свои границы и в этот период провела выборы в парламент, при этом не допустив увеличения заболеваемости коронавирусом после выборов. Международный имидж и меры, предпринятые властями страны для поддержки бизнеса и населения, позволили выйти из пандемии с минимальными по сравнению с европейскими или североамериканскими странами потерями в экономике, что позволило правящей партии одержать впечатляющую победу на упомянутых выборах.

Но вторая волна COVID-19 в РК поставила серьезные вопросы перед властями страны в связи с проблемами вакцинации. Свою вакцину РК еще не смогла разработать, а закупаемых вакцин AstraZeneca и Pfizer явно недостаточно. При этом в РК по заказу Российского фонда прямых инвестиций еще в декабре 2020 г. была произведена по российской лицензии пробная партия вакцины «Спутник V». С февраля 2021 г. выпуск вакцины уже стал промышленным. Но при недостатке вакцины в стране российскую вакцину не используют. Даже разговоры о возможности использования «Спутника V» правительством РК сразу же пресекаются. По-видимому, как и во многих других странах, не обошлось без внешнего влияния.

Скорее всего, также не без внешнего влияния происходят корректировки не только в Новой южной политике, упоминавшейся выше. В 2020 и 2021 г. продолжалась корректировка Новой северной политики. Сейчас в ней основное внимание уделяется работе с республиками Средней Азии. Президентский комитет по экономическому сотрудничеству по-прежнему возглавляет на бесплатной основе президент одной небольшой фирмы. Все проекты, заявленные в 2017 г. Мун Чжэ Ином в программе «Девять мостов», находятся на стадии проработки и согласования. При этом и дипломаты, и политики РК, и сам президент Мун продолжают произносить речи о важности сотрудничества с Россией. В 2020 г. было запланировано несколько сот мероприятий в связи с 30-летием установления дипломатических отношений между двумя странами. Из-за пандемии их перенесли на следующий год. Пандемия также оказалась очень

удобным поводом, чтобы отменить приезд президента Муна в Москву на мероприятия, посвященные 75-летию Победы, который был анонсирован в Сеуле. Пандемия также не позволила осуществить давно ожидаемый визит В.В. Путина в Сеул. При этом интересен факт, что обмен поздравительными телеграммами между президентами двух стран 25 сентября, а также их телефонный разговор по случаю 30-летия дипотношений 28 сентября, о которых было сообщено на сайте президента России, на сайте президента Южной Кореи вообще не был отражен. Также необходимо отметить явно некорректный поступок президента Муна по отношению к России, выразившийся в том, что в своем видеообращении на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН он предложил создать систему сотрудничества в Северо-Восточной Азии в области медицины и эпидемиологии с участием двух Корей, КНР, Японии и Монголии. Про Россию забыл? Правда, поняв свою оплошность (будем считать так, хотя, возможно, не желали раздражать своего основного союзника сотрудничеством с Россией) 28 сентября Мун Чжэ Ин позвонил В.В. Путину и среди прочих вопросов высказался за сотрудничество в области медицины и эпидемиологии. В декабре 2020 г., по сообщению Мун Чжэ Ина, все же была достигнута договоренность о создании системы сотрудничества в области здравоохранения и эпидемиологии в составе на этот раз РК, КНР, РФ, Монголии и ведутся переговоры с Японией о ее подключении к этой программе. Как видно, на данный момент исключена из этого проекта КНДР.

Заслуживает быть отмеченным выступление президента Муна 22 сентября 2020 г., то есть накануне выступлений лидеров стран на 75-й сессии ГА ООН, от имени объединения средних стран МИКТА (Мексика, Индонезия, Корея, Турция, Австралия). Однако понятно, что в ближайшие десятилетия никакой речи о реальной многовекторной политике одного из самых верных США военно-политических союзников не приходится говорить. Страна так и останется преданным союзником, несмотря на разные признаки того, что США ценят отношения с Японией больше, чем с РК, Вот и в ноябре 2020 г. президент спешно командировал бывшую в то время министром иностранных дел Кан Ген Хва в США, чтобы она встретилась с представителями Дж. Байдена. 13 ноября 2020 г. удалось провести

телефонный разговор между Байденом и Муном. Но, как и ожидалось, Байден до этого переговорил с премьер-министром Японии Т. Суга. После вступления в должность президента Дж. Байден также вначале, причем через четыре дня, переговорил по телефону с премьером Японии, а затем через полторы недели с президентом РК. В середине марта были проведены переговоры 2+2 на уровне глав внешнеполитических и военных ведомств США с Японией и РК. И на этот раз Тони Блинкен и Ллойд Остин сначала провели переговоры в Токио, а затем уже посетили Сеул. В апреле 2021 г. нанес визит в Вашингтон премьер-министр Японии Суга. Президент РК посетил США только 21 мая 2021. Эти факты подчеркивают, что, как и ранее, для США отношения с Японией более важны, чем с РК.

Зависимость от США проявилась также и в межкорейских отношениях. Не случайно в начале 2020 г. ответственный за южнокорейскую политику член Политбюро ЦК ТПК Ким Ен Чер высказался в интервью ЦТАК, что в Южной Корее нет политика, способного принимать самостоятельное решение по вопросам отношений с КНДР. В 2018 г. президент Мун в Пханмунжомской декларации торжественно обещал объявить до конца года о прекращении состояния войны и начать подготовку мирного договора. В 2020 г. в очередной раз, теперь в выступлении на 75-й сессии ГА ООН, повторил предложение о прекращении состояния войны, а месяцем ранее на праздновании очередной годовщины освобождения Кореи предложил проект соединения железных дорог Севера и Юга. Но все это так и остается благими намерениями. По-видимому, единственная надежда РК — как-то сделать так, чтобы КНР и Россия помогли заставить КНДР уступить требованиям США по ядерной проблеме, понимая в то же время, что, при всем желании России и КНР не допустить распространения ядерного оружия, пока не прекратится политика угроз, санкций и шантажа США и поддержка этой политики со стороны РК, Северная Корея не откажется от своего ракетно-ядерного оружия.

В заключение можно отметить, что, конечно, РК старается получить больше самостоятельности и в экономике, и во внешней политике и когда-то, скорее всего, добьется, как это пытались по-своему добиться и Пак Чон Хи, и даже Ли Сын Ман. Но, если не случится чего-то экстраординарного, наступит такое время не скоро, не

через 10 и даже не через 20 лет. Такова реальность и нужно исходить из этого при анализе внешней политики этой стране как сейчас, так и в кратко- и среднесрочной перспективе.

Библиографический список

Статистика распространения коронавируса в США // Коронавирус-монитор. URL: <https://bit.ly/3txCM64> (дата обращения: 30.04.2021)

Корона-19 гукне хенхван [Ситуация в стране по ковид-19] // Yonhap News. URL: <https://bit.ly/3o1GFPC> (дата обращения: 30.04.2021) (На кор.)

Мун Чжэ Ин тэтхонрен енсолмун чип че 1 гвон [Сборник речей президента Мун Чжэ Ина. Т. 1.]. Сеул. Секретариат Президента РК, 2018. С. 52. (На кор.)

Мун Чжэ Ин. Чже 73 чжунен кванбокджоль кенчука [Мун Чжэ Ин. Речь на праздновании 73-годовщины Дня освобождения] // Сайт президента РК. URL: <https://bit.ly/3uytB6X> (дата обращения: 23.03.2021) (На кор.)

2021нён синнёнса [Мун Чжэ Ин. Новогоднее обращение 2021 г.] // Сайт Президента РК. URL: <https://bit.ly/3f4HQBk> (дата обращения: 16.03.2021) (На кор.)

Diplomatic White 2020 Paper. The Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. Seoul, 2020. P. 4–5.

References

Corona-19 Gukne hyenywan [Coronavirus-19 situation]. *Yonhap News*. URL: <https://bit.ly/3o1GFPC> (accessed: 30 April, 2021) (In Korean)

Diplomatic White 2020 Paper. The Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. Seoul, 2020. P. 4–5.

Mun Jae In daetongryeong yeonseolmun jip je 1 gwon [Moo Jae In. Collection of the Speeches of the President. Vol. 1]. Seoul, Secretariat of the President of ROK, 2018. P. 452. (In Korean)

Mun Jae In je 73 nyeon gwangbokjeol gyeongchuksa [Moon Jae In. Speech at the celebration of the 73rd anniversary of Liberation Day]. Homepage of President ROK. URL: <https://bit.ly/3uytB6X> (accessed: 23 March, 2021) (In Korean)

Statistika rasprostraneniya koronavirusa v SSHA [Coronavirus statistics in the U.S.]. *Koronavirus-monitor*. URL: <https://bit.ly/3txCM64> (accessed: 30 April, 2021) (In Russian)

2021nyeон sinnnyeonsa [Moon Jae In. New Year's Address 2021]. Homepage of RoK President. URL: <https://bit.ly/3f4HQBk> (accessed: 22 February, 2021) (In Korean)

DOI: 10.48647/IFES.2021.72.32.006

А. В. Воронцов

МЕЖКОРЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

Аннотация. Цель статьи — попытаться адекватно понять возможности и ограничения, существующие в настоящий момент на пути сближения и возобновления сотрудничества КНДР и РК в период появления новых форс-мажорных обстоятельств и грозных вызовов, стоящих перед всей корейской нацией.

При всех традиционных и глубоких разногласиях между Пхеньяном и Сеулом пандемия коронавируса создала на Корейском полуострове принципиально новую ситуацию, выдвинула общие вызовы, но при этом инициировала совершенно различные ответы на них со стороны Пхеньяна и Сеула, каждый из которых весьма эффективно использовал сравнительные преимущества собственных национальных государственно-политических систем.

В КНДР на сегодняшний день не зафиксировано ни одной жертвы инфекции. Республика Корея стала одной из первых жертв коронавируса и в феврале—марте 2020 г. занимала второе место в мире по числу инфицированных, но в результате комплексных эффективных мер сумела достаточно быстро подавить вспышку эпидемии и сейчас считается в мире образцом по надежному контролю над этим грозным заболеванием. Подобные позитивные результаты привлекают к себе повышенное внимание исследователей у нас в стране и в мире.

Вместе с тем пандемия жёстко поставила вопрос о необходимости сотрудничества между Пхеньяном и Сеулом перед новой угрозой, поиска новых путей его реализации.

Тот факт, что обоим корейским государствам удалось найти эффективные наиболее действенные пути, поспособствовавшие быстро остановить COVID-19 в 2020 г. — первой половине 2021 г., вселяет определённую надежду, что это поможет расширить взаимопонимание между руководством двух стран. Ведь в данном феномене наряду со многим другими факторами явно проявились глубоко усвоенные коды конфуцианского самосознания, которые веками учили корейцев тому, что выжить они способны только на основе осознанного коллективистского взаимодействия, а в современных условиях — сотрудничества Севера и Юга.

Ключевые слова: Корейский полуостров, диалог и сотрудничество, конфуцианство, доверие между властями и обществом, солидарность внутри общества, COVID-19.

Автор: *Воронцов Александр Валентинович*, кандидат исторических наук, заведующий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН. E-mail: vorontsovav@mail.ru

A. Vorontsov

Inter-Korean Relations in the Context of the Coronavirus Pandemic

Abstract. The purpose of the article is to understand the opportunities and limitations that currently exist on the path of rapprochement and resumption of cooperation between the DPRK and the ROK during the emergence of new force majeure circumstances and formidable challenges facing the entire Korean nation.

Despite all the traditional and deep differences between Pyongyang and Seoul, the coronavirus pandemic has created a fundamentally new situation on the Korean Peninsula, put forward common challenges, but at the same time initiated completely different responses to them from Pyongyang and Seoul, each of which has very effectively used the comparative advantages of their own national state and political systems. logical, in a new way and at a new level, it firmly raised the necessity to intensify cooperation between Pyongyang and Seoul in the face of the threat of a global pandemic, and to find new ways to implement it.

In the DPRK no victims of infection have been recorded. The Republic of Korea was one of the first victims of the coronavirus, and in

February-March 2020, it ranked second in the world in terms of the number of infected people, but as a result of comprehensive effective measures, it managed to quickly suppress the outbreak of the epidemic, and is now considered a model in the world for reliable control of this formidable disease. Such positive results attract the increased attention of researchers in our country and in the world.

The fact that both Korean states have managed to find most effective ways to stop COVID-19 in 2020 and the first half of 2021 gives some hope that this will help to expand mutual understanding between the leaders of the two countries. After all, this phenomenon revealed the deeply internalized codes of Confucian self-consciousness that has taught Koreans through centuries to act based on conscious collectivist interaction, and in modern conditions-cooperation between the North and the South.

Keywords: Korean peninsula, dialogue and cooperation, Confucianism, trust between authorities and society, solidarity within society, COVID-19

Author. VORONTSOV, Alexander V., Ph.D. (History), Head of the Department of Korea and Mongolia, of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: vorontsovav@mail.ru

Пандемия коронавируса создала на Корейском полуострове принципиально новую ситуацию, выдвинула общие вызовы, но при этом инициировала совершенно различные ответы на них со стороны Пхеньяна и Сеула, каждый из которых весьма эффективно использовал сравнительные преимущества собственных национальных государственно-политических систем.

Обе Кореи успешно противостоят этому вызову.

КНДР — просто уникальная страна, где на сегодняшний день не зафиксировано ни одной жертвы инфекции.

Республика Корея стала одной из первых жертв коронавируса, пришедшего из Китая, и в феврале—марте 2020 г. занимала второе место в мире по числу инфицированных, но в результате комплексных эффективных мер сумела достаточно быстро подавить вспышку эпидемии и сейчас считается в мире образцом по надежному контролю над этим грозным заболеванием [COVID-19, Global tracker...]. Подобные позитивные результаты привлекают к себе повышенное внимание исследователей у нас в стране и в мире.

По нашему мнению, одной из центральных причин успеха ряда стран Восточной Азии, включая Корейский полуостров, является их принадлежность к особому типу культуры, называемому «конфуцианской цивилизацией». Хотя практические шаги, манера общения со своим населением и иностранцами, задействованные средства реагирования в борьбе с малоизвестной болезнью в 2020 г. внешне резко контрастировали.

Невозможно не подчеркнуть, что наряду с мерами властей и усилиями медицины важнейшую роль в спасении корейцев в 2020 г. от угрозы COVID-19 сыграли давно, глубоко и прочно усвоенные корни конфуцианского самосознания, приучившие их к осознанному коллективистскому взаимодействию, при котором нередко приходится жертвовать частными удобствами во имя блага нации. Одновременно пандемия обострила необходимость активизации межкорейского сотрудничества.

Корея и COVID-19

ВОЗ подтвержденных случаев коронавируса в Северной Корее не обнаружила. Несмотря на информационные вбросы ряда СМИ, на 11.01.2021 г. представители ВОЗ в КНДР не подтвердили подобные факты [North Korea tests ...].

Данный феномен был достигнут в результате осуществления экстраординарных мер. Руководство Северной Кореи объявило предотвращение распространения коронавируса вопросом «национального выживания» и мгновенно приняло беспрецедентно жёсткие меры, в том числе по герметичному закрытию своих границ, запретив все виды транспортного сообщения с внешним миром.

Были введены «сверхспециальные карантинные меры», описанные в том числе в развёрнутом интервью посла РФ в КНДР в феврале 2021 г. [Посол России в КНДР ...].

Пхеньян ввёл карантин и закрыл границы уже с 21 января 2020 г.; для всех иностранцев в стране, а также корейцев, которые могли быть с ними в контакте, были введены жёсткие ограничения.

Руководство КНДР не только ввело систему защитных мер, но и строго контролирует их неукоснительную реализацию. Например,

на расширенном заседании Политбюро ЦК ТПК под председательством Ким Чен Ына 28 февраля 2020 г. были подвергнуты жёсткой критике «антипартийные поступки, злоупотребления особой властью, коррупция», проявленные среди руководящих кадров высшей партийной школы. В итоге были освобождены от должностей два заместителя председателя ЦК ТПК — Ли Ман Гон и Пак Тхэ Док, а партийный комитет «базы подготовки партийных кадров» был расформирован. Ким Чен Ын подчеркнул, что в «рамках государственной противоэпидемической системы ни в коем случае недопустимо никаких привилегированных», и дал указание «кабинету министров и центральному чрезвычайному противоэпидемическому командованию целиком блокировать всевозможные пути и щели проникновения коронавируса» [ЦТАК, 29.02.2020]. Столь же грозные установки и предупреждения продолжают звучать постоянно, включая документы VIII съезда ТПК, состоявшегося в начале января 2021 г.

Реакция международного сообщества и заинтересованных государств на действия руководства КНДР была неоднозначной. Так, ряд международных организаций — ЮНИСЕФ, ВОЗ, Красный Крест, а также некоторые НПО (COVAX и др.) откликнулись на просьбы Пхеньяна о международной помощи и уже начали её оказывать.

Россия и Китай в этой сфере также оказали важное содействие Северной Корее. Москва поставила 1500 наборов для тестирования на коронавирус [A tale of two Koreas in the age of coronavirus.].

Можно сделать заключение, что важную роль и в Южной, и в Северной Корее сыграли проявившиеся в кризисной ситуации ценности конфуцианской культуры. КНДР и РК, оказавшись в схожей ситуации, действовали внешне по очень различным сценариям. Однако во многом парадигма действий опиралась на конфуцианский опыт коллективистского поведения и общественной дисциплины населения.

Вместе с тем угроза пандемии жёстко поставила вопрос о необходимости сотрудничества между Пхеньяном и Сеулом, поиска новых путей его реализации.

При этом следует учитывать, что к моменту начала пандемии уже почти исчезла эйфория относительно возможности быстрого и

многостороннего сотрудничества между Севером и Югом, вспыхнувшая и продержавшаяся на политическом небосклоне в течение нескольких месяцев 2018 г., когда состоялись три межкорейских саммита, были подписаны Пханмунджомская и Пхеньянская декларации.

Сеул ожидаемо выбрал опцию продолжать оставаться прежде всего верным военно-политическим союзником Вашингтона, а уже после этого — братом-соотечественником-корейцем, что было прописано в вышеотмеченных декларациях. Тактическая линия Голубого дома притом была такова: Сеул стремится к налаживанию сотрудничества с КНДР, но не может, поскольку Вашингтон блокирует все его добрые инициативы и попытки и непреклонно настаивает на неукоснительном исполнении санкционного режима, согласно которому «ни один доллар» не должен попасть на Север [State of Affairs...].

Пхеньян в этой ситуации быстро разобрался и откровенно высказал своё крайне негативное отношение к неспособности (или нежеланию) Сеула выполнять двусторонние обязательства.

Кульминацией взаимного разочарования стало разрушение посредством взрыва здания для межкорейских переговоров в Кэсоне 16 июня 2020 г., поводом для которого стал очередной запуск активистами антисеверокорейских групп новой серии воздушных шаров с пропагандистскими материалами, включая фотомонтаж супруги Ким Чен Ына в обнажённом и непристойном виде [Understanding Recent Revisions to the Inter-Korean Relations].

Вместе с тем анализ событий последних лет породил среди ряда экспертов мнение, что правительство Мун Чжэ Ына только усердно декларировало приверженность восстановлению многостороннего общения, в том числе экономического сотрудничества с Севером. Но на самом деле оно стремилось не столько к этому, а, скорее, к укреплению своих имиджевых позиций в качестве эффективного посредника между США и КНДР, поборника мира на Корейском полуострове и межкорейского сотрудничества и т. д.

В том числе стал гласностью эпизод, когда в начале 2019 г. (до закрытия границ из-за COVID-19) южнокорейское правительство не поставило на Север 200 тыс. доз противогриппозного препарата «Тамифлю», объясняя это тем, что американские военные власти якобы

не открыли им проход через главный контрольно-пропускной пункт Пханмунджом в феврале 2019 г. Военные США опровергли этот факт. Они заявили, что по запросу южнокорейских властей держали этот проход открытым до тех пор, пока Сеул сам не отозвал свой запрос [UNC refutes allegations of hindering Tamiflu delivery to N. Korea].

Но реальная картина двустороннего взаимодействия значительно многомернее и сложнее. Недавно Мун Чжэ Ин совершил то, что от него ждали в Пхеньяне и что отказывались сделать его предшественники. Он провёл через парламент и законодательно запретил деятельность вышеупомянутых антисеверокорейских групп, которые долго и систематически «отравляли» межкорейские отношения регулярными запусками «баллонов» с Юга на Север Кореи [South Korea bans...].

На наш взгляд, этот непростой политический акт администрации Мун Чжэ Ина, встретивший неизбежную резко негативную реакцию со стороны правоконсервативных и «правозащитных» сил Южной Кореи, подтвердил серьёзность намерений и способность официального Сеула совершать реальные шаги на пути к межкорейской нормализации.

В результате появляются основания надеяться, что межкорейское сотрудничество может активизироваться уже в ближайшие месяцы по различным, прежде всего гуманитарным, направлениям. Ведь фактор COVID-19 как глобальной угрозы остаётся, и обе Кореи к нему относятся крайне серьёзно.

Как известно, южнокорейская компания GL Rapha уже достаточно давно заключила с Российским фондом прямых инвестиций соглашение по производству больших объёмов вакцины «Спутник V», предназначенных на экспорт (и уже производит данный препарат). Идея того, что было бы логично часть этого препарата передать на Север, уже достаточно долго «витает в воздухе», и многими, в том числе южнокорейскими, экспертами «изобретаются» различные схемы, как это реализовать. Так, в феврале 2021 г. губернатор пров. Канвондо Чхве Мун Сун выдвинул предложение передать значительную часть этой российской вакцины в Северную Корею в качестве гуманитарной помощи.

Если такая инициатива будет реализована, то это станет не только ещё одним важнейшим фактором в рамках выполнения своих за-

фиксированных в двусторонних декларациях обещаний, но и важным «практическим шагом» Сеула по материализации межкорейского сотрудничества в по-настоящему жизненно важных сферах существования двух Корей.

Библиографический список

Посол России в КНДР: мы привыкли к новым условиям жизни в Пхеньяне. Интервью // Interfax. URL: <https://bit.ly/3exBi7v> (дата обращения: 15.02.2021)

Чосон нодондан чунан вивонхве чончхигук хвактэхвеи чинхэн [Прошло расширенное заседание Политбюро ЦК ТПК]. Pyongyang, KCNA // KCNA Watch. URL: <https://bit.ly/2QYtLpD> (дата обращения: 03.03.2020) (На кор.)

Choi Soo-hyang. UNC refutes allegations of hindering Tamiflu delivery to N. Korea // Yonhap News. URL: <https://bit.ly/3f67rlZ> (дата обращения: 22.05.2020)

COVID-19, Global tracker // Reuters. URL: <https://tmsnrt.rs/3o3U8Gx> (дата обращения: 28.03.2021)

Jung, Won-Gi. North Korea tests 13,259 people for COVID-19, still claims zero confirmed cases // NK News. URL: <https://bit.ly/2SJ7fBH> (дата обращения: 15.01.2021)

Park Jung H. A tale of two Koreas in the age of coronavirus // Brookings. URL: <https://brook.gs/3faOw9k> (дата обращения: 16.04.2020)

Song, Young-Gil. Understanding Recent Revisions to the “Inter-Korean Relations // 38North. URL: <https://bit.ly/3f7BoBZ> (дата обращения: 17.02.2021)

South Korea bans activists from flying propaganda balloons over North Korea // The Guardian. URL: <https://bit.ly/33uZalZ> (дата обращения: 17.12.2020)

State of Affairs on the Korean Peninsula: Assessment of 2020, Prospects for 2021, Kyungnam University writer, Date of Issue 2020.12.10. Chapter 5. P.3. // IFES, Kyungnam University. URL: <https://bit.ly/3xXSXNv> (дата обращения: 17.02. 2021)

References

Choi Soo-hyang (2020). UNC refutes allegations of hindering Tamiflu delivery to N. Korea. *Yonhap News*. URL: <https://bit.ly/3f67rlZ> (accessed: 22 May, 2020)

COVID-19, Global tracker. *Reuters*. URL: <https://tmsnrt.rs/3o3U8Gx> (accessed: 28 March, 2021)

Joseon Rodongdang jungang wiwonghoe jeonchiguk hwaktaehoeui jinhaeng [An expanded meeting of the Political Bureau of the Central Committee of the Korea

Working Party took place] Pyongyang, KCNA. *KCNA Watch*. URL: <https://bit.ly/2QYtLpD> (accessed: 03 March, 2020) (In Korean)

Jung, Won-Gi (2021). North Korea tests 13,259 people for COVID-19, still claims zero confirmed cases. *NK News*. URL: <https://bit.ly/2SJ7fBH> (accessed: 15 January, 2021)

Park Jung H. (2020). A tale of two Koreas in the age of coronavirus. *Brookings*. URL: <https://brook.gs/3faOw9k> (accessed: 16 April, 2020)

Posol Rossii v KNDR: my privykli k novym usloviyam zhizni v Phen'jane. Interv'ju [Russian Ambassador to North Korea: We are used to the new living conditions in Pyongyang. Interview]. *Interfax*. URL: <https://bit.ly/3exBi7v> (accessed: 15 February, 2021) (In Russian)

Song, Young-gil (2020). Understanding Recent Revisions to the “Inter-Korean Relations. *38North*. URL: <https://bit.ly/3f7BoBZ> (accessed: 17 February, 2021)

South Korea bans activists from flying propaganda balloons over North Korea. *The Guardian*. URL: <https://bit.ly/33uZalZ> (accessed: 17 December, 2020)

State of Affairs on the Korean Peninsula: Assessment of 2020, Prospects for 2021, Kyungnam University writer, Date of Issue 2020.12.10. Chapter 5. P.3. *IFES, Kyungnam University*. URL: <https://bit.ly/3xXSNv> (accessed: 17 February, 2021)

DOI: 10.48647/IFES.2021.65.34.007

Р.Л. Казарьян

ПРОБЛЕМА ОБЪЕДИНЕНИЯ КОРЕИ В ПОЛИТИКЕ СССР И РФ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИЛИ НОВАЯ СТРАТЕГИЯ?

Аннотация. Особое место в геополитической расстановке сил на Корейском полуострове принадлежит России, а ранее — Советскому Союзу. Исторически наша страна имеет прямое отношение к появлению двух корейских государств, что обязывает предпринимать усилия для возможного урегулирования проблемы разделения единой Кореи.

Советский Союз в течение всего времени раскола на Корейском полуострове признавал только Северную Корею и лишь в последние годы своего существования установил экономические, а потом и дипломатические отношения с Югом. Логика противостояния холодной войны диктовала сторонам диаметрально противоположные стратегии воссоединения, и Советский Союз поддерживал КНДР в стремлении объединить страну на социалистических принципах. Несмотря на то что фактически инициатива в вопросах межкорейских контактов исходила от северокорейцев, официальная позиция Москвы в вопросе объединения была идеологически однозначна: КНДР — единственное законное государство на полуострове.

Хотя после распада социалистического лагеря Российская Федерация изменила вектор своего общественно-политического развития — за исключением короткого периода в 1990-х годах, — она сохранила и поддерживает добрососедские отношения с обоими ко-

рейскими государствами. В этом принципиальное отличие современной политики России от политики, проводимой СССР. Тем не менее сегодняшняя обстановка в мире свидетельствует о наличии глубоких противоречий в интересах ключевых государств региона, что постепенно ведет к формированию на полуострове нового блокового противостояния. Причем граница этого противостояния вновь проходит по 38-й параллели. Это означает, что решение корейского вопроса в целом или даже конкретные шаги по углублению межкорейского сотрудничества — всё это будет зависеть не столько от самих корейцев, сколько от международной обстановки.

Важно отметить, что сегодня интересы России, Китая и КНДР во многом совпадают, и в этом уникальность ситуации, так как во время существования СССР, помимо политико-идеологических различий в стратегиях стран блокового противостояния, решение корейского вопроса осложнялось серьезными противоречиями между Москвой и Пекином в вопросах социалистического строительства. Многое в ближайшей и среднесрочной перспективе будет зависеть от того, сумеют ли Россия, Китай и корейские государства в полной мере осознать общность своих интересов и сформировать единую внешнеполитическую линию.

Ключевые слова: РК, КНДР, СССР, РФ, проблема объединения, межкорейские отношения, корейский вопрос.

Автор: Казарьян Рубен Левонович, кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт востоковедения РАН.

ORCID: 0000-0002-2225-6539. E-mail: roubenka@hotmail.com

R. Kazariyan

The Problem of the Unification of Korea in the Policy of the USSR and the Russian Federation: Continuity or a New Strategy?

Abstract. A special place in the geopolitical alignment of forces on the Korean Peninsula belongs to Russia, and earlier to the Soviet Union. Historically, our country is directly related to the emergence of two Korean states here, which obliges us to make efforts for a possible settlement of the problem of the division of a united Korea.

During the entire time of the split on the Korean Peninsula, the Soviet Union recognized only North Korea and only in the last years of its existence established economic and then diplomatic relations with the South. The logic of confronting the Cold War dictated to the parties diametrically opposed reunification strategies, and the Soviet Union suppor-

ted the DPRK in an effort to unite the country on socialist principles. Despite the fact that in fact the initiative in matters of inter-Korean contacts came from the North Koreans, Moscow's official position on the issue of unification was ideologically unambiguous: the DPRK is the only legitimate state on the peninsula.

Despite the fact that after the collapse of the socialist camp, the Russian Federation changed the vector of its socio-political development, with the exception of a short period in the 90s, it retained and maintains good-neighborly relations with both Korean states. This is the fundamental difference between contemporary Russian policy and the USSR. Nevertheless, the current situation in the world testifies to the presence of deep contradictions in the interests of the key states of the region, which is gradually leading to the formation of a new bloc confrontation on the peninsula. Moreover, the border of this confrontation again runs along the 38th parallel. This means that the resolution of the Korean issue as a whole, or even concrete steps to deepen inter-Korean cooperation, will depend not so much on the Koreans themselves as on the international situation.

It is important to note that today the interests of Russia, China and the DPRK largely coincide and this is the uniqueness of the situation, since during the existence of the USSR, in addition to the political and ideological differences in the strategies of the countries of the bloc confrontation, the solution of the Korean question was complicated by serious contradictions between Moscow and Beijing on the issues of socialist construction. Much in resolving the Korean issue in the near and medium term will depend on whether Russia, China and the Korean states are able to fully realize their common interests and form a single foreign policy line.

Keywords: ROK, DPRK, USSR, RF, the problem of unification, inter-Korean relations, the Korean issue.

Author: KAZARIYAN Rouben L., Ph.D. (Political Sciences). Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-2225-6539. E-mail: roubenka@hotmail.com

Российское внешнеполитическое присутствие в Северо-Восточной Азии обусловлено территориальной принадлежностью нашей страны к данному субрегиону, соответствующими политико-экономическими интересами и необходимостью поддержания здесь стабильности как для развития российского Дальнего Востока, так и в

целом для осуществления мирного сотрудничества всех близлежащих стран.

Нашей стране, как ранее Советскому Союзу, принадлежит особое место в геополитической расстановке сил на Корейском полуострове. Россия признаёт то, что именно раскол на полуострове является источником нестабильности и угрожает миру в регионе, что прямо отражено в ст. 4 Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР: «...раскол Кореи является источником международной напряженности, а скорейшее разрешение этой проблемы является чаянием народа Кореи и отвечает интересам безопасности во всей Азии» [Договор о дружбе...].

При всей сложности нынешней ситуации Российская Федерация выступает за скорейшее и мирное воссоединение разделённой Кореи, позиция Москвы заключается во всецелой поддержке, содействии более полному использованию потенциала межкорейских связей для углубления всестороннего регионального развития. Большую часть своей истории Советский Союз также отстаивал идею мирного воссоединения Кореи, но следует отметить, что единственная до настоящего времени попытка вооруженного объединения страны была предпринята во времена СССР [Торкунов]. Тем не менее в дальнейшем позиция советского руководства в отношении решения корейского вопроса была однозначна: только мирное объединение.

Но даже и такое объединение Кореи виделось по-разному. Если Советский Союз, будучи государством социалистической общественно-экономической формации, выступал в данном вопросе именно на таких принципах общественного устройства и признавал как единственное легитимное государственное образование на полуострове только КНДР, то позиция Российской Федерации более гибка. «Россия, уважая суверенное право каждого государства на выбор собственных путей политического, экономического и общественного развития, поддерживает добрососедские отношения с обоими Корейскими государствами, приветствует двусторонние усилия по нормализации отношений между Севером и Югом» [Совместная...].

Хорошо известна точка зрения президента России В. В. Путина о том, как, по его мнению, должно происходить объединение Кореи. Накануне визита в Республику Корея в ноябре 2013 г. он дал интервью

южнокорейской телерадиовещательной компании KBS и, в частности, ответил на вопрос об объединении: «Мы, безусловно, поддерживаем стремление корейцев к объединению нации. Это естественный процесс. Но я исхожу из того, что он должен происходить исключительно мирным путём и с учётом интересов как северной части полуострова, так и южной». Далее президент подчеркнул, что «...мы будем поддерживать только тот процесс, который будет идти мирным путем, будем поддерживать только использование тех средств, которые... приводят к положительным результатам, а не доводят до конфликтов, трагедий и разрушений» [Путин: объединение Кореи...].

Важной представляется и точка зрения российского руководителя относительно различного рода сценариев поглощения или так называемого германского сценария объединения. Президент России сказал: «Нельзя ничего навязывать партнерам, иначе вместо положительного результата процесс примет разрушительный характер. И напротив, если учитывать интересы партнеров, имея в виду безусловное стремление людей (а в сердце, я думаю, что каждый кореец думает о возможном объединении страны, вне зависимости от своих политических взглядов), этот процесс может быть очень созидательным, позитивным и может принести большие положительные результаты как для мировой политики, для обеспечения безопасности в регионе, так и для экономики этого региона» [Путин: объединение Кореи...].

Таким образом, глава Российской Федерации недвусмысленно высказался, что объединение должно происходить с учетом интересов Севера и Юга и без навязывания какой-либо из сторон своего видения.

Это довольно важное обстоятельство, поскольку варианты поглощения одной стороной, по мнению многих специалистов, так или иначе приведут к конфликту, а если такового и удастся избежать, то к иным серьёзным демографическим, социальным проблемам, неравенству и диспропорциям в развитии частей Корейского полуострова в рамках единого государства, что также означает нестабильность в регионе.

Сегодня Россия выступает категорически против каких-либо силовых сценариев решения Корейского вопроса. Во многом такая позиция проистекает из печального опыта Советского Союза ввиду

провала попытки вооруженного объединения страны во время Корейской войны 1950—1953 гг. В этом, безусловно, есть преемственность внешнеполитического курса современной России, но также и собственный взгляд на применение военной силы для достижения каких-либо целей.

С точки зрения международного права Корейская война не окончена и является действующим, но отложенным конфликтом. До сих пор существует лишь соглашение о прекращении огня, причём подписанное даже не всеми сторонами. Кроме того, многолетнее политико-дипломатическое, военное, а в последние годы и довольно жёсткое экономическое санкционное давление на КНДР со стороны США и Совета Безопасности ООН уже не раз ставили ситуацию на полуострове на грань войны. Следует признать, что, в отличие от Советского Союза, сегодня у Российской Федерации нет действенных инструментов сдерживания в случае сползания ситуации к конфликту.

В прошлом, несмотря на серьёзнейшие обострения ситуации на полуострове, пик которых пришёлся на конец 1960-х годов, Советский Союз, договор с которым от 1961 г. предполагал немедленную военную помощь КНДР в случае агрессии против неё третьей стороны, являлся серьёзным сдерживающим фактором и побуждал искать политико-дипломатические пути разрешения противоречий [Тихомиров, с. 77—78].

Сегодня такая военная помощь из нового договора между Россией и КНДР исключена, а недавний острейший кризис 2016—2017 гг. был преодолён, скорее, многосторонними дипломатическими усилиями нескольких стран. Несмотря на то что в их число входила и Россия, в целом очевидно, что сегодня в вопросах осуществления внешней политики в регионе мы скорее движемся в фарватере китайской линии. На наш взгляд, это довольно важное обстоятельство, принципиально отличающее сегодняшнюю роль нашей страны в региональной политике, хотя согласованные коллективные усилия в сфере безопасности и сохранения стабильности в регионе имеют больший эффект.

К концу 50-х — началу 60-х годов XX в., ввиду внутренних идеологических противоречий среди стран социалистического лагеря,

прежде всего между СССР и Китаем, возникших после XX съезда КПСС и серьезным образом обострившихся в 1960-е годы, внешнеполитическое взаимодействие двух крупнейших социалистических государств в мире фактически было приостановлено.

Противоречия между СССР и Китаем привели к китайско-северокорейскому сближению и отдалению Пхеньяна от Москвы, что дало стимул к появлению большей самостоятельности Северной Кореи. Однако к середине 1960-х годов агрессивная внешнеполитическая риторика Пхеньяна, направленная на форсированное объединение, способствовала обратному эффекту. Благодаря советско-американским усилиям кризис 1968 г. из-за захвата «Пуэбло» удалось преодолеть, но это заставило советское руководство серьёзным образом пересмотреть свои взгляды на военную помощь Пхеньяну, в том числе и в рамках договора 1961 г.

Ещё одним итогом этого кризиса явилось то, что на фоне общей разрядки напряжённости в начале 1970-х годов руководство КНДР постепенно отказалось от силовых методов объединения и согласилось с необходимостью совместной выработки путей решения проблемы, результатом чего стало Совместное заявление Севера и Юга 1972 г. В этом заявлении стороны сформулировали общие принципы мирного объединения страны без конкретизации деталей. Важным обстоятельством было то, что в упомянутом заявлении ничего не говорилось об объединении страны исключительно на социалистической основе, и такое положение поначалу было болезненно воспринято советским руководством [Ткаченко, с. 81—82].

Тем не менее советское правительство в целом одобряло мирный межкорейский диалог, поскольку таковой способствовал снижению напряженности на полуострове и в регионе в целом [Забровская, с. 82].

Со второй половины 1980-х годов в руководстве Советского Союза крепло понимание бесперспективности курса на непризнание Южной Кореи, что в итоге привело к установлению дипломатических отношений между СССР и РК в 1990 г. [Ванин, с. 277—283]

Таким образом, в вопросе выработки концепции объединения Кореи и решения корейского вопроса в целом наблюдалось движение в сторону отказа от обязательной идеологической составляющей

шей. Во главу угла ставилось поступательное межкорейское сближение и сотрудничество на всех уровнях.

Сегодня, при всех отличиях от времён Советского Союза, ситуация во многом идентична, хотя вместо идеологического противостояния различных систем мы наблюдаем противоречия в интересах крупных игроков, которые также по-своему сводятся к конкуренции моделей социально-экономического развития. Но при выработке конкретных программ объединения социально-экономические и политико-идеологические аспекты отходят на второй план. Важнее оказывается международный аспект. Иначе говоря, неважно, будет ли объединённая Корея представлять из себя конфедерацию двух разных государств, будет ли у неё одно или два правительства и т. д. Важно, какова будет внешняя политика объединённой Кореи.

В работах ряда российских учёных звучит мысль о том, что в интересах России не присоединение объединённой Кореи к какому-либо из блоков, а формирование нейтрального государства. Наиболее удачно эту мысль сформулировал выдающийся советский и российский кореевед В.П. Ткаченко: «...не менее существенным элементом политики России в регионе является то, что она в принципе позитивно относится к перспективе объединения Кореи. ...поскольку тем самым устраняется очаг напряжённости вблизи российских границ... [но только при условии, что] ...единая Корея не станет враждебным по отношению к России государством или участницей военно-политического альянса с каким-либо третьим государством...» И далее: «Геополитическое положение Кореи таково, что реальные гарантии её безопасности могут быть обеспечены, если она будет независимым и нейтральным государством» [Ткаченко, с. 145—146].

Отрадно, что в современной российской политике, направленной на решение корейского вопроса и объединение Кореи, прослеживаются именно такие положения. Сегодняшняя российская стратегия относительно объединения Кореи состоит в содействии процессу нормализации межкорейских отношений, в поэтапном снятии напряжённости, возобновлении экономического сотрудничества, налаживании совместных, в том числе и трехсторонних, экономических проектов. Россия не приемлет силового или конфликтного сценария объединения или объединения в форме поглощения одного

государства другим, так как, по мнению Москвы, это противоречит межкорейским договорённостям, а также обязательствам, которые РФ несёт в соответствии с рядом межгосударственных договоров и совместных деклараций.

Несмотря на то что после распада социалистического лагеря Российская Федерация изменила вектор своего общественно-политического развития — за исключением короткого периода в 1990-х годах, — она сохранила и поддерживает добрососедские отношения с обоими корейскими государствами. В этом принципиальное отличие современной политики России от политики, проводимой СССР. Тем не менее сегодняшняя обстановка в мире свидетельствует о наличии глубоких противоречий в интересах ключевых государств региона, что постепенно ведёт к формированию на полуострове нового блокового противостояния. Причём граница этого противостояния вновь проходит по 38-й параллели. Это означает, что решение корейского вопроса в целом или шаги по углублению межкорейского сотрудничества — всё это будет зависеть не столько от самих корейцев, сколько от международной обстановки и содействия со стороны крупнейших держав.

Важно отметить, что сегодня интересы России, Китая и КНДР во многом совпадают, и в этом уникальность ситуации, так как во время существования СССР, помимо политико-идеологических различий в стратегиях стран блокового противостояния, решение корейского вопроса осложнялось серьезными противоречиями между Москвой и Пекином. Многое в ближайшей и среднесрочной перспективе будет зависеть от того, сумеют ли Россия, Китай и корейские государства осознать общность своих интересов и сформировать единую внешнеполитическую линию.

Библиографический список

Ванин Ю.В. Из истории установления дипломатических отношений СССР с РК. Участие Института востоковедения РАН // Таси маннанын иус Росиа [Новая встреча с соседом — Россией]. Каталог фотовыставки, посвященной 20-летию установления дипотношений между Республикой Корея и Российской Федерацией. Seoul: Korea-Russian Dialogue, 2010. С. 277—283. (На рус. и кор.)

Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой // *Корейское урегулирование и интересы России*. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 305.

Забровская Л.В. Корейские концепции объединения страны и позиция России // *Россия и АТР*. Номер 2 (84). Владивосток, 2014. С. 82.

Путин: объединение Кореи возможно только мирным путём // *РИА Новости*. URL: <https://bit.ly/3y2DHPm> (дата обращения: 22.04.2021).

Совместная российско-корейская декларация // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3183> (дата обращения: 22.04.2021).

Тихомиров В.Д. Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 80-х годов). М.: Восточная литература, 1998. С. 77—78.

Ткаченко В.П. Корейский полуостров и интересы России. М.: ИДВ РАН, 2000. С. 81—82.

Торкунов А.В. Загадочная война: Корейский конфликт 1950—1953 годов. М.: РОССПЭН, 2000.

References

Dogovor o druzhbe, dobrososedstve i sotrudnichestve mezhdru Rossijskoj Federacij i Korejskoj narodno-demokratsicheskoj Respublikoj [Treaty of Friendship, Good-Neighborliness and Cooperation between the Russian Federation and the Democratic People's Republic of Korea]. *Korejskoe uregulirovanie i interesy Rossii [Korean Settlement and the Interests of Russia]*. Moscow: IDV RAN. 2008. P. 305. (In Russian)

Putin: ob'edinenie Korei vozmozhno tol'ko mirnym putjom [Putin: the unification of Korea is possible only by peaceful means]. *RIA Novosti*. URL: <https://bit.ly/3y2DHPm> (accessed 22 April, 2021) (In Russian)

Sovmestnaja rossijsko-korejskaja deklaracija. Stat'ja 5. [Joint Russian-Korean Declaration. Article 5]. *Prezident Rossii [President of Russia]*. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3183> (accessed 22 April, 2021) (In Russian)

Tihomirov V.D. (1998). Korejskaja problema i mezhdunarodnye faktory (1945 — nachalo 80-h godov) [The Korean problem and International factors (1945-early 80's)]. Moscow: Vostochnaja literatura: 77—78. (In Russian)

Tkachenko V.P. (2000). Korejskij poluostrov i interesy Rossii [The Korean Peninsula and the interests of Russia]. Moscow: IDV RAN. (In Russian)

Torkunov A.V. (2000). Zagadochnaja vojna: Korejskij konflikt 1950—1953 godov [The Mysterious War: the Korean Conflict of 1950—1953]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Vanin Y.V. Iz istorii ustanovlenija diplomatskikh otnoshenij SSSR s RK. Uchastie Instituta vostokovedenija RAN [From the history of the establishment of diplomatic relations between the USSR and the Republic of Korea. Participation of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]. *Tasi mannaneun iut Reosia [Meeting our neighbour Russia again] Katalog fotovystavki, posvjashhennoj 20-letiju ustanovlenija dipotnoshenij mezhdru Respublikoj Koreja i Rossijskoj Federaciej [Photo exhibition catalogue for the 20th anniversary of the establishment of diplomatic relations between the Republic of Korea and the Russian Federation]*. Seoul: Korea-Russian Dialogue, 2010. (In Russian and Korean)

Zabrovskaja L.V. (2014). Korejskie koncepcii ob'edinenija strany i pozicija Rossii [Korean concepts of the unification of the country and the position of Russia, Russia and the Asia-Pacific Region]. *Rossija i ATR [Russia and Asia-Pacific Region]*. Vol. 2 (84). (In Russian)

DOI: 10.48647/IFES.2021.19.42.008

Р.Н. Лобов

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ И ЯПОНИИ НА ФОНЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН В ТОКИО И ВАШИНГТОНЕ

Аннотация. Взаимоотношения между Сеулом и Токио в последние годы подверглись серии испытаний на прочность. Актуализация некоторых вопросов исторического прошлого (проблема «женщин для утешения», проблема компенсаций жертвам насильственной трудовой мобилизации на японские предприятия в период Второй мировой войны), взаимные обмены мерами экономического принуждения, разногласия между двумя столицами по ряду международных проблем (ядерная проблема Корейского полуострова, стратегия в отношении КНР) привели к определенному охлаждению двустороннего диалога между РК и Японией. Так, по некоторым оценкам трехсторонняя встреча лидеров и высокопоставленных представителей КНР, Республики Корея и Японии не состоялась в 2020 г. в том числе и из-за сложностей во взаимопонимании между сторонами.

После ухода в отставку в сентябре 2020 г. премьер-министра Японии Синдзо Абэ в южнокорейских политических, деловых и экспертных кругах стали озвучиваться робкие надежды на появление нового шанса для двусторонних отношений. Считалось, что новый глава кабинета министров Ёсихидэ Суга настроен куда более прагматично, нежели его предшественник. Тем не менее по истечении полугода с момента перестановок в японской правящей вер-

хушке можно констатировать, что, несмотря на все благие пожелания и призывы, существенных перемен в двустороннем диалоге не произошло. В целом новое японское правительство действует в фарватере ранее сформированного политического консенсуса, предполагающего минимум уступок в ответ на выдвигаемые Республикой Корея требования.

Внутриполитические перемены в США в виде возвращения демократов (главным образом, «обамовского» призыва) во власть также порождают в экспертных кругах такие ожидания, будто бы администрация президента Джо Байдена повторит попытки примирения Сеула и Токио. Представители американского внешнеполитического истеблишмента уже заявляют в том числе и о необходимости возобновления многосторонней коалиции, призванной усилить давление на Пхеньян.

Ключевые слова: Республика Корея, Япония, дипломатия, внешняя политика, региональная безопасность, исторические споры.

Автор: *Лобов Роман Николаевич*, эксперт, Центр координации исследований, Российский институт стратегических исследований. ORCID: 0000-0002-4883-5037. E-mail: romanlob@hotmail.com

R. Lobov

The Republic of Korea — Japan Relations amid the Change of Power in Tokyo and Washington

Abstract. Bilateral relations between Seoul and Tokyo were examined by a complex of unsettled problems. Some of them, such as history past issues (comfort women issue, WWII forced labor mobilization issue), mutual implementation of economic pressure measures, tensions on some issues of regional and international agenda (approaches to dealing with DPRK, China) has resulted in the Republic of Korea and Japan policy dialogue standoff.

After Abe Shinzo's resignation from the prime minister of Japanese government's post (September 2020), in South Korea's political, business and expert circles voiced hope for a new chance at improving the dialogue with Tokyo. However, some months later it was clear that Suga Yoshihide Cabinet inherited a hardline approach towards his policy toward Seoul.

Change of power in the USA (January 2021) and returning the democrats to the White House was perceived in the Republic of Korea as a

new opportunity for settlement of old issues in Korea-Japan relations. It is highly likely that US President Joe Biden will return to the Obama-style approach on Seoul and Tokyo reconciliation. Biden's new policy will be aimed to strengthen the trilateral cooperation between the United States, the Republic of Korea and Japan for deterring the "threat" from the DPRK and China.

Keywords: the Republic of Korea, Japan, diplomacy, foreign relations, regional security, history disputes.

Author: *LOBOV Roman N.*, expert, Russian Institute for Strategic Studies. ORCID: 0000-0002-4883-5037. E-mail: romanlob@hotmail.com

Смена власти в Японии (сентябрь 2020 г.) и Соединенных Штатах Америки (январь 2021 г.) породила у ряда аналитиков ожидания, что это даст шанс нормализовать южнокорейско-японские отношения. Со второй половины 2020 г. руководство РК пытается наладить контакты с Ёсихидэ Сугой, стремясь добиться разморозки политического диалога между Сеулом и Токио.

Стремление администрации президента РК Мун Чжэ Ина к возобновлению взаимодействия на рабочем уровне с кабинетом Суги также может быть связано и с возвращением к власти в Вашингтоне представителей Демократической партии во главе с Джо Байденом. Сразу после своего прихода в Белый дом новое американское руководство обратилось с призывами к Республике Корея и Японии умирить уровень взаимных разногласий и сосредоточиться на развитии трехстороннего сотрудничества в военно-политической сфере.

Судя по заявлениям отдельных представителей команды Белого дома и Госдепартамента США, активизация взаимодействия Соединенных Штатов со своими сателлитами в Северо-Восточной Азии преследует такие цели, как усиление давления на КНДР — чтобы добиться ее отказа от своей ракетной и ядерной программ, — а также развертывание мер по дальнейшему сдерживанию Китайской Народной Республики [S. Korea, Japan alliances...]. Однако, как показывает предыдущий опыт развития двустороннего и трехстороннего сотрудничества, существующие разногласия между Сеулом и Токио в значительной степени являются помехой полноценному налаживанию кооперации между ними в военно-политической области.

Возвращение Вашингтона к идее примирения Сеула и Токио как на антисеверокорейской, так и на антикитайской платформе остаётся центральной идеей развития системы альянсов США с Республикой Корея и Японией. Однако имевшие прежде место попытки приведения Сеула и Токио к общему знаменателю не увенчались успехом из-за существующего между ними комплекса противоречий, в основе которых — серьезные разногласия в оценках действий Японской империи на Корейском полуострове и Восточной Азии в первой половине XX в. Политизация отдельных страниц истории корейско-японских отношений, использование Сеулом проблемы «женщин для утешения» в японской императорской армии, а также вопроса о компенсациях жертвам принудительного труда на японских предприятиях в годы Второй мировой войны в своих сиюминутных политических интересах, пересмотр трактовок положений отдельных международно-правовых документов, регулирующих статус взаимоотношений между Республикой Корея и Японией, наряду с обоюдным использованием сторонами мер внешнеэкономического принуждения, не способствует формированию конструктивного диалога между ними.

Необходимо отметить, что представители новой администрации США [Вашингтон призывает Сеул и Токио...] предлагают Сеулу и Токио вернуться к договоренностям, достигнутым министрами иностранных дел РК и Японии Юн Бён Се и Фумио Кисидой в декабре 2015 г. [Announcement by Foreign Ministers of Japan and...] Их главный тезис — взаимное прекращение политизации сторонами темы «женщин для утешения», прочно вошедшей во внешнеполитическую повестку южнокорейско-японских отношений во время нахождения у власти правоконсервативной администрации во главе с президентом Пак Кын Хе (2013—2016). Однако правительство Республики Корея не спешило реализовать эти намерения, из-за чего японские официальные лица неоднократно озвучивали настоятельные просьбы к Сеулу придерживаться соглашения от 2015 г.

Несмотря на периодически озвучиваемые руководством РК заявления о готовности развивать с Японией «отношения, ориентированные в будущее», в Сеуле по-прежнему де-факто занимают последовательную позицию неприятия соглашения 2015 г. В частности, в

начале января 2021 г. центральный окружной суд г. Сеула вынес решение, согласно которому правительство Японии обязано выплатить «женщинам для утешения» компенсации в размере 100 млн вон (около 91 тыс. долл.) [Попвон «Ильчонбу, вианбу пхихэчжадырэ...»]. Этот вердикт вызвал весьма жесткую реакцию в Токио, где подобного рода претензии считают необоснованными и противоречащими букве и духу положений договоренностей 1965 г. [Japan urges South Korea...].

К настоящему моменту правительство Суги, равно как и его предшественник на посту премьер-министра Синдзо Абэ, отказывается от признания легитимности решений южнокорейских судебных инстанций разного уровня в отношении проблем «женщин для утешения» и компенсаций жертвам принудительной мобилизации на японские предприятия в годы Второй мировой войны. Более того, новые попытки Сеула заставить Токио «соблюдать историческую ответственность за свои деяния в прошлом» привели лишь к ужесточению подхода японских политических кругов к диалогу со своим ближайшим географическим соседом.

Влияние исторических споров между РК и Японией серьезно осложнило условия для осуществления их двустороннего политического диалога. Не исключено, что в том числе и по данной причине трехсторонний саммит глав и высокопоставленных представителей Китая, Республики Корея и Японии в 2020 г. так и не состоялся. С сентября 2020 г. не сообщалось и о телефонных переговорах между президентом РК Мун Чжэ Ином и премьер-министром Японии Ёсихидэ Сугой. Также, по сообщениям южнокорейских СМИ, министр иностранных дел Японии Тосимицу Мотэги в течение длительного времени воздерживался как от встреч с приступившим к своим обязанностям в феврале 2021 г. послом РК в Японии Кан Чхан Иром, так и от телефонных или видеопереговоров с главой внешнеполитического ведомства РК Чон Ый Ёном [Japanese foreign minister avoids...].

В то же время в феврале 2021 г. состоялись трехсторонние переговоры высокопоставленных представителей внешнеполитических ведомств США, Республики Корея и Японии. Главной темой повестки стал вопрос о координации их политики на северокорейском

направлении [U.S.-ROK-Japan Trilateral Meeting...]. Судя по всему, консультации состоялись при немалой организационно-политической поддержке со стороны Вашингтона, который, как было сказано ранее, выступает за интенсификацию трехстороннего взаимодействия в Северо-Восточной Азии [S. Korea, Japan alliances...].

Любопытно, что смена власти в Японии вызвала в Республике Корея ожидания определенных перемен в двустороннем диалоге между Сеулом и Токио. В политических и экспертных кругах РК ожидали, что отставка Синдзо Абэ, имевшего репутацию националиста-консерватора, и избрание Ёсихидэ Суга приведёт к корректировке японской политики в отношении Южной Кореи. Однако события второй половины 2020 г. — начала 2021 г. явно продемонстрировали, что кардинальных перемен ожидать не приходится: сам новый премьер-министр с высокой вероятностью будет придерживаться той же канвы в развитии двустороннего диалога, что и его предшественник.

Важно и то, что к настоящему времени в Японии в целом сложился консенсус по поводу политики Токио на Корейском полуострове. В рамках этого консенсуса внешнеполитический курс в отношении КНДР оказывается жёстко привязан к решению проблемы похищенных граждан Японии и решению ядерной проблемы Корейского полуострова. Всё это уже привело не только к практически полному свёртыванию японо-северокорейских связей, которые, как ни парадоксально, развивались куда активнее в разгар холодной войны, нежели в настоящее время, но и к снижению числа политико-дипломатических инструментов, которыми располагает Токио для решения корейской проблемы.

«Северокорейский» фактор предсказуемо сказался и на развитии диалога между Республикой Корея и Японией. Разница в подходах к взаимодействию с Пхеньяном остаётся одним из поводов для противоречий между двумя странами. В Сеуле сегодня находится администрация, которая намерена, пусть и в весьма специфических условиях, развивать межкорейский диалог и в некоторой степени даже ассистировать «наведению мостов» Северной Кореи с отдельными зарубежными странами, включая США и Японию. Однако южнокорейские попытки поиска методов сотрудничества с Пхенья-

ном, во многом с использованием идей и наработок администраций Ким Дэ Чжуна и Но Му Хёна, не вызвали понимания в Токио, где настаивают на продолжении давления на КНДР до решения проблемы похищенных и отказа от продолжения ракетных и ядерных разработок.

Предполагаемое ужесточение подхода новой администрации США к КНДР связано с высокими рисками того, что деятельность президента Дж. Байдена и отдельных представителей внешнеполитического блока американского правительства может привести к возвращению нестабильной обстановки на полуострове. Исторический опыт развития японо-южнокорейских отношений демонстрирует, что обострение ситуации на Корейском полуострове, как правило, приводит к кратковременному сближению Сеула и Токио, оживлению их диалога в сфере безопасности. На этом фоне весьма вероятен пересмотр статуса Договора о защите военной информации, который юридически находится в «подвешенном состоянии». Напомним, что в ноябре 2019 г. представитель администрации президента Республики Корея заявил, что Сеул лишь приостановил процедуру денонсации этого договора, обезопасив себя как от проявлений резкой реакции Вашингтона, так и недовольства внутри Южной Кореи.

При этом эксперты в РК, выступающие с правоконсервативных позиций, в течение всего президентского срока Мун Чжэ Ина призывали и призывают руководство страны к выстраиванию более конструктивного диалога с Токио [Prove sincerity with action], отдавая предпочтения темам взаимодействия в рамках трехсторонней военно-политической структуры с участием США и Японии. Кроме того, для части южнокорейских экспертов характерны опасения по поводу того, что недостаточные усилия по выстраиванию полноценного рабочего диалога с Токио могут привести к определенной маргинализации роли Сеула в системе американских альянсов как в Северо-Восточной Азии, так и в Азиатско-Тихоокеанском (Индо-Тихоокеанском) регионе. В свете этого существуют точки зрения о необходимости скорейшего присоединения к четырехстороннему сотрудничеству по безопасности в регионе и активному взаимодействию со странами-участницами: США, Японией, Индией и Австралией.

Перспективы развития двустороннего взаимодействия Республики Корея и Японии в политической сфере связаны с попытками Сеула и Вашингтона оживить диалог на высоком и высшем уровнях (в особенности на уровне глав государств и профильных ведомств, включая министерства иностранных дел двух стран), добиться от Токио признания новых южнокорейских требований по проблемам «женщин для утешения» и компенсаций жертвам принудительной трудовой мобилизации в период Второй мировой войны. Также высока вероятность и постепенного, при содействии руководства Соединенных Штатов, возобновления трехстороннего взаимодействия в военно-стратегической сфере. Но из-за весьма жёсткой позиции японского политического истеблишмента, который негативно воспринимает новые требования, выдвигаемые РК, заявленные Сеулом попытки оживить двусторонний диалог могут не возыметь ожидаемого от них результата.

В этой связи маловероятным представляется и выход трехстороннего взаимодействия между Вашингтоном, Сеулом и Токио за рамки организации переговоров на высоком уровне. Состояние двустороннего южнокорейско-японского военно-политического сотрудничества традиционно находится на весьма низком уровне, особенно в сравнении с аналогичным взаимодействием с Вашингтоном. В последние десятилетия его выходу на новый уровень мешают, в частности, существующие между сторонами разногласия по историко-политической проблематике. По некоторым сведениям, южнокорейскими военными Япония воспринимается как достаточно серьёзная военно-политическая угроза. Косвенным свидетельством этого является стойкое неприятие Южной Кореей таких действий Токио, как пересмотр трактовки ст. 9 Конституции (Основного закона), предусматривающий теоретическую возможность применения Сил самообороны (ССЯ) в миротворческих операциях за пределами страны. Учитывая современный международно-политический контекст, в котором любой вооруженный конфликт на территории третьих стран при желании можно объявить «гуманитарной операцией», изменение трактовки соответствующей статьи Основного закона потенциально может позволить участие ССЯ в операциях за пределами Японии, что вызывает определенные опасения в Южной Корее.

Библиографический список

Вашингтон призывает Сеул и Токио улучшить отношения // KBS World Radio. URL: <https://bit.ly/3exCOqs> (дата обращения: 15.03.2021)

Попвон «Ильчонбу, вианбу пхихэчжадырэ ироквонссик чигып...» «чуг-вонмёнчже» инчжонь анхэ [Суд: «Правительство Японии выплатит каждой пострадавшей женщине для утешения по 100 млн вон» несмотря на «суверенный иммунитет»] // ChosunBiz. URL: <https://bit.ly/3hgAoOw> (дата обращения: 01.03.2021) (На кор.)

Announcement by Foreign Ministers of Japan and the Republic of Korea at the Joint Press Occasion // Ministry for Foreign Affairs. URL: <https://bit.ly/3o4AYAu> (дата обращения: 01.03.2021)

Japanese foreign minister avoids meeting new S. Korean ambassador to Japan // Hankyoreh. URL: <https://bit.ly/3xUpYdz> (дата обращения: 10.03.2021)

Japan urges South Korea to “immediately” act over comfort women ruling // Kyodo News. URL: <https://bit.ly/3bg7jiA> (дата обращения: 03.03.2021)

Moon says S. Korea ready to talk with Japan anytime, urges separation of history with future-oriented ties // Yonhap News Agency. URL: <https://bit.ly/3f7avOG> (дата обращения: 01.03.2021).

Prove sincerity with action // Joongang ilbo. URL: <https://bit.ly/3o1TKsj> (дата обращения: 15.03.2021)

S. Korea, Japan alliances critical to regional issues: U.S. secretaries // Yonhap News Agency. URL: <https://bit.ly/33ze9eR> (дата обращения: 16.03.2021)

U.S.-ROK-Japan Trilateral Meeting on Shared North Korea-Related Challenges // US Department of State. URL: <https://bit.ly/3hgmSuw> (дата обращения: 03.03.2021)

References

Announcement by Foreign Ministers of Japan and the Republic of Korea at the Joint Press Occasion. *Ministry for Foreign Affairs*. URL: <https://bit.ly/3o4AYAu> (accessed: 1 March, 2021)

Беорвон “Iljeonbu, wianbu p’ihaejadeul-e ileokwonssk jigeup”... jukwonmyunje” injeong anhae [Court: “Japanese government will pay 100 million won each to comfort women” despite “sovereign immunity”]. *ChosunBiz*. URL: <https://bit.ly/3hgAoOw> (accessed: 1 March, 2021) (In Korean)

Japan urges South Korea to “immediately” act over comfort women ruling. *Kyodo News*. URL: <https://bit.ly/3bg7jiA> (accessed: 3 March, 2021)

Japanese foreign minister avoids meeting new S. Korean ambassador to Japan. *Hankyoreh*. URL: <https://bit.ly/3xUpYdz> (accessed: 10 March, 2021)

Moon says S. Korea ready to talk with Japan anytime, urges separation of history with future-oriented ties. *Yonhap News Agency*. URL: <https://bit.ly/3f7avOG> (accessed: 1 March, 2021)

Prove sincerity with action. *Joongang ilbo*. URL: <https://bit.ly/3o1TKsj> (accessed: 15 March, 2021)

S. Korea, Japan alliances critical to regional issues: U.S. secretaries. *Yonhap News Agency*. URL: <https://bit.ly/33ze9eR> (accessed: 16 March, 2021)

U.S.-ROK-Japan Trilateral Meeting on Shared North Korea-Related Challenges. *US Department of State*. URL: <https://bit.ly/3hgmSuu> (accessed: 3 March, 2021)

Washington prizyvaet Seul i Tokio uluchshit' otnosheniya [Washington urges Seoul and Tokyo to improve bilateral relations]. *KBS World Radio*. URL: <https://bit.ly/3exCOqs> (accessed: 15 March, 2021) (In Russian)

DOI: 10.48647/IFES.2021.65.74.009

С.О. Курбанов**ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ VIII СЪЕЗДА ТПК:
НОВОЕ ИЛИ ВОЗВРАТ К СТАРОМУ?***

Аннотация. С 5 по 12 января 2021 г. в Пхеньяне прошел очередной VIII съезд Трудовой партии Кореи. Съезд был проведен через пять лет после предшествующего VII съезда (6—9 мая 2016 г.), очевидно, возрождая тем самым традицию регулярного проведения партийных форумов.

Во время работы съезда и, в частности, в его последний день, 12 января 2021 г., лично Ким Чен Ыном были озвучены три основные идеологические установки партии, которые в русском переводе выглядят следующим образом: «Поклоняться народу как Небу», «Единодушие и сплоченность», «Опора на собственные силы».

Являются ли эти идеологические установки новыми или продолжают прежнюю идеологическую линию ТПК, которая реализовывалась еще со времени Ким Ир Сена? В статье особое внимание уделяется лозунгу «Поклоняться народу как Небу». В частности, представлен его терминологический анализ, дается иной вариант перевода лозунга (который, кстати, присутствует в других русскоязычных материалах VIII съезда ТПК), а также прослеживается его связь с традиционными общественно-идеологическими учениями,

* Настоящая работа выполнена в рамках Программы поддержки корееведения в ведущих университетах, реализуемой Министерством образования Республики Корея и Центром развития корееведения при Академии корееведения (AKS-2016-OLU-2250002).

элементы которых все больше привлекаются для идейного наполнения «кимирсеннизма-кимчениризма».

Лозунг «Опора на собственные силы», несмотря на то что он появился и стал активно использоваться еще во второй половине XX в., на самом деле является в известной степени новым в контексте того, какие лозунги были распространены в КНДР до начала 2021 г. Еще в 2020 г. в СМИ КНДР можно было обнаружить призыв не только к тому, чтобы развивать экономику и все сферы общества в условиях международных санкций, но и достичь «процветания», несмотря на международную блокаду. В статье представлен анализ ряда лозунгов 2020 г. Очевидно, что в условиях жесткой критики Ким Чен Ыном того, что «поставленные ранее задачи значительно невыполнены почти во всех сферах жизни», съезд принял решение на изменение прежних установок. Статья содержит подробный анализ этих изменений.

Ключевые слова: Ким Чен Ын, VIII съезд ТПК, «Поклоняться народу как Небу», «Единодушие и сплоченность», «Опора на собственные силы».

Автор: Курбанов Сергей Олегович, доктор исторических наук, профессор кафедры корееведения СПбГУ.
ORCID 0000-0002-5602-2765. E-mail: s.kurbanov@spbu.ru

S. Kurbanov

Ideological Guidelines of the 8th Congress of the Workers' Party of Korea: New or Return to the Past?

Abstract. From 5 to 12 January 2021, the regular VIII Congress of the Workers' Party of Korea was held in Pyongyang. The congress was held five years after the previous VII congress (May 6–9, 2016), apparently reviving the tradition of regular party forums.

During the VIII Congress and, in particular, on its last day, January 12, 2021, Kim Jong-un personally voiced the three main ideological principles of the party, which in the Russian translation look like this: “worship the people as heaven”, “unanimity and solidarity”, “self-reliance”.

Are these ideological attitudes new or do they continue the old ideological line of the WPK, which has been implemented since the time of Kim Il Sung? The article pays special attention to the slogan “worship the people as heaven.” In particular, the article presents its terminological analysis and a different version of its translation (which can be found

in other Russian-language materials of the VIII Congress of the WPK). The article traces its connection with traditional socio-ideological doctrines, elements of which are increasingly involved in the ideological filling of “kimilsungism-kimjeongilism”.

The slogan “self-reliance”, despite the fact that it had already appeared and began to be actively used in the second half of the twentieth century, in fact has a certain extent “new” in the context of prevalent slogans in the DPRK being used until the beginning of 2021. Back in 2020, the DPRK media appealed not only to develop the economy and all spheres of society in the context of international sanctions, but also to achieve “prosperity” despite the international blockade. (The article provides an analysis of a number of 2020 slogans.) Obviously, in the face of harsh criticism by Kim Jong-un that “the tasks set earlier are significantly underfulfilled in almost all spheres of life,” the congress made a decision to change the previous attitudes. The article provides a detailed analysis of these changes.

Keywords: Kim Jong-un, VIII Congress of the WPK, “to worship the people as heaven”, “unanimity and solidarity”, “self-reliance”.

Author: *KURBANOV Sergei O.* Doctor of Sciences (History). Professor of the Department of Korean Studies, St. Petersburg State University. ORCID 0000-0002-5602-2765. E-mail: s.kurbanov@spbu.ru

С 5 по 12 января 2021 г. в Пхеньяне прошел VIII съезд Трудовой партии Кореи. Он был проведен через пять лет после предшествующего VII съезда (6—9 мая 2016 г.), очевидно, возрождая тем самым традицию регулярного проведения партийных форумов.

Для закрепления и развития основных решений VIII съезда ТПК с 8 по 10 февраля 2021 г. был созван 2-й пленум ЦК ТПК 8-го созыва, а с 3 по 6 марта того же года в Пхеньяне был организован специальный Первый семинар для руководящих партийных работников уездов, городов.

Во всех трех вышеуказанных мероприятиях основным действующим лицом был Генеральный секретарь ТПК Ким Чен Ын, который выступал с докладами, зачитывавшимися на протяжении нескольких дней. На всех вышеуказанных мероприятиях, начиная с самого съезда, особое внимание уделялось идеологическим вопросам.

К началу 2021 г. с точки зрения международных отношений, включая внешнюю экономическую деятельность, КНДР находи-

лась, пожалуй, в самых сложных за всю историю существования государства условиях. К многочисленным санкциям, объявленным как ООН, так и дополнительно к ним — санкциям США, добавился режим полной самоизоляции страны в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции. Таким образом, к началу 2021 г. страна оказалась в состоянии экономической и политической блокады. Действительно, слова «блокада» (*понсвэ*) и «санкции» (*ичечжэ*) были использованы в качестве части фона для оформления сцены состоявшегося 13 января 2021 г. торжественного концерта по случаю завершения VIII съезда ТПК.

В условиях отсутствия возможностей реализации международной кооперации и получения какой-либо значимой помощи извне особое значение приобрел идеологический аспект политики Трудовой партии Кореи, призванный по максимуму реализовать внутренние ресурсы. Политика самостоятельного и «независимого» развития появилась ещё в то время, когда у Северной Кореи ухудшились отношения с СССР и наметилась перспектива сокращения советской экономической помощи [Курбанов, 2018, с. 586—587].

Основные идеологические установки VIII съезда ТПК были обозначены двояким образом: принятием основных лозунгов партии, озвученных лично Ким Чен Ыном в последний день форума, а также рядом высказываний в докладах Генерального секретаря ТПК, зачитанных им как на съезде партии, так и на последовавших за ним вышеупомянутых мероприятиях.

1. Три основных лозунга

Во время работы VIII Съезда и, в частности, в его последний день, 12 января 2021 г., лично Ким Чен Ыном были озвучены три основные идеологические установки ТПК, которые в русском переводе выглядят следующим образом: «Поклоняться народу как Небу», «Единодушие и сплоченность», «Опора на собственные силы».

1.1. Лозунг (или «девиз» *чваумён*) «Поклоняться народу как Небу» впервые появился в доступных для иностранного читателя северокорейских документах в 1998 г., когда в новой редакции Конституции, принятой 5 сентября того же года, в преамбуле, описы-

вающей историю революционной деятельности Ким Ир Сена, было сказано о том, что «товарищ Ким Ир Сен всегда был вместе с народом, в соответствии с девизом “считать народ Небесами”» [Конституция КНДР 1998 г.].

Сам лозунг «*Имин вичхон*» имеет форму устойчивого выражения, образованного из *ханмунных* высказываний, и построен в соответствии с нормами грамматики *ханмуна*, где корнеслог *и* является грамматическим показателем, указывающим на прямое дополнение, корнеслог *мин* имеет значение «народ», корнеслог *ви* соответствует *ханмунному* глаголу со значением «быть, являться, полагать, считать», а корнеслог *чхон* обозначает «Небеса». В данном случае речь идет не о физическом небе, а о Небесах как о традиционном верховном божестве, управляющим всем миром — «Поднебесной». Таким образом, лозунг «Считать народ Небесами» призывает относиться к народу КНДР как к формальному «хозяину», являющемуся основой северокорейского государства.

Перевод на русский язык лозунга «*Имин вичхон*» также довольно непросто. Текст материалов VIII съезда ТПК дает по меньшей мере два варианта интерпретации этого лозунга. Основной — это «Поклоняться народу как небу». Однако в заключительной речи VIII съезда ТПК Ким Чен Ын говорит перед делегатами съезда в том, что он «считает великий наш народ как *небо* моей судьбы» [Ким Чен Ын, Генеральный секретарь ТПК...]. Иными словами, данное высказывание четко демонстрирует, что в лозунге речь идет не о каком-либо «поклонении», а об особом *отношении* к народу как к «верховному божеству», «хозяину» мира, что вполне соотносится с основополагающим принципом идей чучхе: «Человек — хозяин всего, он решает все» [Ким Чен Ир, 1988, с. 19].

Лозунг «Относиться к народу как к Небу» может интерпретироваться в нескольких основных аспектах:

- обращение к истокам национальной северокорейской идеологии, в частности к идейному творчеству основателя государства Ким Ир Сена;
- дальнейшее развитие нового идеологического учения «кимирсенизм-кимчениризм»;

- акцентирование в идеологии традиционных национальных аспектов, никак не связанных с интернациональными социалистическими учениями.

Лозунг «*Имин вичхон*» соотносится с основным положением национальной корейской религии *тонхак* («восточное учение»): «Человек — это Небеса [верховное божество]» (*инсичхон*). Позже формула религии *тонхак* «*инсичхон*» была трансформирована в более «мягкое» с точки зрения грамматического утверждения положение «*иннэчхон*», что значит «человек и есть Небеса», которое стало основой нового религиозного учения *чхондогё* (учение Небесного пути), сменившего *тонхак*. Здесь необходимо упомянуть о том, что религия *чхондогё* присутствует в политическом пространстве КНДР в форме Партии молодых друзей (*чхондогё-чхонудан*) [Kurbanov, 2019, p. 299—301].

1.2. Лозунг «Единодушие и сплоченность» (*ильсим тангёль*) также по своей конструкции восходит к устойчивым *ханмунным* выражениям. Он похож на традиционное корейское выражение «*ильпхён тансим*», которое трудно перевести на русский язык дословно и которое обозначает горячее, неизменное в своих намерениях сердце.

Выражение «единодушие и сплоченность» также появляется в преамбуле Конституции КНДР 1998 г., где сказано о том, что Ким Ир Сен «преобразовал общество в единую семью, ставшую единодушной и сплоченной» [Конституция КНДР 1998 г.]. Также лозунг «Единодушие и сплоченность» был один из двух главных лозунгов, под которым прошел VII съезд ТПК в 2016 г. Таким образом, во втором основном лозунге, выдвинутом на VIII съезде ТПК, можно обнаружить следующие главные аспекты:

- обращение к истокам национальной северокорейской идеологии, в частности к идейному творчеству основателя государства Ким Ир Сена;
- дальнейшее развитие нового идеологического учения «кимирсенизм-кимчениризм»;
- призыв к единению всего народа КНДР (вокруг личности Генерального секретаря ТПК) в условиях объективных трудностей, к единению добровольному, искреннему, направленному на то, чтобы общество развивалось в традиционном на-

правлении уподобления большой семье (в соответствии с текстом преамбулы Конституции КНДР).

В связи с последним положением необходимо отметить, что, несмотря на то что после 1998 г. текст Конституции КНДР неоднократно менялся, включая описание заслуг и вклада в развитие государства Ким Чен Ира, указанные выше лозунги — «*Имин вичхон*» и «*Ильсим тангёль*» — остались неизменными [Конституция КНДР редакции 2016 г., с. 6].

1.3. Лозунг «Опора на собственные силы» (*чарёк кэсээн*), несмотря на то что он появился и стал активно использоваться в КНДР еще во второй половине XX в., также имеет новое прочтение и новое значение в контексте событий КНДР 2020—2021 гг.

Дословно значение лозунга можно перевести как «продолжать жизнь собственными силами». Основная идея лозунга состояла в том, что без помощи и поддержки извне народ Северной Кореи сможет самостоятельно продвигаться по пути построения социализма. Представление о возможности самостоятельного и независимого развития КНДР также послужило одной из основ создания и развития северокорейских идей *чучхе*, то есть идеологии, основанной на концепции самостоятельного и независимого развития КНДР на основе национальных и культурных особенностей.

Лозунг «Опора на собственные силы» был особо выделен на VIII съезде ТПК не случайно. Еще в начале ноября 2020 г., в преддверии VIII съезда ТПК, в то время когда разворачивалась так называемая 80-дневная трудовая вахта, на повестке дня были совсем иные, более амбициозные лозунги: «Усиление и счастье собственными силами» (*чарёк пуган*), а также «Процветание собственными силами» (*чарёк поньён*). Иными словами, еще в ноябре 2020 г. руководство КНДР считало, что с опорой на собственные силы возможно обеспечить не только само по себе дальнейшее существование страны, но и добиться ее процветания.

Очевидно, что в январе 2021 г. в условиях жесткой критики Ким Чен Ыном того, что «поставленные ранее задачи значительно невыполнены почти во всех сферах жизни» [Ким Чен Ын. Вступительная речь...], съезд принял решение на изменение прежних установок, которое со стороны может выглядеть как «возврат к идеологической

традиции». Иными словами, реальные возможности северокорейского государства были пересмотрены, и от «процветания» с опорой на собственные силы ТПК вернулась к прежним позициям, имевшим целью обеспечить саму по себе жизнь и существование страны в условиях изоляции.

2. Внешние изменения в организации VIII съезда ТПК и перспективы развития северокорейской идеологии

Помимо того что ряд изменений в идеологической ориентации Трудовой партии Кореи был представлен в текстах материалов VIII съезда ТПК, некоторые из них не были отражены в официальных материалах, но доступны для анализа при условии обращения к фото- и видеодокументам как самого съезда, так и последовавших событий.

2.1. Оформление трибуны (сцены) VIII съезда ТПК и идеологические установки

В мае 2016 г. сцена дворца съездов, где проводился VII форум ТПК, была оформлена «классическим» образом: на голубом фоне, обрамленном красными знаменами, были размещены портретные изображения прежних руководителей страны — Ким Ир Сена и Ким Чен Ира. Действительно, начиная с 1998 г. в КНДР проводился курс на обессмертивание прежних руководителей страны. В частности, в память о Ким Ир Сене устанавливались «стелы вечной жизни» (*ёнсэнтхан*), а сам «великий вождь» был назван «вечным президентом» страны [Курбанов, 2018].

В январе 2021 г. сцена зала, где прошел VIII съезд ТПК, была оформлена необычно для Северной Кореи последних десятилетий. На обрамленном «красными знаменами» красном фоне посередине был размещен символ ТПК золотистого цвета: перекрещенные молот, корейский серп и кисть. Изображений Ким Ир Сена или Ким Чен Ира не было вообще. События, последовавшие сразу за VIII съездом, показали, что подобное оформление президиума стало началом новой идеологической линии.

2.2. Значок с изображением Ким Ир Сена и Ким Чен Ира

Когда 5 января Ким Чен Ын открывал VIII съезд ТПК, то он вышел к трибуне, будучи одетым в традиционный темно-серый френч.

На правом нагрудном кармане френча был прикреплен значок, изображавший символ Трудовой партии Кореи, а на левом, у сердца — традиционный для граждан КНДР значок, на котором на фоне красного знамени были размещены портреты Ким Ир Сена и Ким Чен Ира. Вплоть до последнего дня съезда, до 12 января 2021 г., никаких изменений во внешнем облике Генерального секретаря ТПК не было. Однако на следующий день после завершения съезда Ким Чен Ын появился на публике в Пхеньянском дворце спорта на торжественном концерте по случаю окончания съезда все в том же френче, но уже без значка с изображением Ким Ир Сена и Ким Чен Ира. Подобный облик Ким Чен Ына не был случайным и хорошо укладывался в концепцию оформления зала, где проводился съезд.

Позже, на всех мероприятиях, проводившихся в КНДР, — и на 2-м Пленуме ЦК ТПК 8-го созыва (8—10 февраля 2021 г.), и на 1-м семинаре для ответственных секретарей городских и уездных комитетов ТПК (4—5 марта 2021 г.) — Ким Чен Ын продолжал появляться на публике без значка с изображениями прежних северокорейских вождей.

Очевидно — и это можно определить как из текстов ряда официальных партийных мероприятий начала 2021 г., так и из доступных изображений указанных мероприятий, — в КНДР начала проводиться линия на ограничение всеобъемлющего культа прежних руководителей страны — Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, с переносом их заслуг исключительно в идеологическую сферу — «кимирсенизм-кимчинеризм». При этом единственным объектом практического и всеобъемлющего «поклонения» должен стать только один человек — нынешний лидер КНДР — Генеральный секретарь ТПК Ким Чен Ын.

Библиографический список

Ким Чен Ир. Об идеях чучхе. Пхеньян, Издательство литературы на иностранных языках, 1989.

Ким Чен Ын. Вступительная речь уважаемого товарища Ким Чен Ына на VIII съезде ТПК // ЦТАК. 06.01.2021.

Ким Чен Ын. Генеральный секретарь ТПК товарищ Ким Чен Ын произнес заключительную речь на VIII съезде партии // ЦТАК. 13.01.2021.

Ким Чен Ын. С глубоким пониманием высоких идеалов «поклоняться народу, как небу», «единодушие и сплоченность» и «опора на собственные силы» достигнем новой победы социализма нашего образа. Заккрытие VIII съезда ТПК // ЦТАК. 13.01.2021.

Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. 3-е изд., испр. СПб., Изд-во С.-Петерб ун-та, 2018.

Чосон инмин конхвагук сахвечжуй хонбоп. 1998 нён 9 воль 5 иль [Социалистическая Конституция Корейской Народно-Демократической Республики. 5 сентября 1998 г.] // KCNA. URL: <http://www.kcna.co.jp/honbeb/honbeb.htm> (дата обращения: 17.05.2008) (На кор.)

Чосон инмин конхвагук сахвечжуй хонбоп [Социалистическая Конституция Корейской Народно-Демократической Республики] [Редакция 29.06.2016] // Чосон минчжучжуй инимин конхвагук попчон (Чынбопхан) [Законодательство Корейской Народно-Демократической Республики (Расширенное издание)]. Пхеньян: Помнюль чхульпханса, 2016.

Kurbanov, Sergei O. North Korea's juche ideology: indigenous communism or traditional thought? // *Critical Asian Studies*, 2019. Vol. 51, No 2. P. 296—305.

References

Joseon inmin gonghwagug sahwejuui heonbeob [Socialist Constitution of the Democratic People's Republic of Korea. (Edition 29.06.2016)]. Joseon minjuui inmin gonghwagug beobjeon (Jeungbopan) [Legislation of the Democratic People's Republic of Korea (Expanded Edition)]. Pyongyang: Beomnyul Chulpansa. 2016. (In Korean)

Joseon inmin gonghwagug sahwejuui heonbeob. 1998 nyeon 9 wol 5 il [Socialist Constitution of the Democratic People's Republic of Korea. September 5, 1998]. KCNA. URL: <http://www.kcna.co.jp/honbeb/honbeb.htm> (accessed: 17 May, 2008) (In Korean)

Kim Jeong-il (1989). Ob ideyakh juche (About juche ideas). Pyongyang: Foreign Languages Literature Publishing House (In Russian)

Kim Chen Un (2021). Vstupitrlnaya rech uvazharmogo tovarishcha Kim Chen Una na VII Syezde TPK [Introductory speech of distinguished comrade Kim Jong-un at the VIII Congress of the WPK]. KCNA. January 6, 2021 (In Russian)

Kim Chen Un (2021). Generalny sekretar TPK tovarishch Kim Chen Un proiznes zaklyuchitelnuyu rech o VIII syezde partii [General Secretary of the WPK Comrade Kim Jong-Un delivered the closing speech on the 8th Party Congress]. KCNA. January 13, 2021. (In Russian)

Kim Chen Un (2021). S glubokim ponimaniem vysokikh idealov «poklonyatsya narodu kak nebu», edinodushie i splochnost i «opora na sobstvennye sily» dostignem

novoy pobedy socialisma nashego obrazca. Zakrytie VIII syezda TPK [With a deep understanding of the high ideals of “worship the people as heaven”, “unanimity and solidarity” and “self-reliance”, we will achieve a new victory for socialism of our model. Closing of the VIII Congress of the WPK]. *KCNA*. January 13, 2021. (In Russian)

Kurbanov S.O. (2018). *Istoriya Korei: s drevnosti do nachala XXI v.* [History of Korea: from antiquity to the beginning of the XXI century]. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University. (In Russian)

Kurbanov, Sergei O. (2019). North Korea's *juche* ideology: indigenous communism or traditional thought? *Critical Asian Studies*. Vol. 51, No 2. P. 296—305.

DOI: 10.48647/IFES.2021.43.77.010

А.Л. Поленова

КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНДР ПРИ КИМ ЧЕН ЫНЕ

Аннотация. Внешнеполитическая деятельность акторов в международном пространстве многомерна и может осуществляться при помощи спектра способов, в число которых входит и налаживание культурно-гуманитарного сотрудничества. В данной статье автор анализирует значение культурно-гуманитарного сотрудничества во внешней политике КНДР при Ким Чен Ыне. Такой анализ подразумевает рассмотрение культурно-гуманитарных инициатив, исходящих от Пхеньяна и, напротив, направленных на него. В числе рассмотренных в рамках данной статьи инициатив по культурно-гуманитарному сотрудничеству — меры так называемой спортивной и культурной дипломатии со стороны как государственных (РФ, КНР, США, РК), так и негосударственных акторов (ООН, некоторые инициативы частных лиц).

За время, прошедшее с прихода к власти Ким Чен Ына, можно было наблюдать как относительно успешные примеры взаимодействия на данном направлении (межкорейское спортивное сотрудничество и культурные обмены в период «олимпийского потепления», проект DMZ Academy и т. д.), так и те, что не получили развития.

Для КНДР реальный или подразумеваемый политический подтекст играет значительную роль при принятии участия в тех или иных культурно-гуманитарных проектах и зачастую оказывается более важным, чем их возможная практическая полезность. Такая позиция может свидетельствовать о высоком уровне секьюритизации

в КНДР всей сферы международного сотрудничества в целом. Северокорейский подход, хотя и обусловлен понятным повышенным вниманием к защите национальных интересов, не всегда встречает понимание у контрагентов. Анализ, выполненный автором данной статьи, направлен на выявление разницы в подходах КНДР и её партнёров к культурно-гуманитарному сотрудничеству.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика КНДР, культурно-гуманитарное сотрудничество, спортивная дипломатия, культурная дипломатия, секьюритизация, публичная дипломатия.

Автор: Поленова Анна Львовна, научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН. ORCID: 0000-0003-1854-6733. E-mail: polenova@ifes-ras.ru

A. Polenova

Cultural and Humanitarian Cooperation in DPRK's Foreign Policy under Kim Jong-un

Abstract. Foreign policy of an actor in international relations is always multidimensional and may be implemented through different means, including cultural and humanitarian cooperation. The following article focuses on analyzing the relevance of cultural and humanitarian cooperation in the policy of the DPRK under Kim Jong-un. This analysis would include cultural and humanitarian activities emanating from and directed at Pyongyang. Among them given paper targets sport diplomacy, cultural diplomacy involving the DPRK and partner states (Russia, China, the U.S., and the Republic of Korea), as well as non-state actors (the UN or individuals).

During the time of Kim Jong-un being in office both successful (interkorean cooperation in sports and cultural exchanges during 2018 Olympics, DMZ Academy Project, etc.) and failed attempts of cooperation could be observed.

It is crucial to note that real or perceived political context may be a key point in Pyongyang's decision making when considering joining a common initiative. Said context may also prevail in comparison with possible practical benefit. This take on cooperation might indicate high levels of securitization in North Korea's perception of international relations in every sphere. The DPRK's view, although stemmed from understandably high concern about national security, is rarely met by counterparties with understanding.

The key objective of this paper is to highlight the differences between the DPRK and its counterparts' approaches towards cooperation in cultural and humanitarian spheres.

Keywords: International Relations, DPRK Foreign Policy, cultural and humanitarian cooperation, sports diplomacy, cultural diplomacy, securitization, public diplomacy.

Author: *POLENOVA Anna L.*, Research Fellow, Center for Korean Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS). E-mail: polenova@ifes-ras.ru

Внешнеполитическая деятельность акторов в международном пространстве многомерна и может осуществляться при помощи спектра способов, в число которых входит и налаживание культурно-гуманитарного сотрудничества. Такое сотрудничество, в зависимости от того, как оно реализуется и какие задачи решает, может по-разному соотноситься с воплощением в жизнь внешнеполитической стратегии государства. Воплощение в жизнь проектов в сфере культуры стоит понимать как часть внешнеполитической стратегии; они являются выражением креативного ресурса, который среди прочих определяет потенциал государства и его шансы на успех во внешней политике [Богатуров, 2015].

В данной статье будут рассмотрены успешные и, напротив, неудавшиеся совместные проекты КНДР и её иностранных партнёров при Ким Чен Ёне в нескольких ключевых сферах: культура, образование, научное сотрудничество; выявлены приоритеты Пхеньяна в реализации этих проектов и препятствия на пути к более интенсивному сотрудничеству. Стоит отметить, что в связи с закрытием страны из-за распространения коронавирусной инфекции наиболее свежий материал по рассматриваемой теме относится к 2019 г.

Если говорить о культурно-гуманитарных связях, то «портфолио» Пхеньяна можно разделить на несколько частей. Первая — привычные, испытанные форматы взаимодействия: проведение кинопоказов, живописных (выставка художников творческого объединения «Мансудэ» в Лондоне, 2014 г.) и фотовыставок. Последние могут проходить исключительно с представлением северокорейских материалов [В Бангладеш прошли...] или в партнёрстве (например, совместная экспозиция The Associated Press и Центрального теле-

графного агентства Кореи; Нью-Йорк, 2012 г. [US North...]). КНДР также организует выставки северокорейской литературы, которые могут быть проведены в рамках международных книжных выставок-ярмарок [В Венесуэле...].

В рамках этой категории совместных проектов по сложности организации и значению отдельно стоит упомянуть крупные концерты северокорейских музыкантов за рубежом или выступления зарубежных артистов в КНДР. Примеры успешного проведения таких мероприятий можно найти на протяжении почти всего рассматриваемого периода: концерт оркестра Ынхасу в Париже (март 2012 г.), выступления Военного оркестра Корейской Народной армии (2012, 2015 и 2019 гг.), а также Заслуженного государственного хора КНДР и ансамбля Чхонбон (2015) в России. Пхеньян также принимал у себя зарубежные коллективы, например в рамках проведения фестиваля дружбы «Апрельская весна» [Проведены...]. Сложнее всего организовать выступление исполнителей из КНДР за пределами страны. Часто зарубежные поездки северокорейских музыкантов привязаны к важной дате, связанной с историей КНДР или с развитием двусторонних отношений; программа концертов формируется с учётом аудитории (произведения Сен-Санса и Брамса для европейских слушателей, китайские песни для выступлений в Пекине и попури мелодий из советских кинофильмов для посетителей концертов в российских городах). Из успешных проектов можно назвать концерт оркестра Ынхасу в Париже и выступления Военного оркестра КНДР в России; есть и примеры провалов: отмена выступления северокорейских музыкантов в Пекине в 2015 г.

Вторая категория — научное сотрудничество. Здесь стоит отметить прежде всего партнёрство в сфере образования, в частности студенческих обменов и изучения иностранных языков: работу в КНДР Французского бюро по сотрудничеству и Русского центра, проведение олимпиады по русскому языку. Также встречаются отдельные совместные исследовательские проекты в области археологии, сейсмологии и т. д., которые позволяют наладить научные связи, дать северокорейским исследователям возможность на равных взаимодействовать с зарубежными коллегами, преодолевать информационный барьер). Из успешных можно отметить сейсмологический проект по

изучению вулкана Пэктусан (начат до рассматриваемого периода, в 2011 г., завершён к 2016 г.; участие приняли исследователи из КНДР, Великобритании, КНР и США). КНДР участвует и в проектах ЮНЕСКО (например, научное сотрудничество по реставрации бумаги для программы по сохранению традиционной культуры Восточной Азии). Исследователи, работавшие с северокорейскими коллегами, отмечали, что КНДР ориентирована на научное сотрудничество с зарубежными партнёрами, стремится к реализации общих проектов. По их словам, при совместной работе самым большим вызовом стали технические сложности с налаживанием коммуникации (отсутствие возможности регулярного общения по электронной почте и оперативного обмена мнениями) [How to...].

Были попытки возродить некоторые провалившиеся форматы сотрудничества, например работу в Пхеньяне читального зала Гёте-института, которые не увенчались успехом: северокорейская и немецкая стороны пока что не пришли к общему видению работы читального зала, его доступности широкой аудитории и т. д.

И, наконец, к третьей категории можно отнести проекты экспериментального характера как в вопросах организации, так и по своему содержанию. Это, как правило, авторские проекты (инициативы Мортена Тровика, связанные с КНДР: концерт группы Laibach в Пхеньяне в 2015 г.; инициатива в области современного искусства DMZ Academy в 2017 г. и др.), а также проекты ряда фотохудожников (например, Элис Велинга, «Северная Корея, связь между реальностью и пропагандой», 2013—2015 гг.).

Проекты всех трёх категорий схожи в том, что осуществляются северокорейской стороной посредством государственных институтов: соответствующих министерств или же Комитета по культурным связям с границей, а также некоторых международных организаций, например Корейской ассоциации дружбы и др. Также все перечисленные проекты имеют общую глобальную цель: создание благоприятного климата для реализации северокорейской политической стратегии путём улучшения имиджа государства, налаживания устойчивого взаимодействия или же большей интеграции в многосторонние проекты, нормализации участия КНДР в международных мероприятиях.

Тем не менее три названных категории совместных проектов выполняют разные задачи и в некотором смысле относятся к разным «поколениям» форм публичной дипломатии: традиционной или новой, которые отличаются по стороне-инициатору, способам взаимодействия, формированию медийного образа вокруг проектов, целеполаганию и т. д. [Cull, 2009, p. 14].

Культурные обмены, инициируемые КНДР, всегда предполагают знакомство зарубежных партнёров с «высокой культурой», представляются «культурными дарами» контрагенту и несут в себе вполне определённое, чётко сформулированное послание (оно может быть передано через содержание выставок литературы, выбор даты и программы для проведения концерта и т. д.). Такие формы сотрудничества можно отнести к традиционной публичной дипломатии. При реализации проектов Пхеньян, очевидно, опирается на опыт времён холодной войны. Основной целью в данном случае является формирование позитивного образа КНДР как динамично развивающегося государства со значительными достижениями в разных областях, а также подчёркивание значения отношений с контрагентом. В таком подходе можно найти общее с культурной дипломатией Советского Союза [Cull, 2008, p. 45]. Впрочем, несмотря на безусловную пользу сотрудничества в самых разных форматах, опора на традиционную публичную дипломатию в настоящее время представляется несколько устаревшим подходом.

Некоторым шагом вперёд с точки зрения выстраивания КНДР взаимодействия с партнёрами являются научные и образовательные обмены (особенно это касается проведения совместных исследований). Они также инициированы государством, однако их целью является чаще не трансляция какой-либо идеи, а налаживание устойчивых горизонтальных связей, что является одним из признаков публичной дипломатии нового типа. Проекты, реализованные таким образом, являются своеобразной переходной формой на пути к обновлению инструментария Пхеньяна в вопросе выстраивания своей публичной дипломатии и отношений в культурно-гуманитарной сфере.

Что же касается проектов, обозначенных в рамках данной статьи как экспериментальные, то они стоят ещё ближе к новой публичной

дипломатии в связи с особенностями организации процесса сотрудничества. Здесь государство (пусть не со стороны КНДР, а со стороны партнёра) играет уже значительно меньшую роль. Также в результате образ КНДР формируется во многом не самой Северной Кореей, а её контрагентом. Например, в ходе проекта DMZ Academy зарубежные партнёры также параллельно сняли документальный фильм об опыте такого культурного обмена северокорейских и заграничных художников; кинолента затем была пущена в прокат и демонстрировалась на кинофестивалях (к/ф «Война искусств»).

Как представляется, наиболее перспективным было бы налаживание взаимодействия именно средствами новой публичной дипломатии: это не только разнообразит опыт культурно-гуманитарных обменов, но и постепенно приведёт к формированию горизонтальных связей вместо определения форматов сотрудничества государственными институтами. Пул успешно реализованных совместных проектов такого рода помог бы значительно укрепить доверие между Пхеньяном и его партнёрами, а также сформировать более ясные, более реалистичные представления о КНДР за рубежом.

Касательно факторов, определяющих успех или неудачу отдельных проектов, можно сказать следующее. *Во-первых*, отказ от запланированных мероприятий для Пхеньяна сам по себе является способом политического высказывания (например, отмена концерта в Пекине в 2015 г.). *Во-вторых*, несмотря на то что, в силу положения КНДР на международной арене и секьюритизации внешних связей, практически любой проект обретает политическое звучание, Пхеньян стремится не допустить перехода от культурного и гуманитарного сотрудничества к взаимодействию политического характера. В этом контексте важно упомянуть, в частности, примеры межкорейского сотрудничества в этой сфере. «Олимпийское потепление», спортивные проекты, проведение выступлений южнокорейских исполнителей в Пхеньяне и северокорейских музыкантов в Сеуле в 2018 г. сменились текущей линией поведения Северной Кореи, которая отказывается от общих проектов, в том числе в гуманитарной сфере [Великая программа...]. Сеул часто воспринимает согласие северного соседа на совместные проекты как признак того, что от КНДР можно будет добиться уступок, как возможность затем закрепить

успех и перевести сотрудничество в политическую сферу. Тем не менее Пхеньян не согласен с таким подходом к налаживанию контактов, разница ожиданий сторон нарастала, что и повлияло на сворачивание сотрудничества.

Возможно, более эффективно было бы не пытаться перевести взаимодействие в сферу политическую, а, напротив, сначала нормализовать участие КНДР в международных проектах в области культуры, науки, спорта и т. д., что могло бы способствовать упрочению доверия между сторонами, дало бы Пхеньяну понять, что его готовы воспринимать как равного участника международных процессов.

Библиографический список

Богатуров А. Лидерство и децентрализация в международной системе. Международные процессы. 2006, Том 4. No 3 (12). URL: <https://bit.ly/2QbnM0g> (дата обращения: 10.03.2021)

В Бангладеш прошли дискуссия о заслугах, фотовыставка и киносмотр. ЦТАК. 14.05.2018.

В Венесуэле прошла выставка корейских книг и фото. ЦТАК. 04.12.2017.

Великая программа борьбы, ведущая строительство социализма нашего образца к новой победе. ЦТАК. 09.01.2021.

Проведены совместные концерты 31-го Художественного фестиваля дружбы «Апрельская весна». ЦТАК. 15.04.2018.

Cull, Nicholas J. Public Diplomacy: Lessons from the Past. Los Angeles: Figueroa Press, 2009. P. 14.

Cull, Nicholas J. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008, Vol. 616. Pp. 31—54.

How to do scientific research in — and with — North Korea. Deutsche Welle. URL: <https://bit.ly/3uzYTtW> (дата обращения: 03.03.2021)

US North Korea Exhibition. The Associated Press Archive. URL: <https://bit.ly/3uAoCTf> (дата обращения: 05.03.2021)

References

Bogaturov A. (2006). Liderstvo i decentralizaciya v mezhdunarodnoj sisteme [Leadership and decentralization in the international system]. *Mezhdunarodnye Processy*. Vol. 4, No 3 (12). URL: <https://bit.ly/2QbnM0g> (accessed: 10 March, 2021). (In Russian)

Cull, Nicholas J. (2009). *Public Diplomacy: Lessons from the Past*. Los Angeles: Figueroa Press.

Cull, Nicholas J. (2008). Public Diplomacy: Taxonomies and Histories. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 616: 31–54.

Functions Held in Bangladesh. *KCNA*. May 14, 2018.

Great Programme for Struggle Leading Korean-Style Socialist Construction to Fresh Victory. *KCNA*. January 9, 2021.

How to do scientific research in — and with — North Korea. *Deutsche Welle*. URL: <https://bit.ly/3uzYTtW> (accessed: 10 March, 2021)

Joint Performances of April Art Festival. *KCNA*. April 15, 2018.

Korean Book, Photo Exhibition Held in Venezuela. *KCNA*. December 4, 2017.

US North Korea Exhibition. *The Associated Press Archive*. URL: <https://bit.ly/3uAoCTf> (accessed: 10 March, 2021)

DOI: 10.48647/IFES.2021.20.23.011

В.В. Вишнякова

ТЕХНОЛОГИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ ДЛЯ МАНИПУЛЯЦИИ ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о типах демократий в «западных» и «незападных» азиатских странах. Анализируется понятие так называемой эмоциональной демократии, история его появления, содержательная трансформация в процессе изменения миропорядка и разработки новых технологий манипуляции общественным сознанием. В 1952 г. американский ученый И. Бер отмечал, что эмоциональная демократия представляет собой равенство всех вне зависимости от происхождения, социального статуса, вероисповедования, профессиональной подготовки и т. п. Причем И. Бер предлагал более диверсифицированную матрицу социальных классов, отличавшуюся от общепризнанной. Главная цель заключалась в том, чтобы снять неофициальные барьеры, которые препятствовали комфортному пребыванию индивидуума в обществе, в том числе осознание принадлежности к классам и социальным группам, могущим оказать значительное влияние на общественные и политические процессы в стране. В современном мире в эпоху цифровизации содержательная характеристика эмоциональной демократии в корне изменилась. Предложенные И. Бером социальные классы общества были диверсифицированы еще глубже с целью разработки эф-

фективного инструментария манипуляции для каждого из них. Эмоциональная демократия стала отражением положения вещей в эпоху постправды.

В работе проводится анализ характеристик корейского общества, описанных в трудах российских ученых, в разрезе современных трансформаций, связанных с его переходом в эпоху постправды.

Анализ действий средств массовой информации в период митингов за отставку президента Пак Кын Хе показал, что, несмотря на рекордно высокую активность населения в политической жизни страны, наблюдались элементы внешнего управления данным процессом и влияния на эмоциональный климат в обществе. Автор статьи приходит к выводу, что заявления в прессе о «чистой» демократии в Республике Корея, которая была продемонстрирована во время импичмента президента, все же нельзя в полной мере считать абсолютным примером проявления воли народа. В эпоху постправды управление настроением масс становится менее заметным, но более изощренным и более эффективным.

Ключевые слова: эмоциональная демократия, гражданское общество, незападная демократия, кореизированная демократия, Республика Корея, импичмент Пак Кын Хе.

Автор: *Вишнякова Вера Владимировна*, кандидат филологических наук, руководитель департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. E-mail: vwishnyakova@hse.ru

V. Vishnyakova

Emotional democracy technologies in the post-truth era to manipulate civil society in the Republic of Korea

Abstract: The article examines the question about the types of democracies in Western and non-Western Asian countries. The concept of Emotional Democracy, its history of emergence, meaningful transformation in the process of changing the world order and the development of new technologies for manipulating public consciousness. In 1952, the American scientist I. Beer noted that Emotional Democracy is the equality of all, regardless of origin, social status, religion, professional background, etc. Moreover, I. Beer offered a more diversified matrix of social classes, which differed from the generally accepted one. The main goal was to remove informal barriers that hindered the individual's comfortable life in society. In the modern world, in the era of digitalization, the

content characteristic of Emotional Democracy has radically changed. The social classes of society proposed by I. Beer were diversified even deeper in order to develop an effective manipulation tool for each of them. Emotional Democracy has become a reflection of the state of affairs in the post-truth era.

The article analyzes the characteristics of Korean society, which is described in the works of Russian scientists, in the context of modern transformations associated with its transition to the post-truth era.

An analysis of the actions of the Mass Media during the rallies for the resignation of President Park Geun-Hye showed that, despite the record-high activity of the population in the political life of the country, there were elements of external control of this process and influence on the emotional climate in society. The author of the article concludes that the statements in the press about “pure” democracy in the Republic of Korea, which was demonstrated during the impeachment of the president, still cannot be fully considered an absolute example of people's volition. In the post-truth era, the attitude of the populace management became less visible but more effective.

Keywords: emotional democracy, civil society, non-west democracy, Korean democracy, Republic of Korea, Park Geun-hye impeachment.

Author: *VISHNYAKOVA Vera V.*, Ph.D. (Philology), Head of the School of International Regional Studies Faculty of World Economy and International Affairs National Research University “Higher School of Economics”. E-mail: vvishnyakova@hse.ru

В настоящее время принято считать, что демократия как форма управления государством не имеет универсального облика. Каждая нация, принимая демократию как форму государственного устройства, трактует ее по-своему, в связи с чем вариативность типов демократии крайне разнообразна и едва ли поддается четкой систематизации и описанию.

Демократическая форма правления закреплена в главных документах многих государств — их конституциях. Однако детализация демократических принципов представлена только в Конституции Евросоюза. С одной стороны, это подтверждает конвенциональность в понимании термина «демократия», с другой — предоставляет возможность порождать вариативность трактовок со ссылкой на национальные особенности отдельных государств.

Разнообразие форм демократического правления привело к появлению многочисленных типов демократии, количество которых подходит к двум десяткам. К общеизвестным можно отнести как традиционную форму прямой демократии с ее многочисленными плебисцитами и референдумами, которая сохранилась до наших дней в Швейцарии, так и наиболее распространенную — представительную (президентская, парламентская). Можно выделить и такие формы, как демократия участия, частичная демократия, авторитарная, религиозная, догматическая, эмоциональная и т. д.

В целях концептуализации и измерения степени демократизации государства недавно была создана международная группа ученых, которая в рамках проекта датасета «V-Dem» (Varieties of Democracy), создает дезагрегированную и многомерную базу количественных данных. Последние в рамках этого проекта используются для оценки пяти базовых видов демократии: электоральная, либеральная, партисипативная, делиберативная, эгалитаризм. Причем методика просчета степени демократизации разработана на универсальных показателях, которые применимы ко всем существующим западным и незападным типам демократий [V-Dem...].

Объективность результатов оценки по таким методикам, как V-Dem, зависит от объективности собранных данных, становящихся все менее доступными. Демократические принципы в современной политической системе становятся эвфемизмами, за которыми скрывается применение инструментов манипуляции для достижения своих целей отдельными политическими группировками. Демократический режим как наиболее приемлемая форма коммуникации между народом и властью внутри страны и между народами за ее пределами становится витриной государства, за красивым оформлением которой скрывается реальное положение вещей, когда народ страны находится под постоянным манипулятивным воздействием.

«Эмоциональная демократия» в современной трактовке объясняет принципы связи политических процессов и эмоций. Сам термин не распространен в российской науке и встречается в работах зарубежных ученых [E. Beer, 1952; J. Fruchtl & N. Scholz, 2015; C. Crouch, 2017; P. Virilio, 2005].

Первый раз упоминание термина Emotional Democracy встречается в научном журнале *The Social Studies*, 1952 г., в статье И. Бера «Building Emotional Democracy». Автор понимает под эмоциональной демократией самоопределение человека независимо от его биографии, цвета кожи, вероисповедания, национальности, финансового состояния, профессии и социального статуса [E. Beer, 1952, p. 245]. Как форма государственного правления эмоциональная демократия есть более широкое понятие, чем политическая демократия. Бер считает, что без эмоциональной демократии соблюдать демократические принципы невозможно. «Общество не подчиняется правилам, если они не принимаются им на эмоциональном уровне» [E. Beer, p. 245].

И. Бер, таким образом, демонстрирует стремление провести глубокую декомпозицию общества на более узкие слои, добавив большее количество признаков. Тем самым он стремится выровнять права всех социальных слоев общества, обратив внимание на так называемые неофициальные признаки статуса, которые, несмотря на их второстепенность, оказывали сильное влияние на положение и продвижение человека в профессиональной сфере.

Современные политтехнологи предложенную И. Бером структуру общества диверсифицировали еще глубже. Однако трансформировали его благородное намерение — предоставить всем равные права — в практическую плоскость — наладить таргетированную пропагандистскую работу с целевой аудиторией (отдельным слоем) для удержания своих политических позиций и сохранения власти. Появление цифровых средств массовой информации предоставило возможность представителям народа, избранным демократическим путем, успешно этим же народом и манипулировать, доказывая свою состоятельность и стремясь сохранить свой статус народного избранника, успешно пользуясь технологиями «фейкньюс» и искусственного интеллекта.

На правительства работают целые департаменты/институты пиар-службы и аутсорсинговые политтехнологические агентства, разрабатывающие и активно применяющие инструменты воздействия для формирования персональных высоких рейтингов политиков. Объектом изучения становятся эмоции адресата — главный инстру-

мент воздействия в эпоху постправды. Именно они формируют у адресата на бессознательном уровне эмпатию /антипатию к политическому лидеру.

Постправда относится к продукту информационной среды, производит фейковые новости, игнорируя факты и провоцируя эмоции, которыми измеряются и оцениваются происходящие события. Например, всем известная «пробирка Колина Пауэлла» (2003), после демонстрации которой началась крупномасштабная операция США в Афганистане и Ираке, заявления премьер-министра Великобритании Терезы Мэй «хайли лайкли» о деле отравления Скрипалей (2018) или заявление о получении взятки бывшим премьер-министром Республики Корея Хан Мен Сук (2009).

Республика Корея является не только передовой страной с развитой экономикой, вошедшей в число мировых лидеров, но и страной с развитой политической системой, демократизированной в наибольшей степени по сравнению со своими соседями в регионе.

Несмотря на то что демократизация корейского общества была практически заморожена Пак Чон Хи, вернуться к этому и наверстать упущенное корейцам удалось уже в 1980-х годах. Тогда вслед за стремительным экономическим ростом начинается и активизация свободных политических процессов, переход к демократическим принципам смены власти. Апофеозом развития политической системы можно считать импичмент Пак Кын Хе и предшествующие ему народные протесты. Этот мирный политический переворот охарактеризовали наступлением эпохи подлинной, или «чистой», демократии. По крайней мере, в прессе звучат заявления о Южной Корее как о государстве с совершенной демократией [Ким Чинук, 2021].

Однако, анализируя поэтапно хронологию событий периода массовых демонстраций, предшествовавших импичменту Пак Кын Хе, обнаруживаются следы применения внешними силами инструментов манипуляции, направленных на формирование определенного эмоционального фона у широких масс населения. Следует отметить, что период массовых протестов 2016 г. пришелся на период, когда в научных и публицистических кругах стали говорить о новом периоде развития мирового сообщества. Импичмент Пак Кын Хе произошел вслед за экстраординарными политическими событиями-

ми, случившимися на Западе, — выход Великобритании из ЕС и победа Д. Трампа на выборах в США.

СМИ являются главным инструментом в воздействии на народные массы. Именно новости по центральным каналам в РК о махинациях подруги президента Чве Сун Силь, а также об их тесном взаимодействии в решении государственных вопросов стали триггером, запустившим процессы массовых волнений. Подогревали протестные настроения и призывы известных блогеров, артистов и спортсменов в социальных сетях.

Однако позднее станет известно, что значительная часть комментариев была сфальсифицирована. Представители партии главного претендента на пост президента наняли для этого команду под руководством известного корейского блогера-инфлуенсера Ким Дон Вона, выступавшего под ником Druid King. Спустя год после победы Мун Чжэ Ина на выборах стало известно, что комментарии к новостям о Пак Кын Хе активно создавались специальной ангажированной группой.

Форма воздействия на общество через СМИ относится к прямому влиянию на его эмоциональное состояние. Каждый шаг расследования дела Пак транслировался по всем телеканалам, обнаружение новых доказательств нарушения ею законов не только многократно повторялось из одной телепередачи в другую, но и держалось в топе в соцсетях за счет многотысячных комментариев блогеров. Как известно, именно повторы являются одним из эффективных инструментов манипуляции. Вовлечение большого количества граждан в обсуждение происходящего и демонстрация оценки событий населением через соцопросы сформировали впечатление о сопричастности к происходящему, погрузили каждого члена общества «в роль» арбитров и судей. Это усилило эмоциональное восприятие гражданами происходящих событий.

Подобная массовая вовлеченность населения в происходившие процессы стала возможной и благодаря особенностям менталитета корейцев. Конфуцианские принципы превосходства коллективного над индивидуальным, коллективная ответственность и стремление принимать решения большими группами стали прекрасной почвой для формирования настроений, чувств, общих переживаний по по-

воду происходящего. Метафора Т. де Монбриаля о том, что «эмоциональная атмосфера общества задает метеорологические условия момента», отлично характеризует парадигму происходивших волнений в Республике Корея.

Соцопросы показали, что прошло 23 массовые демонстрации в период с 26 октября 2016 г. по 29 апреля 2017 г. Основным требованием митингующих была отставка Пак Кын Хе. При этом содержание лозунгов от митинга к митингу ужесточалось: от отставки Пак Кын Хе до привлечения ее к суду.

В третьем по счету митинге, который состоялся 12 ноября 2016 г., приняло участие более 1 млн человек по всей стране, а уже 26 ноября на улицы вышло более 1 млн 900 тыс. Опросы показали, что практически каждый третий житель страны принял участие в демонстрациях [Чотпультсиминхёкмёнъ...].

Синергетический эффект совместной работы государственных и оппозиционных СМИ в подогревании антипрезидентских настроений у населения и постоянных повторов по всем ведущим телеканалам передач с разоблачением Пак Кын Хе, а также тиражирование новостей в центральных газетах и популярных соцсетях сработали и дали свои результаты. Было назначено расследование и заседание Конституционного суда, который 10 марта 2017 г. принял решение об отрешении президента.

Проводя широкое освещение деталей громких дел в прессе, политические силы, пришедшие к власти после импичмента Пак Кын Хе, стремились удержать эмоциональный накал, подогревая население новыми разоблачениями. Общество, при всей очевидности слабых доказательств, воспринимало аресты как справедливый акт со стороны властей. Неважно, что говорит подозреваемый, важно, как он себя ведет. Если раскаялся и прошел достаточно унижительную процедуру публичного извинения, интерес к нему снижался и внимание прессы переключалось на следующую жертву. Все это подтверждает, что современному обществу в эпоху постправды объективные данные не нужны, нужны готовые мнения, эмоциональное возбуждение, которое дает ощущение, что ты вершитель судеб.

Импичмент и последовавшие за ним выборы подарили гражданам РК надежду, что норма конституции, согласно которой «единст-

венным источником власти в Республике Корея является ее народ», работает в их стране. Массовые мирные митинги и последующая смена власти активизировали гражданскую сознательность людей, повысили их вовлеченность в решении государственных задач. Корейцы стали чаще выражать свою позицию относительно происходящих событий, а власть, в свою очередь, на это реагировать.

Например, запущенный 2 января 2021 г. во время пандемии коронавируса видеоролик, подготовленный Министерством чрезвычайных ситуаций об одной семье, которая, соблюдая предписания правительства, остается дома и находит в этом позитивные моменты. В адрес правительства посыпались обвинения в том, что такое содержание не только не внушает оптимизма, но выглядит издевательством. Негатив вызвал сам сюжет ролика. Семья из шести человек танцует и поет у себя дома, несмотря на ужесточение карантина. Это связано с тем, что накануне выпуска ролика правительство ввело запрет собираться в группы более пяти человек. К тому же шумное поведение у себя дома, которое демонстрируют актеры в ролике, может привести к тому, что соседи также будут вести себя громко. Правительство в ответ на жалобы населения принесло дважды извинения и удалило ролик из проката по телевидению и из социальных сетей.

Однако есть и обратная, негативная сторона: нынешнее правительство, которое регулярно подчеркивает свою связь с народом, не всегда демонстрирует обратную связь. Например, острый вопрос о размещении американских систем ПРО на территории страны практически не освещается в прессе. Выходят лишь небольшие сообщения о митингах в г. Сончжу. До сих пор не назначена обещанная в предвыборную кампанию Мун Чжэ Ином экологическая экспертиза и ратификация парламентом размещения систем ПРО, протесты местных жителей грубо разгоняются полицией [Мун дэтхонен...].

Такая выборочная обратная связь правительства на запросы граждан, когда незначительные события освещаются по всем телеканалам, а системные вопросы умалчиваются, подтверждает, что высокая вовлеченность граждан в политическую жизнь в большей степени смоделирована и управляется внешними силами. РК представляет собой эмоциональную демократию, при которой проводится таргетированная пропагандистская работа с определенными слоями об-

щества, манипулирование сознанием населения. Эта новейшая форма демократии не имеет очевидной связи с представительной демократией, и управление политикой страны, в большинстве случаев, идет не от народа. Хотя и подается очень умело как власть единственного источника — народа. Только по косвенным признакам можно обнаружить те инструменты манипулирования, которые используют современные политтехнологи.

Происходящее в Республике Корея еще раз доказывает изощренность инструментов манипуляции, которые в эпоху информатизации, всеобщей диджитализации и искусственного интеллекта стали более эффективными и менее заметными.

Библиографический список

Ким Чинук. Хангугын «ванчжонхан минчжучжуй» «кукка» тхокори хамню мигук, пхрансынын «кёльхаминын минчжучжуй» [Корея — государство с совершенной демократией. Общее мнение. У США, Франции в демократии есть изъяны] // Хангугильбо. URL: <https://bit.ly/3tCaHui> (дата обращения: 05.03.2021) (На кор.)

Мун дэтхонен, Сончжу чжуминэ «сады»дэсон гоньяк сагвахаго ханмитонмень чжинсиль палькхёя [Президент Мун должен обнародовать правду о корейско-американском союзе и принести официальные извинения жителям Сончжу за публичное обещание о размещении ПРО, данное в ходе предвыборной кампании] // Медиооньль. URL: <https://bit.ly/3у0оjD4> (дата обращения: 05.03.2021) (На кор.)

Чотпультсиминхёкмён иллён чжым ёрончжоса кёлгва палпхё [Публикация результатов опроса общественного мнения спустя год после революции свечей] // Чамьёндэ. URL: <https://bit.ly/3uBLvWl> (дата обращения: 05.03.2021) (На кор.)

Beer E.S. Building Emotional Democracy // The Social Studies, Vol. 43, Issue 6, 1952. P. 245—248.

Crouch C. Balancing Reason and Emotion in Democracy // The British Academy, 2017. URL: <https://bit.ly/3heQecu> (дата обращения: 05.03.2021)

Frucht J., Scholz N. Emotional Democracy in Practice // Krisis, Issue 2, 2015. P. 34—42.

V—Dem: Global Standards, Local Knowledge // V-Dem Institute. URL: <https://www.v-dem.net/en/> (дата обращения: 05.03.2021)

Virilio P. Democracy of Emotion/Cultural Politics, Issue 1 (3), 2005. P. 339—352.

References

Beer E.S. (1952). Building Emotional Democracy. *The Social Studies*, October, Vol. 43, Issue 6: 245—248.

Chotbulsiminhyeongmyeong 1 Nyeon Jeueum Yeoronjosa Gyeolgwa Balpyo [The Publication of Public Opinion Polls after the Revolution of the Candlelight]. *Chamyeyeondae*. URL: <https://bit.ly/3uBLvWI> (accessed: 5 March, 2021) (In Korean)

Crouch C. (2017). Balancing Reason and Emotion in Democracy. *The British Academy*. URL: <https://bit.ly/3heQecu> (accessed: 5 March, 2021)

Fruchtl J., Scholz N. (2015). Emotional Democracy in Practice. *Krisis*, Issue 2: 34—42.

Kim Chinuk (2021). Hangugeun ‘Wanjeonhan Minjujuui’ Gukga” Teokgeori Hamnyu... Miguk, Phranseuneun ‘Gyeolhaminneun Minjujuui’ [The Republic of Korea is the State of Perfect Democracy. The common Opinion. The USA and France are flawed]. *Hangugilbo*. URL: <https://bit.ly/3tCaHui> (accessed: 5 March, 2021) (In Korean)

Mun Daetongnyeong, Seongju Jumine Tsadeut Daeseon Gonngyak Sagwahago Hanmindongmaeng Jinsil Balkyeoya [The President Moon should explain the Truth about the Korean-American Alliance and Apologize to the Seongju citizens for Deploying Ballistic Missile Defence]. *Midieooneul*. URL: <https://bit.ly/3y0ojD4> (accessed: 5 March, 2021) (In Korean)

V—Dem: Global Standards, Local Knowledge. *V-Dem Institute*. URL: <https://www.v-dem.net/en/> (accessed: 5 March, 2021)

Virilio P. (2005). Democracy of Emotion. *Cultural Politics*, Issue 1 (3): 339—352.

DOI: 10.48647/IFES.2021.49.33.012

Д.В. Шорников

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ*

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее показательные, с точки зрения автора, тенденции современного развития одного из основополагающих нормативно-правовых актов Республики Корея — Гражданского кодекса РК. Проведенный анализ опирается на характеристику базовых аспектов предыстории принятия действующего кодекса (начиная с конца XIX в.), учитывая противоборствующее влияние в различных формах как романо-германской, так и англо-саксонской правовых систем, с одной стороны, а с другой — обычного права РК на данный процесс. Характеризуя основные этапы генезиса рассматриваемого нормативного документа за его более чем полувековую историю, а также давая сущностную характеристику его нынешней структуры и основных технико-юридических особенностей, автор более подробно останавливается на современных тенденциях внесения изменений в текст ГК РК, подвергая их анализу как в количественном, так и, прежде всего, в качественном отношении. Наиболее детальный анализ был проведен в отношении редакций действующего ГК РК, осуществленных законодателем за последние двадцать — двадцать пять лет. По мнению автора, самые заметные и значимые для понимания направле-

* Статья подготовлена при поддержке Корейского фонда РК.

ния эволюции основного акта частного права РК изменения лежат, прежде всего, в части институтов, на которые наиболее существенное влияние оказывало и продолжает оказывать обычное право и внеправовые средства регулирования общественных отношений. Речь, в первую очередь, идет о таких наиболее тесно связанных с традиционной культурой и общественной моралью РК институтах, как семейное право, наследование; в меньшей части — земельное право etc. Трансформация нормативного закрепления правового регулирования данных и иных правовых институтов Гражданского кодекса Республики Корея в сторону унификации с современным европейским и американским законодательством является наиболее заметной тенденцией развития ГК РК, серьезно изменяющей его облик и с формальной, и с сущностной стороны. Выводы проведенной автором работы опираются на сочетание, прежде всего, сравнительно-исторического и сравнительно-правового методов научного исследования.

Ключевые слова: гражданское право, Гражданский кодекс, Республика Корея, семейное право, частное право, сравнительное правоведение.

Автор: *Шорников Дмитрий Владимирович*, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права и сравнительного правоведения Юридического института Иркутского государственного университета, директор НИИ Правовой охраны Байкала ИГУ. ORCID: 0000-0002-1875-7277.

E-mail: abirvalg35@mail.ru

D. Shornikov

Some Trends in the Modern Development of the Civil Code of the Republic of Korea

Abstract. The article, prepared with the support of the Korean Foundation, considers the most indicative, from the author's point of view, trends in the modern development of one of the fundamental normative legal acts of the ROK — the Civil Code of the ROK. The analysis is based on the characteristics of the basic aspects of the background to the adoption of the current act (starting in the late nineteenth century), taking into account the opposing influence in various forms of both the Romano-German and Anglo-Saxon legal systems, on the one hand, and, on the other, the customary law of the ROK in this process. Describing the main stages of the genesis of the normative document under considerati-

on over its more than half-century history, as well as giving an essential characteristic of its current structure and main technical and legal features, the author focuses in more detail on the modern trends in making changes to the text of the Civil Code of the ROK, subjecting them to analysis both in quantitative and, first of all, in qualitative terms. The most detailed analysis was carried out in relation to the revisions of the current Civil Code of the ROK, carried out by the legislator over the past twenty-twenty-five years. According to the author, the most noticeable and significant changes, in order to understand the direction of evolution of the main act of private law of the ROK, lie, first of all, in the area of institutions that were and continue to be influenced most significantly by customary law and non-legal means of regulating public relations. First, we are talking about such institutions that are most closely related to the traditional culture and social morality of the ROK, such as family law, inheritance, in less part land law *etc.* The transformation of the normative consolidation of the legal regulation of data and other legal institutions of the Civil Code of the ROK towards unification with modern European and American legislation is the most noticeable trend in the development of the Civil Code of the ROK, which seriously changes its appearance from the formal and substantive sides. The conclusions of the author's work are based on a combination, first of all, of comparative historical and comparative legal methods of scientific research.

Keywords: Civil Law, Civil Code, Republic of Korea, Family Law, Private Law, Comparative Law.

Author: *SHORNIKOV Dmitry V.*, Ph.D. (Law), associate professor, head of the Department of International Law and Comparative Law of the Law Institute of Irkutsk State University, director of the Research Institute of Legal Protection of Baikal ISU.

ORCID: 0000-0002-1875-7277. E-mail: abirvalg35@mail.ru

Вне всяких сомнений, кодификация является одновременно и формальной вершиной, и одновременно постоянным процессом эволюции частного законодательства в континентальной системе права, к которой с известными, однако на поверку не столь принципиальными, оговорками относится и корейская, и российская правовые школы. В каких бы политических и социальных ситуациях ни находилось то или иное общество, очевидно, что развивать, а значит, кодифицировать любое законодательство, опираясь исключительно на отечественный правовой опыт и потенциал, — серьезная

ошибка, вызванная непониманием природы права в целом и процесса нормотворчества в частности. Формирование единого политического, экономического, культурного пространства современной Евразии логически влечет за собой, пусть и с некоторыми паузами, остановками, поворотами в сторону и шагами назад, постепенное создание единого правового пространства. Россия и в географическом, и в социокультурном плане принадлежит и к Европе, и к Азии, своеобразно сочетая в своем законодательстве и праве характерные черты обоих континентов. Как с Европой, так и с современной Азией российское частное право роднят общие исторические корни римского права, которые причудливо трансформировались на протяжении прошедших веков под воздействием национально-исторического опыта и потенциала каждого из государств.

Представляется, что одним из очевидных преимуществ сравнительно-правового исследования частного права России и Республики Корея является возможность перенять позитивный опыт сочетания обычного, естественным образом развивающегося права и права позитивного, формируемого сверху силами государства.

Принятый в 1958 г. Гражданский кодекс Республики Корея, насчитывающий в его современном виде 1118 статей [Civil Act], безусловно, является, наряду с Конституцией и Уголовным кодексом, одним из трех краеугольных камней корейской нормативной системы. История данного нормативного акта, как мы видим, насчитывает к сегодняшнему дню уже более шестидесяти лет. Безусловно, головной акт частного права РК в его нынешнем виде уже далеко не во всем совпадает со своим послевоенным первоисточником. Многочисленные поправки, дополнения и изъятия существенно трансформировали его облик, заменяя архаичные положения традиционного права, устраняя подчас целые правовые институты (несколько забегаая вперед, отметим, что сказанное прежде всего справедливо в отношении правового регулирования институтов семейного и наследственного права, традиционно в наибольшей степени подверженных влиянию обычного права).

Пониманию эволюции современного частного права РК во многом способствует то обстоятельство, что до принятия действующего Гражданского кодекса в течение предыдущего полувека

(с 1910 г.) в стране действовал японский Гражданский кодекс 1898 г. [De Becker., 1909], в свою очередь опирающийся на знаменитое Германское гражданское уложение (ГГУ) 1896 г. [Гражданское уложение..., 2008]. Пятичастная структура действующего кодекса все еще принципиально соответствует ГГУ: «Общие правила», «Имущественные права», «Требования», «Родственники», «Наследство». Является вполне привычным глазу отечественного цивилиста и то обстоятельство, что, в частности, наиболее важная первая часть Кодекса, содержащая общие правила, в свою очередь, делится на семь глав с вполне знакомыми наименованиями: «Общие положения», «Лица», «Юридические лица», «Вещи», «Юридические акты», «Срок», «Погасительная давность». Да и в целом, знакомясь с ГК РК, можно испытать чувство некоего дежавю: знакомая структура, знакомые правовые конструкции, погруженные в столь же известные нам коннотации. Иными словами, принадлежность к единой родоначальнице (той самой романо-германской правовой семье) в значительной степени роднит основные источники частного права наших стран. А если вспомнить факт, что Германское гражданское уложение во многом являлось «колодцем», из которого черпали свои идеи авторы отечественного гражданского кодекса, то не только внешнее сходство, но и внутреннее родство головных частно-правовых законов России и РК станет вполне очевидным.

Вместе с тем, как отмечалось выше, одним из наиболее эффективных путей понимания развития основного акта частного права РК является анализ вносимых в него за время его существования изменений, дополнений и поправок, иными словами — количественное и качественное исследование редакционных модернизаций нормативного акта с момента его принятия. Всего с 22 февраля 1958 г. ГК РК претерпел 28 редакционных изменений того или иного масштаба, при этом большая их часть (19 редакций) приходится уже на нынешнее столетие, то есть были приняты за последние двадцать лет. Последние изменения в Гражданский кодекс были внесены актом № 14965 от 31 октября 2017 г. Вопрос: много это или мало? Для сравнения: только в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации, принятую 30 ноября 1994 г., к началу 2021 г. изменения вносились уже 118 раз [Гражданский кодекс...], а, например,

испанский Гражданский кодекс, принятый в 1889 г., т. е. уже почти 132 года назад, редактировался за это время всего 72 раза [Real Decreto...]. Таким образом, очевидно, что стабильность ГК Республики Корея, по крайней мере в количественном выражении, достаточно высока и сопоставима со скоростью эволюционного развития европейского частного законодательства.

Исследование изменений, вносимых правовыми новеллами с точки зрения их качественного содержания, показывает, что в целом наиболее масштабным изменениям подвергались, как правило, наиболее традиционные, архаичные институты частного права — наследственное и семейное право, чье изначальное закрепление позитивным правом находилось под существенным влиянием правовых и доправовых обычаев и традиций корейского общества.

Легко заметить, что основополагающие начала корейского гражданского права, закрепленные прежде всего в части первой ГК под названием «Общие правила», за прошедшие шесть десятилетий остались практически нетронутыми, изредка подвергаясь лишь незначительным уточнениям. Так, например, в 2001 г. Актом № 6544 была добавлена ст. 52-2, посвященная регистрации такого временного состояния, как приостановка исполнения обязанностей директора юридического лица, а также корреспондирующая ей ст. 60-2, определяющая полномочия временно исполняющего обязанности лица. Актом № 3723 от 10 апреля 1984 г. в ГК РК в ст. 289-2 в дополнение к базовому институту суперфиция было внесено и раскрыто понятие дробного суперфиция. Ряд таких косметических изменений был вызван необходимостью корректирования той или иной суммы, например размера штрафа. Здесь примером может послужить ст. 97, п. 1 которой был изменен Актотом № 8720 от 21 декабря 2007 г., установившим новый размер штрафа за небрежность директора, аудитора или ликвидатора юридического лица в определенных статьях случаях в размере 5 млн вон. Точно так же практически неизменными остаются и последующие две части кодекса, посвященные, соответственно, «Лицам» и «Требованиям», то есть институтам гражданского права, в наибольшей степени соответствующим классическим положениям частного права романо-германской правовой семьи.

Обращаясь, однако, к заключительным двум частям Гражданского кодекса РК, можно обнаружить, что картина резко меняется, количество изменений возрастает на порядок, причем на этот раз они носят по большей части не уточняющий, но изменяющий характер. Первой волне серьезных изменений подверглась последняя часть кодекса, регламентирующая отношения наследования. Впрочем, анализ данных изменений показывает, что, несмотря на свою многочисленность (а неизменных с момента введения кодекса в действие статей в последней его части осталась едва ли треть), изменения наследственного права если и уточняют или развивают его постулаты, то явно не покушаются на сложную и развитую структуру наследственных правил. С семейным же правом, которому посвящена четвертая часть кодекса, дело обстоит принципиально иначе. Если изменения в наследственном праве (прежде всего в части осовременивания и упрощения положений о наследовании) были характерны для конца 90-х годов прошлого столетия и начала столетия нынешнего (наиболее заметные изменения в этой части были внесены, пожалуй, Актом № 4199 от 13 января 1990 г. и Актом № 6591 от 14 января 2002 г.), то преобразования, связанные с модернизацией институтов семейного права, происходили уже в нынешнем веке. Так, одно из наиболее серьезных и показательных преобразований было осуществлено Актом № 7427 от 31 марта 2005 г., когда был отменен целый ряд положений Гражданского кодекса, связанных с определением правового статуса главы семьи. Собственно изменения упраздняли сам институт главы семьи, столь характерный прежде для патриархального традиционного общества. В частности, была упразднена ст. 778 «Определение главы семьи», которая ранее закрепляла правило о том, что лицо, которое унаследовало семейный род или основало отдельную семью или новую семью или восстановило семью по любой иной причине, становится её главой. Упразднение института главы семьи потребовало изъятия из Гражданского кодекса десятков статей, например главы, закрепляющей сложные обстоятельства преемства главенства семьи, *etc.*

Из кодекса было также изъято всякое упоминание о так называемом семейном регистре, игравшем ранее весьма значительную роль в фиксации юридических фактов в сфере семейного права. Из-

начально, например, ст. 779 ГК РК закрепляла норму о том, что членами семьи становятся супруг главы семьи, его кровные родственники и их супруги и все другие лица, которые внесли свое имя в семейный регистр.

Достаточно характерны также изменения, внесенные в основной закон частного права Актом № 10429 от 7 марта 2011 г., среди которых можно упомянуть закрепление в ст. 801 ГК РК единого брачного возраста — 18 лет (ранее статья устанавливала правило о том, что мужчина, который достиг полных восемнадцати лет, и женщина, которая достигла полных шестнадцати лет, могут обручиться с согласия его или ее родителей или опекуна).

Вызывают интерес одни из самых последних дополнений Гражданского кодекса в области регулирования семейных правоотношений, внесенные Актом № 14965 от 31 октября 2017 г., в соответствии с которыми мать или ее бывший муж могут подать заявление в Суд по семейным делам об отрицании отцовства в отношении ребенка, рожденного в течение трехсот дней после расторжения брака (ст. 854-2 ГК РК), опираясь на данные анализа крови, генетических тестов и т. п.

Подводя итоги, можно отметить, что в целом Гражданский кодекс Республики Корея представляет собой, с одной стороны, достаточно стабильный, но с другой — постоянно эволюционирующий нормативный акт, общее количество, а главное, содержание изменений в котором заставляет сделать вывод о постоянстве общих, чисто «цивилистических» положений, отражающих нормы, восходящие еще к римскому праву, относящиеся к категории вещей или требований и, напротив, быстрому развитию норм наследственного права, а главное — о принципиальной модернизационной переработке семейных правовых норм, в наибольшей степени подверженных воздействию традиционного обычного права, приближающего их к общим современным стандартам западной правовой модели.

Библиографический список

Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. URL: <https://bit.ly/3eVmPry> (дата обращения: 08.03.2021)

Гражданское уложение Германии. 3-е изд. М.: Wolters Kluwer. 2008. 850 с.

Civil act // Korea Legislation Research Institute. URL: <https://bit.ly/3vTzgoe> (дата обращения: 08.03.2021)

De Becker, J. E. Annotated civil code of Japan / by J. E. de Backer; introduction by Count Hayashi. London: Butterworth; Yokohama: Kelley & Walsh, 1909—1910.

Real Decreto de 24 de julio de 1889 por el que se publica el Código Civil // Boletín Oficial del Estado. URL: <https://bit.ly/3y16uUA> (дата обращения: 08.03.2021) (На исп.)

References

Civil act. *Korea Legislation Research Institute*. URL: <https://bit.ly/3vTzgoe> (accessed: 8 March, 2021)

De Becker, J. E. (1909—1910). Annotated civil code of Japan / by J. E. de Backer ; introduction by Count Hayashi. London : Butterworth ; Yokohama : Kelley & Walsh.

Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Phederatsii. Chast pervaya [Civil Code of the Russian Federation. Part 1]. URL: <https://bit.ly/3eBmPry> (accessed: 8 March, 2021) (In Russian)

Grazhdanskoe ulozhenie Germanii [German Civil Code]. Moscow: Wolter Kluwer. 2008. 850 p. (In Russian)

Real Decreto de 24 de julio de 1889 por el que se publica el Código Civil. *Boletín Oficial del Estado*. URL: <https://bit.ly/3y16uUA> (accessed: 8 March, 2021) (In Spanish)

Раздел II

ЭКОНОМИКА

DOI: 10.48647/IFES.2021.38.23.013

Г.Д. Толорая, И.А. Корзун

САНКЦИИ ПРОТИВ КНДР В «КОВИДНУЮ ЭПОХУ» НА ЭТАПЕ ВОЗВРАТА К «ОПОРЕ НА СОБСТВЕННЫЕ СИЛЫ»

Аннотация. Санкции ООН, особенно жесткий пакет 2016—2017 гг., а также вторичные и односторонние санкции выдвинули санкционную политику в качестве центрального инструмента воздействия на КНДР. Однако это не принесло достижения декларируемых целей и прежде всего — сворачивания ракетно-ядерной программы КНДР. В статье отмечается, что основная причина малой эффективности санкций заключается в расстановке политических приоритетов КНДР: для страны обороноспособность и ее сохранение стоят на первом месте в сравнении с возможными экономическими выгодами. В нынешних условиях политика «опоры на собственные силы» играет ключевую роль в противостоянии санкциям, что все больше обнажает призрачность надежд на «капитуляцию режима» под санкционным давлением.

Отсутствие прогресса в диалоге с элитами КНДР и высокая степень адаптивности страны к ситуации в принципе ставят вопрос об эффективности санкций как инструмента принуждения к определенному образу действий. По мнению авторов, архитекторы санкционного механизма совершенно не принимают во внимание неже-

лательные последствия санкций. Данные последствия выражаются в росте объема нелегальных операций КНДР, виды которых постоянно диверсифицируются. Продолжающаяся глобализация сектора информационных технологий открывает новые возможности режиму для самофинансирования. В условиях роста турбулентности в мировой экономике эти сферы становятся источниками значительного дохода. Более того, порочные методы получают распространение и в других областях мирового бизнеса, «разъедая» законные каналы и практики. Значение нарушений КНДР санкций, таким образом, приобретает глобальное звучание.

При этом итоги последнего съезда ТПК, призывающего к «опоре на собственные силы», указывают на то, что КНДР не пойдет на уступки Западу, несмотря на определенные экономические трудности, обостренные пандемией. В перспективе это может привести к провокациям, в которых не заинтересована ни одна из сторон. Только смягчение санкций теоретически может способствовать «открытию» КНДР и снижению значимости ее нелегальных практик.

Ключевые слова: экономическая политика КНДР, международные санкции, эффективность санкций, нежелательные последствия санкций, COVID-19, опора на собственные силы, ООН.

Авторы: *Толорая Георгий Давидович*, доктор экономических наук, профессор МГИМО, руководитель Центра российской стратегии в Азии, ИЭ РАН, член группы экспертов Комитета 1718 Совета Безопасности ООН. ORCID: 0000-0002-3685-2120.

E-mail: toloraya@nkibrics.ru

Коргун Ирина Александровна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЭ РАН.

ORCID: 0000-0002-1496-4375. E-mail: irinakorgun@yandex.ru

G. Toloraya, I. Korgun

DPRK under Sanctions during COVID-19 as the Country Turns Back to ‘Self-reliance’

Abstract: UN sanctions, especially the comprehensive package, introduced in 2016–2017, as well as unilateral sanctions, and secondary sanctions, put sanctions forwards as a central instrument in coercing DPRK to change its policy. The sanctions, however, did not bring about significant results in curtailment of DPRK’s nuclear and missile programs. The paper points out that the main reason for the low effectiveness of sanctions lies in the regime’s priorities that are focused predomi-

nantly on maintaining a high level of national defense in comparison with the possible economic benefits.

Lack of progress in dialogue with elites in DPRK and high degree of adaptability of the country to restrictions point towards low efficacy of sanctions. Authors point out that proponents of sanctions did not take into account the unintended consequences of sanctions. Those are mostly illegal activities in drug making and smuggling, trade in weapons, hacking of software. Types of illegal activities broaden and diversify all the time. Moreover, digitalization and AI open DPRK new opportunities for self-financing. Illegal practices are spreading to other areas of global business threatening rules and norms of doing things and at the same time making monitoring for compliance more costly.

As the 8th Party Congress has shown, DPRK is prepared for more sanctions and will rely on its own resources. So, it could be suggested that hopes for the regime “capitulation” remain very distant. At the same time, economic hardships are inevitable as well and may lead the regime for more hostile provocations. Softening of the sanctions can ease unwanted tensions.

Keywords: economic policy of DPRK, multilateral sanctions, effectiveness of sanctions, unintended consequences of sanctions, COVID-19, self-reliance, UN.

Authors: *TOLORAYA, Georgy D.*, Doctor of Economic Science, Professor of MGIMO, Consultant, The Center for Asian Strategy, The Institute for Economics, RAS, Moscow, Russia, Member, Panel of Experts, UN Security Council, Committee 1718. ORCID: 0000-0002-1496-4375. E-mail: toloraya@nkibrics.ru. *KORGUN, Irina A.*, Ph.D., senior research fellow, The Institute for Economics, RAS, Moscow, Russia. ORCID: 0000-0002-1496-4375. E-mail irinakorgun@yandex.ru

В 2020 г. в КНДР создалась крайне неприятная ситуация, которую можно охарактеризовать как сочетание «трех зол»: санкции, пандемия, стихийные бедствия. Страна уже с января пошла на добровольную самоизоляция, беспрецедентную в современном мире. Нормальные внешнеэкономические контакты прекратились. Редкие гуманитарные грузы, поступающие в страну, выдерживались в карантине не менее двух недель. Между тем, несмотря на закрытость Северной Кореи, связь с внешними рынками всегда занимала важное место в её экономике [Бульчѳв, Коргун, 2019: 64—75].

В 2017 г. — последнем перед введением всеобъемлющих санкций — внешнеторговый оборот КНДР (наблюдаемые операции) составлял 5,5 млрд долл., из которых 1,8 млрд приходилось на экспорт и 3,8 млрд на импорт. В наблюдаемом экспорте преобладали товары текстильной промышленности (28 % вывоза), минеральное топливо и руда (34 % экспортных поставок) и рыба и моллюски (почти 10 % вывоза) [Bank of Korea]. Страна не в состоянии существовать без поставок необходимого сырья, топлива, и оборудования, а для их закупок были нужны экспортные поступления, которые также использовались для покрытия дефицита, возникавшего вследствие импорта товаров потребительского назначения и продуктов питания. Эти поступления также позволяли финансировать военные и иные программы общегосударственного централизованного характера [Zakharova, p. 225—230].

Запрет на экспорт привел к потере свыше 40 % ежегодных поступлений и дальнейшему обострению проблемы дефицита торгового баланса. В 2017—2018 гг. зарегистрированный дефицит продолжал нарастать, увеличившись до 2,3 млрд долл. в 2018 г., т. е. в 2,5 раза по сравнению с уровнем 2016 г. [Bank of Korea]. Болезненным оказалось эмбарго на экспорт услуг, в частности — лишение возможности отправлять рабочую силу за рубеж. В результате репатриации работников до начала 2020 г. КНДР лишается предположительно 500 млн долл. в год [Shin].

Санкции сыграли серьезную роль в сокращении производства внутри страны, хотя вычленить этот фактор в количественном выражении не представляется возможным из-за ограниченности данных. По оценочным данным, в 2018 г. сокращение ВВП составило $-4,1\%$ [KOSIS], в 2019—2020 гг. падение продолжилось и в некоторых отраслях составило десятки процентов [Revere; North Korea's economy...].

В частности, сильно сократилось производство угля: по сравнению с 2016 г., когда был достигнут пик в его производстве, к 2018 г. выработка упала как минимум на 40 %. По мнению авторов докладов Комитета 1718 СБ ООН, основанных на сведениях, поступающих из различных источников, отсутствие поставок топлива и сельскохозяйственных машин стало одним из факторов сокращения

производства продовольствия, что обострило социально-экономическую ситуацию [UN Security Council 2020 Final Report]. Объем производства риса в 2020 г. сократился из-за стихийных бедствий, и кризисные тенденции продолжают нарастать [North Korea's Food Production...].

Механизмы адаптации КНДР к санкциям

Вопреки жестким санкциям, КНДР показала адаптивность к различным международным ограничениям и намерение придерживаться выбранной линии поведения. На протяжении длительного времени Северной Кореей формировались и постоянно обновлялись собственные теневые механизмы обеспечения поставок и их оплаты, завуалированные многочисленными компаниями и подставными лицами [Захарова, 2019, с. 230—235; Дьячков, 2018, с. 176]. Данные механизмы продолжали использоваться в условиях пандемии, хотя и в ограниченных масштабах.

Предположительно, основным источником восполнения утраченной части доходов от традиционной внешнеэкономической деятельности КНДР выступает производство и торговля наркотическими препаратами, кибер-преступность, махинации с криптовалютами [Ryall]. Доходы КНДР, получаемые в результате подобных мошеннических операций и кибер-атак, заметно выросли после введения санкций [O'Neill]. По оценкам экспертов ООН, в 2020 г. общая сумма виртуальных активов, похищенных предположительно КНДР с 2019 г. по ноябрь 2020 г., оценивается примерно в 316,4 млн долл. [UN Security Council, 2020 Final Report].

Эксперты связанных с разведсообществом исследовательских центров США и Великобритании в появившемся весной 2021 г. докладе [Black Gold...] сделали вывод о том, что тактика уклонения Северной Кореи от соблюдения правил судоходства и ухода от морских санкций является весьма адаптивной и становится все более изощренной в ответ на давление со стороны международного сообщества, хотя режим санкций усложнил незаконный бизнес для Северной Кореи и увеличил его стоимость.

Можно сделать вывод, что запрет на легальный бизнес толкает северокорейцев в нелегальные сферы, слабо поддающиеся регулированию. В условиях роста турбулентности в мировой экономике эти сферы становятся источниками значительного дохода. Более того, порочные методы получают распространение и в других областях мирового бизнеса, «разъедая» законные каналы и практики. Значение нарушений КНДР санкций, таким образом, приобретает глобальное звучание.

Курс VIII съезда ТПК и проблема эффективности санкций

В случае КНДР индуцирование экономических трудностей с целью максимально повысить экономические издержки осуществления ядерной программы не создает возможностей для политического давления. Несмотря на очевидный негативный эффект санкций, северокорейский режим не идет на уступки Западу. Впрочем, снятие ограничений на торговлю никогда не воспринималось руководством страны как достаточное условие для уступок [Frank, 2006, p. 34], и данная тенденция продолжается и сегодня [Toloraya, Korgun, Gorbacheva, 2019].

Это подтвердили итоги VIII съезда ТПК, состоявшегося в начале января 2021 г. КНДР открыто провозгласила, что принимает санкции как данность, «всерьез и надолго», уже не ставит задачу их снятия в качестве внешнеполитического приоритета и возвращается к мобилизационной экономике и опоре на собственные силы.

При этом Ким Чен Ын открыто признал, что трудности, с которыми сталкивается страна, являются «беспрецедентными», «худшими из когда-либо существовавших» [Pavlenko]. Главным рецептом признано сохранение курса «опоры на собственные силы» (*чучхе*), цель которого — достижение страной самодостаточности [WPK General...]. Особое внимание к себе привлекло признание наличия «сил, препятствующих продвижению страны по пути социалистического строительства», то есть «вредителей», которым будет объявлена беспощадная борьба [WPK General...]. Одновременно был подтверждён отказ от сколько-нибудь значимого внешнеэкономического сотрудничества.

В то же время возникают сомнения относительно возможности реализации этих инициатив в нынешних условиях. Американские эксперты указывают на отсутствие каких-либо признаков того, что реформы были свернуты. Северокорейские СМИ, включая «Нодон Синмун», не упоминали о контроле над рынком после съезда. В стране успел укорениться рыночный сектор, к тому же основная масса населения отвыкла от мобилизаций.

Опасно, однако, то, что такой курс в условиях изоляции может привести к ошибкам, которые спровоцируют реальный кризис в экономике КНДР. Такое уже бывало, и руководство КНДР старалось найти выход во внешних провокациях с целью получения уступок, а это не соответствует интересам ни одной из вовлечённых стран [Торкунов, Стрельцов, 2019, с. 306—310]. Содействовать пересмотру этого опасного курса могло бы поэтапное смягчение санкций. С соответствующими инициативами в Совете Безопасности ООН не раз выступали Россия и Китай. Хотелось бы, чтобы такая реалистичная линия была взята на вооружение пришедшей в 2021 г. к власти демократической администрацией США.

Библиографический список

Бульчев Г.Б., Коргун И.А. Санкции и их последствия для торговли и экономики КНДР // Проблемы Дальнего Востока, № 5(2), 2019. С. 64—75.

Дьячков И.В. Санкции ООН в отношении КНДР: оценка эффективности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов. 2018. Т. 23. № 177. 176 с.

Захарова Л.В. Влияние санкций Совета Безопасности ООН на экономику КНДР [Impact of UN Security Council sanctions on DPRK's economy] // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. No 2. С. 223—244 (На русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-02-09.

Павленко В. В чем подлинный смысл партийной самокритики VIII съезда ТПК? // Regnum. URL: <https://bit.ly/3bg6zKu> (дата обращения: 08.01.2021)

Толорая Г.Д., Коргун И.А., Горбачева В.О. Санкции в отношении КНДР: анализ последствий и уроки. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2020. 46 с. URL: <https://bit.ly/2RlquuA> (дата обращения: 08.01.2021)

Торкунов А.В., Стрельцов Д.В. (ред.) Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России. М.: Аспект Пресс, 2019. 273 с.

Bank of Korea. URL: www.bok.or.kr (дата обращения: 10.05.2020)

Black Gold: Exposing North Korea's Oil Procurement Networks. Center for Advanced Defence Studies. URL: <https://c4ads.org/reports> (дата обращения: 01.04.2021)

Frank Rudiger. The Political Economy of Sanctions Against North Korea // *Asian Perspective*. Vol. 30/3. 2006. P. 5—36.

Kim Young Hui, Choi Eun Ju. Reports of North Korea's Return to a Command Economy Have Been Exaggerated // The Asan Institute for Policy Studies. URL: <https://bit.ly/3hi2d9k> (дата обращения: 31.03.2021)

KOSIS. Korean Statistical Information Service. URL: <https://bit.ly/3tBKKeo> (дата обращения: 12.05.2020)

Letter from the UN Country team to the Panel of Experts on the Impact of Sanctions on Humanitarian Operations in DPRK // Relief WEB. URL: <https://bit.ly/3hg6NVr>. P. 23 (дата обращения: 30.05.2020)

North Korea's economy is ravaged by sanctions and pandemic isolation. Kim is lashing out // The Washington Post. URL: <https://wapo.st/33uhY55> (дата обращения: 03.03.2021)

North Korea's Food Production Down Five Percent in 2020 // RFA. URL: <https://bit.ly/3uDOH3D> (дата обращения: 03.03.2021)

O'Neill Patrick Howell. North Korean hackers steal billions in cryptocurrency. How do they turn it into real cash? // Technology review. URL: <https://bit.ly/3uAepGc> (дата обращения: 09.02.2021)

Revere Evans J.R. North Korea's Economic Crisis: Last Chance for Denuclearization? // Brookings. URL: <https://brook.gs/3bjzWvo> (дата обращения: 09.03.2021)

Shin Watanabe. Sanctions on North Korean migrant workers undermined by 'interns' // Nikkei Asian Review. URL: <https://s.nikkei.com/2R7PATC> (дата обращения: 24.04.2020)

Solingen Etel. Sanctions, Statecraft, and Nuclear Proliferation. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 402 p.

The Human Costs and Gendered Impact of Sanctions on North Korea // Korea Peace Now. URL: <https://bit.ly/2RHbq06> (дата обращения: 15.06.2020)

WPK General Secretary Kim Jong Un Makes Concluding Speech at Eighth Congress of WPK // KCNA. URL: <https://bit.ly/3hg1F5m> (дата обращения: 14.01.2021)

2020 Final report of the Panel of Experts established pursuant to resolution 1874 (2009) // UN Security Council. URL: <https://undocs.org/S/2021/211> (дата обращения: 01.04.2021)

References

Bank of Korea. URL: www.bok.or.kr (accessed: 31 March, 2021)

Black Gold: Exposing North Korea's Oil Procurement Networks. Center for Advanced Defence Studies. URL: <https://c4ads.org/reports> (accessed: 01 April, 2021)

Bulychev, G.B. , Korgun, I.A. (2019). Sankcii i ih posledstviya dlya torgovli i ekonomiki KNDR [Sanctions and their consequences for DPRK's trade and effectiveness]. *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs]*, No. 5(2):. 64—75. (In Russian)

Dyachkov, I.V. (2018). Sankcii OON v otnoshenii KNDR: ocenka effektivnosti [UN Sanctions against DPRK: evaluating their effectiveness]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of Tambov University. Series: Social Sciences]*. Tambov. V 23. № 177. 176 p. (In Russian)

Final report of the Panel of Experts established pursuant to resolution 1874 (2009). UN Security Council, 2020. URL: <https://undocs.org/S/2021/211> (accessed: 01 April, 2021)

Frank, Rudiger (2006). The Political Economy of Sanctions Against North Korea. *Asian Perspective*. Vol. 30/3. 2006: 5—36.

Kim, Young Hui, Choi, Eun Ju (2021). Reports of North Korea's Return to a Command Economy Have Been Exaggerated. *The Asan Institute for Policy Studies*. URL: <https://bit.ly/3hi2d9k> (accessed: 31 March, 2021)

KOSIS. Korean Statistical Information Service. URL: <https://bit.ly/3eAywPa> (accessed: 12 May, 2020)

Letter from the UN Country team to the Panel of Experts on the Impact of Sanctions on Humanitarian Operations in DPRK. *Relief WEB*. URL: <https://bit.ly/3hg6NVr>. 23 p. (accessed: 30 May, 2020)

North Korea's economy is ravaged by sanctions and pandemic isolation. Kim is lashing out. *The Washington Post*. URL: <https://wapo.st/33uhY55> (accessed: 03 March, 2021)

North Korea's Food Production Down Five Percent in 2020. *RFA* 2020-12-21. URL: <https://bit.ly/3uDOH3D> (accessed: 3 March, 2021)

O'Neill, Patrick Howell (2020). North Korean hackers steal billions in cryptocurrency. How do they turn it into real cash? *Technology Review*. URL: <https://bit.ly/3uAepGc> (accessed: 9 February, 2021)

Pavlenko, V. (2021). V chem podlinnyj smysl partijnoj samokritiki VIII s'ezda TPK [What is the real meaning behind self-critique of VIII the DPRK's Labor Party meeting?] *Regnum*. URL: <https://bit.ly/3bg6zKu> (accessed: 8 January, 2021) (In Russian)

Revere, Evans J.R. (2021) North Korea's Economic Crisis: Last Chance for Denuclearization? *Brookings*. URL: <https://brook.gs/3bjzWvo> (accessed: 9 March, 2021)

Shin, Watanabe (2019). Sanctions on North Korean migrant workers undermined by 'interns'. *Nikkei Asian Review*. URL: <https://s.nikkei.com/2R7PATC> (accessed: 24 April, 2020)

Solingen, Etel (2012). *Sanctions, Statecraft, and Nuclear Proliferation*. Cambridge: Cambridge University Press. 402 p.

The Human Costs and Gendered Impact of Sanctions on North Korea. *Korea Peace Now*. URL: <https://bit.ly/2RHbq06> (accessed: 15 June, 2020)

Toloraya, G., Korgun, I., Gorbacheva, V. (2020). Sankcii v otnoshenii KNDR: analiz posledstvij i uroki. [Sanctions against DPRK: consequences and lessons]. *Scientific report*. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2020. 46 p. URL: <https://bit.ly/2RIquua> (In Russian)

Torkunov, A.V., Streltsov, D.V. (ed.) (2019). Transformaciya mezhdunarodnyh otnoshenij v Severo-Vostochnoj Azii i nacional'nye interesy Rossii [Transformation of international relations in North-East Asia and Russia's national interests]. Moscow: AspectPlus. 273 p. (In Russian)

WPK General Secretary Kim Jong Un Makes Concluding Speech at Eighth Congress of WPK January 13. *KCNA*. URL: <https://bit.ly/3hgIF5m> (accessed: 14 January, 2021)

Zakharova, L.V. (2019). Impact of UN Security Council sanctions on DPRK's economy. *International Organisations Research Journal*. V. 14. No 2: 223—244. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-02-09. (In Russian and English)

DOI: 10.48647/IFES.2021.89.77.014

Л.В. Захарова

ЧУЧХЕ, САНКЦИИ И ПАНДЕМИЯ: ЭКОНОМИКА КНДР В 2020 г.

Аннотация. В статье рассматриваются основные показатели развития экономики КНДР в 2020 г. и факторы, влиявшие на их динамику. На основе анализа официальных заявлений руководства страны сделаны выводы об эволюции политики и задач в области экономики. В КНДР началась кампания по приведению действовавших экономических практик в соответствие с потребностями развития планового сектора, а также по расширению государственного контроля над рыночным сектором экономики.

Рассмотрен эффект ограничений, как внешних (санкции), так и внутренних (закрытие для внешних связей), для внутренней экономической ситуации в стране, а также торговли с основными партнерами — Китаем и Россией. Из-за международных санкций внешнеэкономические связи КНДР в 2018—2019 гг. существенно сократились, однако Пхеньян сумел приспособиться к новым условиям за счет различных способов обхода ограничений, а также продолжения сотрудничества с Китаем. Пандемия коронавируса в 2020 г. оказалась для экономики КНДР неожиданным шоком, испытывающим на прочность модель построения «чучхейского социализма». Закрытие границ привело в стране к резкому сокращению внешней торговли, снижению производственной активности предприятий, сокращению объема рынка и нехватке иностранной валюты.

Учитывая потребности экономики КНДР во внешних связях, представляется невозможным полное восстановление народного хозяйства страны только за счет внутренних ресурсов. Возобновление внешних связей должно помочь Северной Корее пережить этот кризис. В то же время открытым остается вопрос о дальнейшей судьбе рыночных элементов экономики КНДР в условиях принятия нового 5-летнего плана в январе 2021 г.

Ключевые слова: КНДР, экономика, коронавирус, санкции, чучхе, экономическая политика Ким Чен Ына.

Автор: *Захарова Людмила Владимировна*, кандидат экономических наук, ученый секретарь ИДВ РАН, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН.
ORCID: 0000-0001-6164-3518. E-mail: ludmila_hph@rambler.ru

L. Zakharova

Juche, Sanctions and Pandemic: DPRK Economy in 2020

Abstract. The article examines the main parameters of the DPRK economy in 2020 and the factors that influenced their dynamics. Based on the analysis of the official statements of the country's leadership, conclusions were drawn about the evolution of economic policy and tasks. The DPRK launched a campaign to bring existing economic practices in line with the development needs of the planned sector, as well as to expand state control over the market sector of the economy.

The author studies the effect of restrictions, both external (sanctions) and internal (border closure due to pandemic), on the economic situation in the country, as well as its trade with the main partners — China and Russia. Due to international sanctions, foreign economic relations of the DPRK significantly decreased in 2018—2019, but Pyongyang managed to adapt to the new conditions through various methods of bypassing restrictions, as well as by continuing cooperation with China. The coronavirus pandemic in 2020 turned out to be an unexpected shock for the DPRK economy, testing sustainability of the “Juche socialism” model. The closure of the borders led to a sharp decline in foreign trade, a decrease in the production activity of enterprises, a reduction in the market size and a shortage of foreign exchange in the DPRK.

A resumption of foreign economic relations should help North Korea weather this crisis. At the same time, the question of the future fate of the market elements of the DPRK economy remains open after a new 5-year economic plan was adopted in January 2021.

Keywords: DPRK, economy, coronavirus, sanctions, juche, Kim Jong-un's economic policy.

Author: ZAKHAROVA Liudmila V., Ph.D. (Economics), Academic Secretary, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-6164-3518.

E-mail: ludmila_hph@rambler.ru

2020 г. стал непростым периодом для КНДР, продолжающей строительство социализма «северокорейского образца», движущей силой которого должна являться опора на собственные силы и самостоятельная национальная экономика. В самом конце 2019 г. на 5-м пленуме ЦК ТПК 7-го созыва (28—31 декабря 2019 г.) Ким Чен Ын оценил внешние и внутренние условия для развития национального хозяйства. Учитывая перспективу длительной военно-политической конфронтации с США, он назвал «установленным фактом» то, что гражданам КНДР придется продолжать жить в условиях санкций. Помимо неблагоприятных внешних факторов, лидер КНДР подробно остановился и на существующих внутренних проблемах в управлении государством и экономикой. В том числе он отметил отсутствие существенных сдвигов в «работе по реализации единого руководства и стратегического управления хозяйством и улучшению методов хозяйствования на предприятиях», что не позволяет усилить хозяйственно-организаторскую роль государства и ускорить экономический рост. В ходе пленума были поставлены задачи по решению этих проблем, в том числе предполагавшие укрепление системы ответственности кабинета министров и улучшение плановой работы при одновременном усилении борьбы против «антисоциалистических и несоциалистических явлений» [Report on 5th Plenary Meeting...]. Таким образом, в начале 2020 г. становилось ясно, что в КНДР начинается кампания по приведению действовавших экономических практик в соответствие с потребностями развития планового сектора, а также по расширению государственного контроля над рыночным сектором экономики.

Внешнеэкономические связи исторически являются важным фактором развития экономики КНДР. Из-за международных санкций они существенно сократились в 2018—2019 гг., однако Пхеньян

сумел частично приспособиться к новым условиям за счет различных способов обхода ограничений, а также продолжения сотрудничества с Китаем, на который, по имеющимся оценкам, приходится более 90 % всей внешней торговли Северной Кореи. Если в 2018 г. объем экспорта КНДР в Китай сократился на 88 %, а объем импорта из КНР снизился на 30 %, то уже в 2019 г. экспорт Северной Кореи в Китай вырос на 11 % (до 215,5 млн долл.), а импорт увеличился на 14 % (до 2,88 млрд долл.) [2019 пукхан тэвэмуёк тонхьян]. По оценкам Банка Кореи (РК), в 2019 г. ВВП КНДР увеличился на 0,4 % после двухлетнего падения (на 3,5 % в 2017 г. и 4,1 % в 2018 г.) [Gross Domestic Product...]. Подобная стабилизация показателей может свидетельствовать о том, что экономика КНДР в целом приспособилась к существованию в условиях санкций.

К традиционным факторам, влияющим на развитие экономики КНДР, в 2020 г. добавился риск занесения в страну новой коронавирусной инфекции. Для минимизации этого риска в конце января 2020 г. руководство страны приняло решение приостановить транспортное сообщение с внешним миром. В результате прекратился приток иностранных туристов, ставший важным источником иностранной валюты в условиях санкций. Были введены жесткие ограничения на ввоз товаров. При этом до конца августа жизненно важные для страны предметы можно было ввезти только на основе специального решения руководства Чрезвычайного противоэпидемического комитета КНДР. А в сентябре импорт практически полностью прекратился. По мнению посла России в КНДР А.И. Мацегоры, «такая самоизоляция негативно повлияла как на экономику, так и на условия жизни населения. Без импортных материалов, сырья и комплектующих многие предприятия остановились, а люди, соответственно, потеряли работу» [Посол России в КНДР...].

Южнокорейские исследователи из Института Седжон выделяли несколько ключевых факторов, повысивших уровень неопределенности для северокаорейской экономики к середине 2020 г. Среди них — сокращение китайско-северокаорейской торговли, что привело к снижению производственной активности предприятий, сокращению объема рынка и нехватке в стране иностранной валюты

[Yang Un-Chul]. По данным Таможенной службы КНР, в 2020 г. торговля КНДР с Китаем сократилась на 80 % до 539 млн долл. Северокорейский экспорт снизился на 78 % до 48 млн долл., а импорт из Китая упал на 81 % до 491 млн долл. [N. Korea's trade with China...]. Пекин не публикует данные об объемах гуманитарной помощи КНДР. Однако по внешним оценкам, в 2020 г. Китай поставил в Северную Корею несколько сотен тысяч тонн продовольствия и удобрений [China bailout to North Korea..].

По данным Федеральной таможенной службы России, второго по важности торгового партнера Северной Кореи, в 2020 г. товарооборот между двумя странами сократился на 10,8 % до 42,7 млн долл. Северокорейский экспорт упал на 76,5 % до 714 тыс. долл., а импорт из России снизился на 6,3 % до 42 млн долл. Большая часть импорта из России пришлась на злаки (36,6 %, рост на 300 % по сравнению с 2019 г.), существенно сократились объемы поставок минерального топлива (на 60 %, или 16 млн долл.) [Russian trade with North Korea in 2020]. Важно отметить, что импортировавшиеся из России злаки были поставлены по линии гуманитарной помощи, в связи с чем реальное сокращение двусторонней торговли более существенное.

В условиях фактически смешанной экономики (сосуществования планового и рыночного секторов) руководство Северной Кореи придает особое значение макроэкономической стабильности и прежде всего умеренному уровню инфляции, а также стабильному валютному курсу *воны* в рыночном секторе. По мнению некоторых западных аналитиков (В. Браун), страх неконтролируемой инфляции вынуждает правительство КНДР использовать очень жесткий монетарный подход, ограничивая эмиссию *воны*. С одной стороны, это позволяло несколько лет поддерживать стабильный «рыночный» обменный курс. В то же время в таких условиях государство не может предоставлять кредитные средства государственным предприятиям, которые необходимы им для развития [Sneider D. Real cause...].

После денежной реформы 2009 г., которая нанесла удар по сбережениям северных корейцев в вонах, иностранная валюта (прежде всего, доллары и юани) неофициально стала главным средством

сбережения и ведения крупных транзакций. И серьезных препятствий для циркуляции валюты в стране государство не создавало, понимая, что она необходима для внешнеторговых операций. Однако в 2020 г. власти КНДР стали принимать меры по ограничению использования инвалюты в экономике. Так, уже осенью рыночный курс обмена валюты в КНДР, о котором регулярно сообщают два иностранных источника — Asia Press [Rimjingang] и Daily NK, — свидетельствовал о существенном укреплении *воны* к доллару. Меньше чем за месяц курс доллара снизился почти на 20 %. Анализируя возможные причины, западные эксперты называли действия властей по серьезному ограничению использования инвалюты в экономике, что привело к снижению ее стоимости на рынке [Brown W. Volatility in...]. Посольство РФ в КНДР в октябре 2020 г. сообщало, что даже для иностранцев во многих торговых точках Пхеньяна перестали принимать доллары и не проводили транзакции по банковским картам «Нарэ», требуя оплачивать товары корейскими *вонами*.

Об экономических проблемах внутри страны в 2020 г. можно было судить по вопросам, поднимавшимся на заседаниях руководящих структур ТПК. Например, на заседании Политбюро ЦК ТПК 6—7 июня обсуждалась необходимость срочного восстановления химической промышленности для производства удобрений на основе принципа самообеспеченности. По свидетельствам сотрудников международных гуманитарных организаций, которые еще действовали в КНДР, в 2020 г., из-за санкций и закрытия границ в сельском хозяйстве ощущалась острая нехватка удобрений, полиэтиленовой пленки, запчастей и топлива [Sneider D. Real cause...]. В августе на 6-м пленуме ЦК ТПК 7-го созыва было признано, что запланированные цели в области развития государственной экономики и улучшения жизни населения не были достигнуты «из-за продолжающейся сложной внутренней и внешней ситуации и многочисленных неожиданных вызовов» [8th Congress of WPK...]. Было принято решение созвать VIII съезд ТПК в январе 2021 г. для утверждения нового 5-летнего экономического плана.

В 2020 г. в Северной Корее приоритет был отдан мерам по предотвращению распространения инфекционных заболеваний и раз-

виту здравоохранения. Например, Ким Чен Ын объявил строительство Пхеньянской объединенной больницы в качестве главного приоритета на 2020 г., призвав все ведомства сконцентрировать свои усилия на завершении стройки к 10 октября 2020 г. (75 лет со дня основания ТПК). Однако в августе и начале сентября существенный ущерб КНДР, и особенно ее сельскому хозяйству, нанесли мощные тайфуны. По сообщению ЦТАК, от наводнений пострадало почти 40 тыс. га пахотных земель, 16 680 домов и более 630 общественных зданий, а также автомобильные и железные дороги, мосты и плотины ГЭС. Наибольший ущерб понесли провинции Канвон и Северная Хванхэ. Руководству страны пришлось мобилизовать силы на ликвидацию последствий наводнения и стабилизацию жизни населения в пострадавших районах «посредством великой консолидации взаимодействия армии и народа, верных руководству партии» [16th Meeting of Political Bureau...].

Закрытие границ привело к росту цен на импортные товары, а потом и их дефициту. По свидетельству российского посла в Пхеньяне, даже в магазинах для иностранцев «ассортимент на полках ужался до минимума. Трудная задача купить даже такие элементарные продукты, как макароны, муку, растительное масло, сахар, нет подходящей одежды и обуви. Если удастся что-то достать, то в три-четыре раза дороже, чем до кризиса» [Посол России в КНДР...]. Локальные локдауны, вводившиеся для предотвращения потенциального распространения инфекции (например, в ноябре в г. Хэсан), приводили к взрывному росту рыночных цен и на местное продовольствие. В результате властям приходилось принимать меры по контролю рыночных цен на зерновые. В целом же неофициальные данные с рынков в трех городах (Пхеньян, Синьиджу и Хесан) свидетельствуют о том, что цены на базовые продовольственные товары в октябре 2020 г. сохранялись на уровне января этого же года [Rice prices in North Korea...].

Осенью 2020 г. в КНДР стала меняться система по государственному контролю над рынками. По неофициальным сообщениям из Северной Кореи в октябре было распространено постановление кабинета министров о новых правилах функционирования рынков и управления ими. Ранее за работу рынков отвечали главным образом

торговые отделы местных народных комитетов. По новой системе провинциальные, муниципальные и районные комитеты по-прежнему занимаются вопросами, связанными с открытием, функционированием и закрытием рынков. При этом торговые отделы провинциальных комитетов должны отчитываться по этим вопросам не только перед правительством КНДР, но и перед Организационно-инструкторским отделом ЦК ТПК. По согласованию с партийными комитетами местные органы власти должны регулировать (и расширять) номенклатуру товаров, доступных на рынках, и устанавливать минимальные и максимальные цены. Причем за превышение установленных цен вводится система штрафов. Кроме того, пересматривается порядок взимания сборов за пользование рыночными местами и отчислений в пользу государства (налоги в стране официально отменены с 1970-х годов), чтобы включить новые выплаты в бюджет [North Korea increases...]. Таким образом, видимо, северокорейское государство расширяет партийный контроль над функционированием рынков, а также пытается интенсивнее использовать их не только для удовлетворения потребностей граждан, но и для пополнения бюджета.

КНДР не публикует статистику по росту ВВП, поэтому данные о динамике роста экономики из первоисточника пока не доступны. Один из крупных южнокорейских специалистов по северокорейской экономике Ким Бён Ён прогнозировал спад в 2020 г. на уровне 10 % [Sneider D. Kim Jong Un Faces...]. Учитывая потребности экономики КНДР во внешних связях, представляется невозможным полное восстановление народного хозяйства Северной Кореи только за счет внутренних ресурсов. По сообщению посла России в КНДР, в 2021 г. можно ожидать послаблений в ограничениях на внешнюю торговлю. На пограничных переходах, в том числе с Россией, «сооружаются крупные дезинфекционные комплексы, которые обеспечат безопасный завоз импортных товаров» [Посол России в КНДР...]. Восстановление внешних связей должно помочь Северной Корее пережить этот кризис. В то же время открытым остается вопрос о дальнейшей судьбе рыночных элементов экономики КНДР и их взаимодействия с плановым сектором в условиях принятия нового 5-летнего плана в январе 2021 г.

Библиографический список

Посол России в КНДР: мы привыкли к новым условиям жизни в Пхеньяне // Интерфакс. URL: <https://bit.ly/3fc29Fх> (дата обращения 17.03.2021)

2019 пукхан тэвэмуёк тонхян: [Тенденции внешней торговли Северной Кореи в 2019 г.] // КОТРА. URL: <https://bit.ly/3vYkEnM> (дата обращения: 15.11.2020) (На кор.)

8th Congress of WPK to Be Convened. // KCNA. 20.08.2020.

16th Meeting of Political Bureau of 7th Central Committee of WPK Held. // KCNA. 14.08.2020.

Brown W. Volatility in North Korea's Currency Trading: Does a Rising Won Mean Trouble Ahead, or Progress? // 38 North. URL: <https://bit.ly/3tHaINW> (дата обращения: 17.03.2021)

China bailout to North Korea: massive food and fertilizer aid // The Asahi Simbun. URL: <https://bit.ly/3htI6oX> (дата обращения: 17.03.2021)

Gross Domestic Product Estimates for North Korea in 2019. Press Release // The Bank of Korea. URL: <https://bit.ly/3txUурP> (дата обращения: 17.03.2021)

North Korea increases Workers' Party control over markets // Daily NK. URL: <https://bit.ly/3eASFEF> (дата обращения: 17.03.2021)

N. Korea's trade with China down 80 pct last year amid global pandemic // Yonhap. URL: <https://bit.ly/3bgP1gZ> (дата обращения: 17.03.2021)

Report on 5th Plenary Meeting of 7th C.C., WPK // KCNA. 01.01.2020.

Rice prices in North Korea holding steady despite economic slump // Daily NK. URL: <https://bit.ly/3o6kfNd> (дата обращения: 17.03.2021)

Russian trade with North Korea in 2020 // Russian Foreign Trade. URL: <https://bit.ly/3hcLZhL> (дата обращения: 17.03.2021)

Sneider D. Kim Jong Un Faces a New Year Moment of Truth // Asia Times. URL: <https://bit.ly/2REioD6> (дата обращения: 17.03.2021)

Sneider D. Real cause of North-South Korea crisis: Covid-19 // Asia Times. URL: <https://bit.ly/2SK6dFz> (дата обращения: 17.03.2021)

Yang Un-Chul. COVID-19 Crisis and Uncertainty of the North Korean Economy // Sejong Policy Briefs. URL: <https://bit.ly/3eysUow> (дата обращения: 17.03.2021)

References

2019nyõn pukhan daewoemuyõk donghyang [Trends in North Korea's foreign trade in 2019]. Seoul, КОТРА, 2020. URL: <https://bit.ly/3vYkEnM> (accessed: 15 November, 2020) (In Korean)

- 8th Congress of WPK to Be Convened, *KCNA*, 20.08.2020.
- 16th Meeting of Political Bureau of 7th Central Committee of WPK Held. *KCNA*. 14 August, 2020.
- Brown W.* (2020). Volatility in North Korea's Currency Trading: Does a Rising Won Mean Trouble Ahead, or Progress? *38 North*. URL: <https://bit.ly/3tHaINW> (accessed: 17 March 2021)
- China bailout to North Korea: massive food and fertilizer aid. *The Asahi Simbun*. URL: <https://bit.ly/3htI6oX> (accessed: 17 March 2021)
- Gross Domestic Product Estimates for North Korea in 2019. Press Release. *The Bank of Korea*. URL: <https://bit.ly/3txUypP> (accessed: 17.03.2021)
- North Korea increases Workers' Party control over markets. *Daily NK*. URL: <https://bit.ly/3eASFE> (accessed: 17 March 2021)
- N. Korea's trade with China down 80 pct last year amid global pandemic, *Yonhap*. URL: <https://bit.ly/3bgP1gZ> (accessed: 17 March, 2021)
- Posol Rossii v KNDR: my privykli k novym usloviyam zhizni v Pkhen'yane [Russia's Ambassador to the DPRK: we got used to the new living conditions in Pyongyang]. *Interfax*. URL: <https://bit.ly/3fc29Fx> (accessed: 17.03.2021) (In Russian)
- Report on 5th Plenary Meeting of 7th C.C., WPK. *KCNA*. 01.01.2020.
- Rice prices in North Korea holding steady despite economic slump. *Daily NK*. URL: <https://bit.ly/3o6kfNd> (accessed: 17 March, 2021)
- Russian trade with North Korea in 2020. *Russian Foreign Trade*. URL: <https://bit.ly/3hcLZhL> (accessed: 17 March, 2021).
- Sneider D.* (2020). Kim Jong Un Faces a New Year Moment of Truth. *Asia Times*. URL: <https://bit.ly/2REioD6> (accessed: 17 March, 2021)
- Sneider D.* (2020). Real cause of North-South Korea crisis: Covid-19. *Asia Times*. URL: <https://bit.ly/2SK6dFz> (accessed: 17 March, 2021).
- Yang Un-Chul.* (2020). COVID-19 Crisis and Uncertainty of the North Korean Economy. *Sejong Policy Briefs*. URL: <https://bit.ly/3eysUow> (accessed: 17 March, 2021)

DOI: 10.48647/IFES.2021.49.83.015

В.С. Акуленко

АКТИВНОСТЬ СЕВЕРОКОРЕЙСКОГО РЫБОЛОВНОГО ФЛОТА В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЕ ЯПОНИИ И РОССИИ В 2010-е ГОДЫ

Аннотация. В статье рассматривается динамика активности северо-корейского рыболовного флота в исключительной экономической зоне (ИЭЗ) России и Японии за прошедшие 10 лет. Используются данные об активности северо-корейских рыбаков, содержащиеся в российских и японских официальных источниках, статистические данные, сообщения российской и зарубежной прессы и научные работы, посвящённые данному вопросу. Особенно ценной оказалась информация, полученная в результате анализа спутниковых снимков, так как промысел кальмара, добычей которого северо-корейские рыбаки занимаются в центральной части Японского (Восточного) моря, подразумевает использование большого количества мощных осветительных приборов, легко заметных в ночное время. В результате проведённого исследования был зафиксирован рост активности северо-корейского рыболовного флота в российской и японской ИЭЗ начиная с 2010 по 2019 г. и последующий резкий спад в 2020 г. в связи с пандемией коронавируса. Массовое проникновение северо-корейских судов в южную часть российской ИЭЗ наблюдалось в 2015—2017 гг., а в 2018 г. флот КНДР подошёл вплотную к 12-мильной зоне РФ. Тогда же было зафиксировано максимальное число северо-корейских судов, ведших незаконный промысел в ИЭЗ РФ. В 2019 г. их число снизилось до уровня

2017 г., а в 2020 г. резко сократилось до 5 % от уровня 2019 г. В Японии зафиксирована схожая динамика: быстрый рост активности начиная с 2016 г. и резкий спад в 2020 г. из-за пандемии коронавируса.

Основной причиной роста активности северокорейских рыбаков в ИЭЗ соседей по Японскому (Восточному) морю, по мнению автора, может быть сокращение поголовья кальмаров у берегов КНДР из-за роста промыслового усилия на популяцию, а также активность китайских рыбаков, ведущих активный промысел в ИЭЗ КНДР. Триггером к росту числа китайских судов в северокорейских водах могла стать резолюция СБ ООН 2371 (2017) от 05.08.2017, полностью запретившая экспорт из КНДР морепродуктов.

Ключевые слова: КНДР, Россия, Япония, рыболовство, браконьерство, морские биологические ресурсы, кальмар, исключительная экономическая зона.

Автор: Акуленко Вадим Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Дальневосточный федеральный университет. ORCID: 0000-0002-0449-471X. E-mail: vakulenco@mail.ru

V. Akulenko

North Korean Fishing Fleet Activity in the Exclusive Economic Zone of Japan and Russia in the 2010s

Abstract. This article analyzes the dynamics of the activity of the North Korean fishing fleet in the exclusive economic zone (EEZ) of Russia and Japan over the past 10 years. In order to carry out this study we analyzed Russian and Japanese official sources, statistical data, reports from the Russian and foreign press, and scientific papers on this issue. Especially valuable was the information obtained from the analysis of satellite images, since the fishing of squid, which North Korean fishermen are engaged in in the central part of the Sea of Japan (East Sea), involves the use of a large number of powerful lighting devices that are easily visible at night.

As a result of the study, an increase in the activity of the North Korean fishing fleet in the Russian and Japanese EEZs was recorded from 2010 to 2019, and a subsequent sharp decline in 2020 due to the coronavirus pandemic. Mass penetration of North Korean vessels into the southern part of the Russian EEZ was observed in 2015–2017. The maximum number of North Korean vessels engaged in illegal fishing in the EEZ of the Russian Federation was recorded in 2018. In 2019, their

number fell to the level of 2017, and in 2020 it sharply decreased to 5 % from the previous year's level.

In Japan, a similar trend has been recorded — a rapid increase in activity since 2016 and a sharp decline in 2020 due to the coronavirus pandemic. In conclusion, the main reason for the increase in the activity of North Korean fishermen in the EEZ of their neighbors in the Sea of Japan may be a decrease in the number of squid off the coast of the DPRK due to the increase in fishing efforts on the livestock, as well as the activity of Chinese fishermen who are fishing in the EEZ of the DPRK. The trigger for the increase in the number of Chinese vessels in North Korean waters could be UN Security Council resolution 2371 (2017) of 05.08.17., which completely banned the export of seafood from the DPRK.

Keywords: North Korea, Russia, Japan, fishing, poaching, marine biological resources, squid, exclusive economic zone.

Author: *AKULENKO Vadim S.*, Ph.D. (History), Senior Lecturer, Far Eastern Federal University. ORCID: 0000-0002-0449-471X.
E-mail: vakulenco@mail.ru

Рыболовство всегда было одной из важных отраслей КНДР, обеспечивающей продовольственную безопасность государства и приносящей ему иностранную валюту. Как и вся северокорейская экономика, рыбное хозяйство переживало не лучшие времена после развала СССР, однако в 2000-е годы в секторе вновь наметился рост, не прекращавшийся вплоть до пандемии коронавируса. Кроме того, в 2010-е годы заметно выросла активность северокорейских рыбаков в бассейне Японского моря, включая исключительную экономическую зону (далее ИЭЗ) России и Японии. Автором предпринята попытка проанализировать причины её повышения. Для достижения поставленной цели необходимо проследить в исторической динамике повышение активности северокорейского промыслового флота в ИЭЗ России и Японии, после чего попытаться разобраться в причинах, которые её вызвали.

Для написания статьи использованы данные об активности северокорейских рыбаков, содержащиеся в российских и японских официальных источниках, статистические данные, сообщения российской и зарубежной прессы и научные работы, посвящённые данному вопросу.

Рост активности северокаорейских рыбаков в ИЭЗ России и Японии

Северокаорейские рыбаки вели незаконный промысел в наших водах и задерживались пограничниками даже в советское время [Гантимуров, 2011, с. 83]. Однако до начала 2000-х годов число таких нарушений было не слишком значительным.

Истинный размах промысла в наших водах стал понятен после проведения анализа ночных снимков Японского моря с 2012 по 2018 г. Массовое проникновение судов в южную часть российской экономической зоны наблюдалось в 2015—2017 гг., а в 2018 г. флот КНДР сместился на северо-восток, подойдя вплотную к 12-мильной зоне РФ [Дубинина и др., 2019, с. 241]. Число судов, ведших незаконный промысел в ИЭЗ РФ в 2018 г., на основе анализа спутниковых данных оценивается примерно в 3 тыс. судов — максимум с начала проведения подобных наблюдений [Park, Jaeyoon et al]. В 2019 г. их число снизилось до уровня 2017 г. — около 2 тыс. судов [Illuminating Dark Fishing...].

Подтверждают рост активности северокаорейских браконьеров и в Пограничной службе ФСБ России, по информации которой с 2014 по 2018 г. было задержано 11 северокаорейских судов с 260 браконьерами, однако в 2019 г. число задержаний резко выросло до 16 рыболовных судов и 328 маломерных плавсредств под флагом КНДР с 3754 браконьерами на борту [Интервью первого заместителя ...].

Однако в 2020 г. произошло практически мгновенное исчезновение северокаорейских браконьеров из российских вод вплоть до октября того же года, когда за непродолжительный период было зафиксировано около 200 северокаорейских судов [Satellite technology reveals...]. По оценке специалистов, интенсивность промысла северокаорейских рыбаков в российских водах упала на 95 %, составив всего 6,6 тыс. судодуток против 158,6 тыс. годом ранее [North Korea's 'dark'...]. Причина сворачивания рыбного промысла очевидна: коронавирус и связанные с этим ограничения, наложенные властями КНДР на пересечение госграницы и вообще на любые контакты с внешним миром.

Кроме российских вод северокаорейские рыбаки с середины 2010-х годов стали тревожить и воды соседней Японии. Начиная с 2017 г. в выпускаемой ежегодно Агентством по рыболовству Японии

«Белой книге по рыболовству» отмечаются выдворения северо-корейских и других иностранных рыболовных судов, ведущих незаконный промысел. Так, в 2017 г. таких случаев в районе банки Кито-Ямато было зафиксировано 5191 [FY2017 Trends...], в 2018 г. — 5315 [FY2018 Trends...], в 2019 г. — 5122 [FY2019 Trends...]. При этом в 2016 г. их было всего 3681 [Fisheries Agency...]. Конечно, часть из выдворенных судов была идентифицирована как китайские, но всё же подавляющее их число было именно северо-корейскими: 5201 в 2018 г. и 4007 в 2019 г. [Nippon-kai Yamato tai, 2019...].

Однако в 2020 г., как уже было написано выше, северо-корейским судам была дана команда вернуться в порты приписки, поэтому в течение всего года произошло лишь одно выдворение северо-корейского рыболовного судна. Вместо северо-корейских в японские воды начали вторгаться китайские суда — 4393 выдворения [Nippon-kai Yamato tai, 2020...].

Причина активизации северо-корейского браконьерства в 2010-е годы

Комплекс причин, приведших к значительному росту активности северо-корейских рыбаков в ИЭЗ России и Японии, начал складываться примерно за 10 лет до этого и связан с освоением северо-корейских вод китайскими рыбаками.

Китай, давно истощивший морские биоресурсы своих морей, с конца 1990-х годов начал уделять значительное внимание развитию океанического рыболовства, а также скупать квоты у других прибрежных государств. В июне 2004 г. было заключено первое пятилетнее северо-корейско-китайское соглашение о рыболовстве, обеспечившее доступ китайских рыбаков в северо-корейские воды. В апреле 2010 г. было заключено второе пятилетнее, а в 2015 г. — двухлетнее соглашение [Junggug eoseon ...].

Однако переломный момент настал в 2016 г., когда, по информации южнокорейской Национальной разведывательной службы, КНДР пошла на продажу права на ведение промысла в собственной акватории Китая за 75 млн долл. в год [Migugui bukan beoban...].

Конечно, полностью полагаться на информацию южнокорейской разведки нельзя, однако именно с 2017 г. стал фиксироваться «исход» северокорейских рыбаков из собственной акватории.

Фактором, который мог бы подтолкнуть северокорейское руководство на более активную продажу доступа в свои воды, могла стать Резолюция Совета Безопасности ООН 2371 (2017) от 05.08.2017, полностью запретившая экспорт из КНДР морепродуктов.

Данные как спутниковых наблюдений, так и мониторинга прохода судов южнокорейской береговой охраной показывают, что китайские суда продолжают заходить в ИЭЗ КНДР и вести там промысел. Анализ спутниковых снимков, сделанных PlanetScore в 2017 и 2018 гг., показал, что в 2017 г. промысел вели как минимум 796 так называемых парных (близнецовых) траулеров, а в 2018 г. — 588. Кроме этого, в 2017 г. было зафиксировано 108 крупных судов, использующих яркое осветительное оборудование, в 2018 г. было замечено 130 таких судов [Park, Jaeyoon et al...].

В 2019 г. промысел в северокорейских водах был продолжен на сравнимом с 2017—2018 гг. уровне — около 790 судов [Illuminating Dark...]. Несмотря на пандемию коронавируса, заходы китайских рыбаков в северокорейские воды продолжились и в 2020 г. Предполагаемое число судов оценивается в 700 единиц, что ниже, чем в предыдущие годы, но всё ещё является значительным, принимая во внимание тот факт, что в 2017—2018 гг. в водах КНДР вели промысел около 3 тыс. северокорейских судов [Park, Jaeyoon et al...].

Заключение

Продажа лицензий на промысел морепродуктов в собственной ИЭЗ китайским рыбакам начиная с начала 2000-х годов поставила рыбаков КНДР в весьма невыгодное положение, так как техническое оснащение северокорейских рыбацких лодок сильно уступает китайским. В этих условиях северокорейские рыбаки были вынуждены уйти из собственных вод на поиск гидробионтов в центральную часть Японского моря в районе банки Кито-Ямато, где постоянно вторгаются в ИЭЗ России и Японии.

Анализ спутниковых снимков показывает постепенный рост активности в российских водах начиная с 2012 г. С 2017 по 2019 г. ин-

тенсивность промысла в водах России и Японии достигает своего пика, однако события 2020 г., связанные с пандемией коронавируса, дали нашим водам небольшую передышку.

Закономерен вопрос, надолго ли хватит сил у российских пограничников для контроля за действиями 2—3 тыс. северокорейских рыбацких лодок в будущем? Смогут ли наши суда-контролёры ежегодно предотвращать до 5 тыс. проникновений в наши воды (в среднем 13 в день), как это делают японские коллеги? По мнению автора работы, без решения фундаментального вопроса по сдерживанию роста промыслового флота КНР и запрета так называемых вредных субсидий для рыболовства, северокорейские рыбаки продолжают свои набег на наши воды, а в перспективе к ним присоединятся и их китайские коллеги.

Библиографический список

Гантимуров И. Деятельность пограничных органов по охране биологических ресурсов морей Дальнего Востока // Проблемы Дальнего Востока 2011. № 6. С. 81—89.

Дубинина В.А. и др. Оценка рыболовного трафика в Японском море по данным ночных съёмки радиометров VIIRS // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. 2019. Т. 16. No 1. С. 239—242.

Интервью первого заместителя Директора — руководителя Пограничной службы ФСБ России информационному агентству ТАСС ко Дню пограничника // Пограничная служба ФСБ России. URL: <https://bit.ly/3vWT3Df> (дата обращения: 10.03.2021)

Мигутый Пукхан побан (North Korea Bill), Чунгук пульбоп ооп аппак [Американский законопроект о Северной Корее, давление незаконного промысла Китая] // Korea Maritime Institute. URL: <https://bit.ly/2R81LzO> (дата обращения: 10.03.2021) (На кор.)

Ниппон-кай Ямато-тай сухен суйики-то ни океру гайкоку-то гёсен э но тайо йокё ни цуйте (2020) [Отчёт относительно иностранных судов в водах вокруг банки Ямато в Японском море в 2020 г.] // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. URL: <https://bit.ly/3tzhMvN> (дата обращения: 10.03.2021) (На яп.)

Ниппон-кай Ямато-тай сухен суйики-то ни океру гайкоку-то гёсен э но тайо йокё ни цуйте (2019) [Отчёт относительно иностранных судов в водах вокруг банки Ямато в Японском море в 2019 г.] // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. URL: <https://bit.ly/2SxkTaG> (дата обращения: 10.03.2021) (На яп.)

Чунгук осон Пукхан сүек чооп пхихэ часа ёнгу [Исследование ущерба, наносимого северокарейской акватории китайскими рыболовными судами] // ScienceON. URL: <https://bit.ly/2R0uLcT> (дата обращения: 10.03.2021) (На кор.)

Fisheries Agency Niigata Fisheries Coordination Office // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. URL: <https://bit.ly/3xVeBC9> (дата обращения: 10.03.2021) (На яп.)

FY2017 Trends in Fisheries. FY2018 Fisheries Policy. White Paper on Fisheries: Summary // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. URL: <https://bit.ly/33xUZpy> (дата обращения: 10.03.2021)

FY2018 Trends in Fisheries. FY2019 Fisheries Policy. White Paper on Fisheries: Summary // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. URL: <https://bit.ly/2R8Wrfx> (дата обращения: 10.03.2021)

FY2019 Trends in Fisheries. FY2020 Fisheries Policy. Summary // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. URL: <https://bit.ly/2RbuljR> (дата обращения: 10.03.2021)

Illuminating Dark Fishing Fleets in NorthKorea — Analysis for 2019 // Global Fishing Watch. URL: <https://bit.ly/3bgSPih> (дата обращения: 10.03.2021)

North Korea's 'dark' fishing fleet went quiet in 2020, likely pressuring the country's imperiled food supply // CNN. URL: <https://cnn.it/3hhj38u> (дата обращения: 10.03.2021)

Park, Jaeyoon et al. Illuminating dark fishing fleets in North Korea // Science Advances. URL: <https://bit.ly/2RHsmDI> (дата обращения: 10.03.2021)

Satellite technology reveals decline in illegal fishing activity in North Korean and Russian waters compared to previous years // Global Fishing Watch. URL: <https://bit.ly/33w9utZ> (дата обращения: 10.03.2021)

References

Dubinina V.A. et al. (2019). Otsenka rybolovnogo trafika v Yaponskom more po dannym nochnykh s"yemok radiometrov VIIRS [Assessment of fishing traffic in the Sea of Japan based on night surveys of VIIRS radiometers]. *Sovremennyye problemy distantsionnogo zondirovaniya Zemli iz kosmosa [Modern problems of remote sensing of the Earth from space]*, V. 16. No 1: 239—242. (In Russian)

Fisheries Agency Niigata Fisheries Coordination Office. *Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries*. URL: <https://bit.ly/3xVeBC9> (accessed: 10 March, 2021) (In Japanese)

FY2017 Trends in Fisheries. FY2018 Fisheries Policy. White Paper on Fisheries: Summary. *Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries*. URL: <https://bit.ly/33xUZpy> (accessed: 10 March, 2021)

FY2018 Trends in Fisheries. FY2019 Fisheries Policy. White Paper on Fisheries: Summary. *Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries*. URL: <https://bit.ly/2R8Wrfx> (accessed: 10 March, 2021)

FY2019 Trends in Fisheries. FY2020 Fisheries Policy. Summary. *Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries*. URL: <https://bit.ly/2RbuljR> (accessed: 10 March, 2021)

Gantimurov I. (2011). Deyatel'nost' pogranichnykh organov po okhrane biologicheskikh resursov morey Dal'nego Vostoka [Activities of border authorities for the protection of biological resources of the seas of the Far East], *Problemy Dal'nego Vostoka [Problems of the Far East]*, No. 6: 81–89. (In Russian)

Illuminating Dark Fishing Fleets in NorthKorea — Analysis for 2019. *Global Fishing Watch*. URL: <https://bit.ly/3bgSPih> (accessed: 10 March, 2021)

Interv'yu pervogo zamestitelya Direktora — rukovoditelya Pogranichnoy sluzhby FSB Rossii informatsionnomu agentstvu TASS ko Dnyu pogranichnika [Interview of the First Deputy Director-Head of the Border Service of the FSB of Russia to the TASS news agency on the Day of the Border Guard]. Border Service of the FSS of Russia. URL: <https://bit.ly/3vWT3Df> (accessed: 10 March, 2021)

Junggug eoseon Pukhan suyeok joeop pihae josa yeongu [Investigation of damage caused to the North Korean waters by Chinese fishing vessels]. *ScienceOn*. URL: <https://bit.ly/2R0uLcT> (accessed: 10 March, 2021) (In Korean)

Migugui bukan beoban (North Korea Bill), junggung bulbeobeoem apbak [US bill on North Korea (North Korea Bill), China's illegal fishing pressure]. *Korea Maritime Institute*. URL: <https://bit.ly/2R81LzO> (accessed: 10 March, 2021) (In Korean)

Nippon-kai Yamato tai shuhen suiiki-to ni okeru gaikoku-to gyosen e no taio jokyo ni tsuite (2020) [Report on foreign vessels in the waters around Yamato Bank in the Sea of Japan in 2020]. *Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries*. URL: <https://bit.ly/3tzhMvN> (accessed: 10 March, 2021) (In Japanese)

Nippon-kai Yamato tai shuhen suiiki-to ni okeru gaikoku-to gyosen e no taio jokyo ni tsuite (2020) [Report on foreign vessels in the waters around Yamato Bank in the Sea of Japan in 2019]. *Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries*. URL: <https://bit.ly/2SxkTaG> (accessed: 10 March, 2021) (In Japanese)

North Korea's 'dark' fishing fleet went quiet in 2020, likely pressuring the country's imperiled food supply. *CNN*. URL: <https://cnn.it/3hhj38u> (accessed: 10 March, 2021)

Park, Jaeyoon et al. (2020). Illuminating dark fishing fleets in North Korea. *Science Advances*. URL: <https://bit.ly/2RHsmD> (accessed: 10 March, 2021)

Satellite technology reveals decline in illegal fishing activity in North Korean and Russian waters compared to previous years. *Global Fishing Watch*. URL: <https://bit.ly/33w9utZ> (accessed: 10 March, 2021)

DOI: 10.48647/IFES.2021.22.30.016

В.Г. Самсонова

РОССИЯ — РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В настоящее время перед Россией и РК всё острее встаёт вопрос о том, как будут строиться экономические отношения в условиях поствирусной мировой экономики, ведь в новых реалиях все экономические прогнозы по развитию экономик двух государств, реализации перспективных проектов, дальнейшему расширению объёмов торговли были пересмотрены в негативную сторону. Частичное или полное закрытие границ между государствами привело к сокращению грузопотоков, срыву сделок, невыполнению обязательств и договорённостей, менялась и структура экспорта и импорта, а также их распределение по разным группам товаров. При этом приходится констатировать, что и без негативной составляющей, связанной с пандемией COVID-19, партнёрство Республики Корея с Россией в реализации крупных инвестиционных проектов ограничивается в основном декларациями. Остаётся открытым вопрос и в сфере трёхстороннего экономического сотрудничества в формате Россия—РК—КНДР, причём Россия неизменно выступает за продвижение инициатив с участием трёх стран. На наш взгляд, активизация сотрудничества в таком формате имеет не только важное экономическое значение, но и создаёт возможность обеспечения стабильности на Корейском полуострове и укрепления мира в

этом регионе. Между тем существуют реальные перспективы для расширения торгово-экономических связей между нашими странами. На фоне пандемии COVID-19 особую актуальность получили разработки в медицинской и фармацевтической отраслях, такие как производство медицинского оборудования, тест-систем, вакцин и лекарств. Существенный рост зафиксирован в сферах e-commerce, дистанционного обучения, телемедицины, разработки программного обеспечения и др. В связи с этим перспективным, по нашему мнению, является сотрудничество во взаимном продвижении как российских, так и южнокорейских товаров через онлайн-платформы, социальные сети, видеоблоги, активизация партнёрства в сфере инновационных медицинских разработок, в том числе совместной деятельности по разработке новейших вакцин и лекарственных препаратов.

Ключевые слова: Россия, Республика Корея, пандемия COVID-19, энергетическое сотрудничество, инфраструктурные проекты, инвестиции.

Автор: Самсонова Виктория Георгиевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН. E-mail: vikapak@yandex.ru

V. Samsonova

Russia — the Republic of Korea: Problems and Prospects of the Economic Cooperation at the Present Stage

Abstract. Nowadays, Russia-ROK's economic collaboration has been facing a problem of partnership's development under the conditions of the post-virus world economy. Unfortunately, all economic forecasts for the two states revised in a negative direction. Partial or complete closure of borders between states led to a reduction of cargo flows, disruption of transactions, failure of obligation's fulfillment and agreements. Moreover, the structure of exports and imports, as well as their distribution among different groups of the goods were changed.

At the same time, we have to note that even without the negative component associated with the Covid-19 pandemic, the partnership of the Republic of Korea with Russia in the implementation of large investment projects is mainly limited to declarations. The question also remains open in the sphere of trilateral economic cooperation in the Russia-ROK-DPRK format, and Russia has invariably been in favor of promoting initiatives with the participation of the three countries. In our

opinion, the intensification of such cooperation has not only great economic importance, but also the possibility of ensuring stability on the Korean Peninsula and strengthening peace in this region.

Meanwhile, there are real prospects for expanding trade and economic ties between our countries. Amid the Covid-19 pandemic, such areas as the production of medical goods, machines for invasive mechanical ventilation, test systems, vaccines and drugs, e-commerce, distance learning, software development, etc. have become a top priority. In this regard, in our opinion, we have a great opportunity for our collaboration's development in terms of promotion of both Russian and South Korean goods through online platforms, social networks, video blogs, activation of partnerships in the field of innovative medical developments, including joint activities to develop new vaccines and drugs.

Keywords: Russia, Republic of Korea, Covid-19 pandemic, energy cooperation, infrastructure projects, investments.

Author: *SAMSONOVA Viktoria G.*, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Center for Korean Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: vikapak@yandex.ru

Пандемия COVID-19, внезапно парализовавшая экономику всего мира, продолжает оставаться одним из главных вызовов и в новом, 2021 г. Странам приходится в оперативном режиме подстраиваться под существующие реалии, выделять дополнительные существенные бюджеты для поддержки наиболее пострадавших секторов экономики, бороться с дальнейшим распространением пандемии на своей территории. Не обошла стороной пандемия и внешнеэкономические отношения. Частичное или полное закрытие границ между государствами привело к сокращению грузопотоков, срыву сделок, невыполнению обязательств и договорённостей, менялась и структура экспорта и импорта, а также их распределение по разным группам товаров. В сложившейся ситуации перед РФ и РК в плане экономического партнёрства всё острее встаёт вопрос о том, как будут строиться отношения двух стран в условиях поствирусной мировой экономики, ведь в новых реалиях все прогнозы по развитию их экономик, реализации перспективных проектов, дальнейшему расширению объёмов торговли были пересмотрены в негативную сторону. К тому же в современных условиях практически все политические, культурные, туристические и бизнес-контакты между двумя

странами были переведены в дистанционный режим, что, естественно, повлекло за собой падение интенсивности сотрудничества по всем фронтам.

Негативный тренд не обошёл стороной и двустороннюю торговлю: в 2020 г. товарооборот России с Республикой Корея составил 19,6 млрд долл., уменьшившись на 19,5 % по сравнению с 2019 г. Экспорт России в РК в 2020 г. составил 12,44 млрд долл. (–23,9 %). Импорт России из РК составил 7,16 млрд долл., уменьшившись на 10,53 % (табл. 1) [Торговля между Россией и Республикой Корея в 2020 г.].

Таблица 1. Торговля РФ и РК с 2010 по 2020 г. (млрд долл.)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Оборот	17,73	24,98	24,88	25,18	27,31	18,06	15,14	19,28	24,84	24,36	19,6
Экспорт	10,44	13,39	13,89	14,87	18,29	13,5	10,03	12,35	17,83	16,36	12,44
Импорт	7,29	11,59	10,99	10,31	9,02	4,56	5,11	6,93	7,01	8,00	7,16
Сальдо	3,15	1,8	2,9	4,56	9,27	8,94	4,92	5,42	10,82	8,36	5,28

Источник: рассчитано автором на основе: Итоги внешней торговли с основными странами //ФТС России. URL: <http://customs.gov.ru/folder/511>, Торговля между Россией и Республикой Корея (Южной Кореей) в 2020 г. URL: [https://bit.ly/3vX9HTq/](https://bit.ly/3vX9HTq) (дата обращения: 09.03.2021)

При этом мы вынуждены констатировать, что и без негативной составляющей, связанной с пандемией COVID-19, партнерство Республики Корея с Россией в реализации крупных инвестиционных проектов ограничивается в основном декларациями. В качестве аргументов своей сдержанности в участии в проектах южнокорейские компании нередко ссылаются на устаревшие стереотипы о неблагоприятном инвестиционном климате в России и т. д. Остаётся открытым вопрос о расширении сотрудничества в трёхстороннем формате Россия—РК—КНДР, причём Россия неизменно выступает за продвижение инициатив с участием трёх стран. На наш взгляд, мешают реализации проектов существующие и новые санкции со стороны США и европейских стран, а также медлительность со стороны юж-

нокорейских участников. В этом ключе нельзя не отметить влияния политического фактора — тесной привязки РК к США и роли односторонних экономических санкций в отношении России, что в последние годы существенно ограничивает сферы двустороннего сотрудничества. Причём, на наш взгляд, не стоит ожидать смягчения санкционного режима с приходом новой администрации в США, которая в начале марта 2021 г. объявила о новых санкциях в отношении России в связи с обвинением в попытке отравления оппозиционера Алексея Навального в августе прошлого года [Первые санкции Байдена против России].

Не оправдались и надежды на развитие сотрудничества углублённого характера — на рост южнокорейских инвестиций в российскую экономику. Представляется, что взаимодействие в инвестиционной сфере оказалось наименее результативным. За весь период сотрудничества Южная Корея направила в экономику России прямые инвестиции на сумму, немногим превышающую 3 млрд долл. [Суслина, Самсонова, 2020, с. 4].

Между тем существуют реальные перспективы для расширения торгово-экономических связей между двумя странами. На фоне пандемии особую актуальность получили такие сферы, как фармацевтическая и медицинская, в том числе производство аппаратов искусственной вентиляции лёгких, тест-систем, средств индивидуальной защиты, вакцин и лекарств. Значительный рост показали и сферы e-commerce, дистанционного обучения, разработки программного обеспечения и др. В связи с этим перспективным, по нашему мнению, является сотрудничество во взаимном продвижении как российских, так и южнокорейских товаров через онлайн-платформы, социальные сети, видеоблоги, активизацию партнёрства в сфере инновационных медицинских разработок, в том числе дальнейшей совместной деятельности по разработке и производству новейших вакцин (в том числе вакцины «Спутник V») и лекарственных препаратов.

Несмотря на пандемию COVID-19, интерес к внутреннему рынку РФ со стороны РК остаётся высоким и завоевание и удержание существующих позиций на внутреннем рынке РФ является одной из основных целей для южнокорейского бизнеса. Прогнозируется, что

деятельность южнокорейских компаний на территории РФ в режиме пандемии продолжится. К тому же свою роль играет и падение курса рубля. С одной стороны, происходит удорожание импортируемых компонентов, но с другой — производственные площадки на территории России получили ценовое преимущество (за счет снижения издержек на заработную плату, аренду и т. д.) перед предприятиями, размещенными в других странах.

Подтверждается высокая заинтересованность со стороны бизнеса и южнокорейскими дипломатами, которые также отмечают, что одним из проблемных аспектов в двустороннем сотрудничестве является санкционная составляющая. На одной из встреч представитель посольства РК в РФ сообщил, что, как известно, РК не присоединилась к санкциям против России, но все-таки у южнокорейского бизнеса существуют определённые опасения оказаться в «чёрном списке» из-за своего участия в российских проектах. Со своей стороны, как отметил один из южнокорейских дипломатов, посольство РК в РФ ведёт разъяснительную работу с южнокорейским бизнесом, дабы развеять такие опасения.

Что касается влияния пандемии, то, несмотря на её негативные моменты, некоторые компании смогли даже улучшить свои показатели. В частности, южнокорейские продовольственные компании зафиксировали рост продаж как на внутреннем рынке, так и за рубежом. Особым спросом во время пандемии и связанного с ней карантина стали пользоваться продукты быстрого приготовления, снеки, сублимированная лапша. Например, компания «Орион групп», которая успешно работает на территории России с 1993 г., объявила о том, что её продажи на внутреннем рынке за первое полугодие 2020 г. выросли на 17,3 %, одновременно с этим операционные доходы её зарубежных представительств также поднялись на 17 %, включая такие страны, как Россия, Китай и Вьетнам [Food companies see massive growth...]. В частности, открытие двух собственных заводов в России (в Твери и Новосибирске) позволило компании практически отказаться от импорта продукции, и ведущие бренды — ChocoVoу и Choco-Pie — также производятся на указанных заводах.

Прогнозируется, что росту инвестиционных потоков из РК в регионы Сибири и Дальнего Востока будет содействовать разработан-

ный российскими властями преференциальный режим капиталовложений. В рамках территорий опережающего развития и свободного порта Владивосток иностранным, в том числе южнокорейским, инвесторам предлагаются одни из лучших в АТР условия в таких областях, как медицина, портовая инфраструктура, судоремонт, туризм, аграрный сектор [Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова...].

Многие из этих сфер включены в проект «девяти мостов», предложенный президентом РК Мун Чжэ Ином в 2017 г., работа по активизации которого ведётся обеими странами согласно плану сотрудничества по проекту, подписанному в 2019 г. Концепция предусматривает взаимодействие в таких областях, как железные дороги, морские порты, энергетика, природный газ, арктическое судоходство, судостроение, сельское хозяйство, рыболовство, создание промышленных комплексов, экология, образование и здравоохранение [«Девять мостов» сотрудничества между Кореей и Россией].

Одной из перспективных сфер сотрудничества двух стран является туризм. Отмечается, что количество туристов из РК до начала пандемии COVID-19 демонстрировало непрерывный рост и в 2019 г. достигло отметки в 430 тыс. человек [Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова...]. Однако в настоящее время туристический поток практически остановлен, более того, временно прекращено действие безвизового режима между странами. На наш взгляд, после окончания пандемии интерес южнокорейских туристов к российскому направлению только усилится. Причём позитивным толчком для восстановления сотрудничества в этой сфере стало и возобновление с октября 2020 г. прерванного из-за пандемии COVID-19 авиасообщения между РФ и РК [«Аэрофлот» возобновляет полеты...]. К тому же в настоящее время Национальный офис туризма в РК (НОТК) запускает кампанию «А поехали в Корею?», которая позволяет гостям из России воспользоваться многочисленными скидками при посещении популярных объектов. Для получения скидок туристам при посещении того или иного объекта необходимо предъявить свои загранпаспорта и авиабилеты [Специальное предложение по скидкам].

Также по распоряжению правительства Российской Федерации от 16.03.2021 № 639-р иностранным студентам, аспирантам, ординаторам, слушателям подготовительных факультетов из эпидемиологически благополучных стран, в том числе и южнокорейским студентам, разрешено вернуться в Россию для продолжения обучения [Студенты из Вьетнама, Южной Кореи и Японии...].

Позитивную роль в развитии двустороннего экономического партнерства могло бы сыграть заключение соглашения о свободной торговле (ССТ), которое активно продвигает южнокорейская сторона. Однако его возможное подписание вызывает вопросы практического характера. В частности, результаты переговоров между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Республикой Корея показали неоднозначную выгоду для ЕАЭС от возможной либерализации торговли с РК [Суслина, Самсонова, 2020, с. 12].

При этом, по нашему мнению, РК будет всё активнее добиваться скорейшего подписания данного соглашения, в том числе в свете того, что в марте 2021 г. ЕАЭС исключил 76 государств (в том числе и РК) из списка стран, относящихся к развивающимся и имеющим возможность пользоваться тарифными преференциями союза. «На сегодняшний день многие из государств, получающих такие преференции, де-факто находятся в более благоприятных экономических условиях по сравнению со странами ЕАЭС и способны обеспечивать высокую конкурентоспособность своих товаров, в том числе на внутреннем рынке союза», — пояснил член Коллегии Евразийской экономической комиссии, министр по торговле Андрей Слепнёв [ЕАЭС лишил 76 стран тарифных преференций...].

Нельзя не отметить, что не стоит ожидать сиюминутных прорывов в экономическом сотрудничестве двух стран. Однако с точки зрения долгосрочных планов текущая ситуация может дать шанс вывести сотрудничество между РФ и РК на качественно новый уровень. На наш взгляд, при активизации своей деятельности (без оглядки на политические факторы, в том числе санкционные) у бизнеса РК есть реальная возможность укрепить свои позиции на российском рынке и обеспечить себя бесперебойными поставками стратегически важных ресурсов.

Библиографический список

«Аэрофлот» возобновляет полеты в Южную Корею // Прайм. Агентство экономической информации. URL: <https://bit.ly/3eCqGod> (дата обращения: 02.10.2020)

«Девять мостов» сотрудничества между Кореей и Россией начинаются с Приморья // PrimaMedia.ru. URL: <https://bit.ly/3y3LxIs> (дата обращения: 01.10.2020)

ЕАЭС лишил 76 стран тарифных преференций // Коммерсантъ. URL: <https://bit.ly/3f5lwQE> (дата обращения: 10.03.21)

Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова южнокорейскому информационному агентству «Ёнхап», Москва, 29 сентября 2020 года // МИД РФ. URL: <https://bit.ly/2Q5mK5M> (дата обращения: 01.10.20)

Итоги внешней торговли с основными странами // ФТС России. URL: <http://customs.gov.ru/folder/511> (дата обращения: 09.03.2021)

Первые санкции Байдена против России // РБК. URL: <https://bit.ly/3fb7gpd> (дата обращения: 10.03.2021)

Специальное предложение по скидкам для российских туристов на 2021 год // Организация туризма Кореи. URL: <https://bit.ly/3vWWvOd> (дата обращения: 01.03.2021)

Студенты из Вьетнама, Южной Кореи и Японии получили возможность вернуться в Россию // Prim.News. URL: <https://bit.ly/3f3DbgM> (дата обращения: 22.03.2021)

Суслина С.С., Самсонова В.Г. Россия — Республика Корея: пути развития экономического партнёрства. Аналитическая записка // РСМД. URL: <https://bit.ly/3uCcNfe> (дата обращения: 10.02.2021)

Торговля между Россией и Республикой Корея (Южной Кореей) в 2020 г. // Russian-trade.com. URL: <https://bit.ly/3eBSclA> (дата обращения: 09.03.2021)

Food companies see massive growth in wake of COVID-19 // The Korea Herald. URL: <https://bit.ly/2SHy1u4> (дата обращения: 17.11.2020)

References

“Aeroflot” vobnovlyayet polety v Yuzhnyuyu Koreyu [Aeroflot resumes flights to South Korea]. *Prime. Agency of economic information*. URL: <https://bit.ly/3eCqGod> (accessed: 02 October, 2020) (In Russian)

«Devyat' mostov» sotrudnichestva mezhdru Koreyey i Rossiyey nachinayutsya s Primor'ya [“Nine bridges” of cooperation between South Korea and Russia start from

Primorye]. *PrimaMedia.ru*. URL: <https://bit.ly/3y3LxIs> (accessed: 01 October, 2020) (In Russian)

EAES lishil 76 stran tarifnykh preferentsiy [EEU deprived 76 countries of tariff preferences]. *Kommersant*. URL: <https://bit.ly/3f5lwQE> (accessed: 10 March, 2020) (In Russian).

Food companies see massive growth in wake of COVID-19. *The Korea Herald*. URL: <https://bit.ly/2SHy1u4> (accessed: 17 November, 2020)

Interv'yu Ministra inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii S.V. Lavrova yuzhnokoreyskomu informatsionnomu agentstvu «Yonhap» [Foreign Minister Sergey Lavrov's interview with South Korean media «Yonhap»]. Russian Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://bit.ly/2Q5mK5M> (accessed: 01 March, 2020) (In Russian)

Itogi vneshnej torgovli s osnovnymi stranami [The results of external trade with main countries]. *Russian Federal Customs Service*. URL: <http://customs.gov.ru/folder/511> (accessed: 09 March, 2021) (In Russian)

Pervyye sanksii Baydena protiv Rossii [First Biden's sanctions against Russia], *RBC*, 03.03.2021. URL: <https://bit.ly/3fb7gpd> (accessed: 10 March, 2020) (In Russian)

Spetsial'noye predlozheniye po skidkam dlya rossiyskikh turistov na 2021 god [Special offers for Russian tourists in 2021]. *Korea tourism organization*. URL: <https://bit.ly/3vWWvOd> (accessed: 02 March, 2020) (In Russian)

Studenty iz V'yetnama, Yuzhnoy Korei i Yaponii poluchili vozmozhnost' vnut'sya v Rossiyu [Students from Vietnam, South Korea and Japan got the opportunity to return to Russia], *Prim.News*. URL: <https://bit.ly/3f3DbrM> (accessed: 22 March, 2020) (In Russian)

Suslina S.S., Samsonova V.G. (2020). Rossiya — Respublika Koreya: puti razvitiya ekonomicheskogo partnerstva [Russia and the Republic of Korea: ways to develop economic partnership]. *RIAC*. URL: <https://bit.ly/3uCcNfe> (accessed: 10 March, 2020) (In Russian)

Torgovlya mezhdru Rossiyey i Respublikoy Koreya v 2020 g. [Russia and South Korea's trade in 2020]. *Russian-trade.com*. URL: <https://bit.ly/3eBSclA> (accessed: 09 March, 2020) (In Russian)

DOI: 10.48647/IFES.2021.19.62.017

Л.Е. Козлов

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ. ПЯТЫЙ КОМПЛЕКСНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ПЛАН И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В 2020 г.

Аннотация. В Республике Корея территориальное развитие считается одной из важнейших государственных задач, для решения которой разрабатывается множество законов и планов и проводится большой объём исследований. Основные проблемы региональной политики РК — это межрегиональные экономические диспаритеты, сверхконцентрация населения в столичном регионе, ускоренное старение населения, зданий и промышленной инфраструктуры на периферии. Комплексный национальный территориальный план (СНТР) является обязательным элементом государственной стратегии РК. Согласно рамочному закону «О национальной территории», провинции и города центрального подчинения обязаны разрабатывать собственные программы действий в рамках СНТР и представлять их на утверждение Министерству земли, инфраструктуры и транспорта. В конце 2019 г. Госсовет РК утвердил пятый СНТР на 2020—2040 гг., где был сделан акцент на обновление транспортной сети, создание инновационных предприятий, расширение культурного туризма, обустройство безопасного и экологичного жилого пространства, внедрение смарт-технологий в городскую инфраструктуру, интеграцию региональной политики РК в

международные проекты. Финансовые затраты на региональную политику были изложены в другом, вспомогательном документе «Четвёртый пятилетний план сбалансированного национального развития» (2018—2022)», опубликованном в начале 2019 г. Они составляют 175 трлн вон до 2022 г. включительно. Ключевыми инфраструктурными проектами территориального развития РК сегодня являются: специальная экономическая зона «Сэмангым», административный город Седжон и ведущие к нему железные и автомобильные дороги, «смарт-города» (максимально использующие электронное управление городским хозяйством) в Седжоне и Пусане, 11 «инновационных городов», четыре новых аэропорта. Региональные администрации лоббируют несколько новых проектов, в том числе индустриально-транспортную «ось Канхо». Правящая партия «Тобуро» настояла на переносе Национального собрания РК в Седжон. Правые круги раскритиковали это решение, оценив затраты на него в 116,6 млрд вон. Спецификой РК является отнесение к сфере региональной политики проблемы спекуляций с недвижимостью.

Ключевые слова: Республика Корея, региональная политика, территориальное развитие, государственное планирование.

Автор: Козлов Леонид Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, Дальневосточный федеральный университет. ORCID 0000-0002-6372-5098.
E-mail: leonidkozlov@yahoo.com

L. Kozlov

Regional Policy of the Republic of Korea. 5th Comprehensive National Territorial Plan and its Implementation in 2020

Abstract. In the Republic of Korea territorial development is considered one of the most important government tasks. The main current problems are regional economic disparities, over-concentration of the population in the capital region, accelerated aging of the population, as well as buildings and industrial infrastructure in the periphery. The Comprehensive National Territorial Plan (CNTF) is an indispensable element of the national strategy of the ROK. According to the Framework Act on the National Land, provinces and cities of central jurisdiction are required to develop their own strategies on the basis of the CNTF. In late 2019 the State Council approved the 5th CNTF (2020—2040), which focused on the construction of new transport communications, the creation of in-

novative enterprises, the expansion of cultural tourism, the arrangement of safe and environmentally friendly living space, the introduction of smart technologies in urban infrastructure, the integration of regional policy into international projects. The financial costs were outlined in the 4th Five-Year Balanced National Development Plan (2018—2022), published in early 2019. They amount to 175 trillion won through 2022 inclusively. Key infrastructure projects for territorial development today are the Saemangeum special economic zone, the Sejong administrative city and the railways and highways leading to it, smart cities in Sejong and Busan, 11 innovation cities, and 4 new airports. Regional authorities are lobbying for several new development projects, including the “Ganho Axis”. The ruling Toburo party insisted on the full transfer of the National Assembly to Sejong. The right-wing circles criticized the decision, estimating the necessary cost at 116.6 billion won. A specific feature of South Korea is that the problem of speculative growth in real estate prices is referred to the sphere of regional policy.

Keywords: Republic of Korea, regional policy, territorial development, national planning

Author: KOZLOV Leonid E., Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor of International Relations, Far East Federal University. ORCID: 0000-0002-6372-5098. E-mail: leonidkozlov@yahoo.com

В Республике Корея территориальное развитие считается одной из важнейших государственных задач. Основные проблемы региональной политики РК — это межрегиональные экономические диспаритеты, сверхконцентрация населения в столичном регионе, ускоренное старение населения, зданий и промышленной инфраструктуры на периферии. Министерство земли, инфраструктуры и транспорта (MOLIT*) играет главную роль в выработке и реализации региональной политики РК, а Комплексный национальный территориальный план (CNTP) является обязательным элементом государственной стратегии РК начиная с 1972 г. С 2003 г. рамочный закон «О национальной территории» обязал провинции и города центрального подчинения разрабатывать собственные программы развития в рамках CNTP и представлять их на утверждение в

* В статье употребляются англоязычные аббревиатуры, широко используемые в южнокорейских источниках.

MOLIT. В статье анализируется пятый CNTP на 2020—2040 гг., утвержденный в конце 2019 г. Госсоветом РК.

Главным научным учреждением РК в этой сфере является Корейский НИИ населенных пунктов в Седжоне, а в каждой провинции и каждом городе центрального подчинения работает аналогичный НИИ, финансируемый из регионального бюджета. На их сайтах находится большое количество научных отчетов и других публикаций по проблемам регионального развития РК. Помимо южнокорейской научной литературы, в изучении данной темы помогают следующие источники:

- статистическая информация на сайтах KOSIS, региональных администраций и MOLIT;
- государственные и региональные планы развития;
- законы РК о территориальном развитии, содержащиеся в базе law.go.kr;
- новости сайтов MOLIT, Президентского комитета по сбалансированному национальному развитию, Корейской земельной и жилищной корпорации, Национального агентства по строительству административного города, Агентства по развитию и инвестированию проекта Сэмангым;
- публикации общественно-политической прессы РК.

В пятом CNTP приоритеты развития РК сформулированы следующим образом:

1) поощрение межрегиональной кооперации, соразвитие больших городов и прилегающих к ним районов, усиление функции штаб-квартиры больших городов, опора в развитии малых и средних городов на «инновационные города» Сэмангым и Седжон, улучшение условий в аграрных и рыбацких деревнях;

2) развитие регионов в направлении Четвёртой промышленной революции, поддержка инновационных фирм в регионах, эффективное сочетание промышленных объектов, жилых и социальных зон, восстановление старых промышленных комплексов, улучшение культурного пространства и туристической инфраструктуры;

3) создание безопасного и комфортного жилого пространства для всех поколений и классов с учётом сокращения и старения насе-

ления, повышение доступности и качества жилья, укрепление системы реагирования на стихийные бедствия;

4) создание экологически чистого пространства: сокращение выбросов парниковых газов и мелкой пыли, расширение зеленой инфраструктуры в городах, восстановление загрязнённых и заброшенных территорий, акцент на использование местных ресурсов;

5) развитие дорожной инфраструктуры, устранение заторов в мегаполисах, обеспечение проезда через всю страну в любом направлении за два часа, переход к роботизированному транспорту, нулевая смертность в ДТП, смарт-технологии в землепользовании и управлении городским хозяйством;

6) сопряжение территориального развития с межкорейским сотрудничеством и отношениями с другими странами, включение национальных транспортных систем в евразийские и тихоокеанские транспортные коридоры, экспорт за рубеж южнокорейских моделей и методов урбанистики [Че 5 чха куктхочжонхапкехвек].

Финансовый аспект региональной политики РК был изложен во вспомогательном документе «Четвертый пятилетний план сбалансированного национального развития» (2018—2022). Его бюджет превышает 175 трлн вон, из них две трети выделяет центр, а одну треть — регионы. В реальности он был утвержден в январе 2019 г., то есть сегодня примерный уровень затрат на региональное развитие в РК составляет 35—45 трлн вон в год [Че 4 чха куккакюнхёнпальчжон 5 кэнёнкехвек]. Его новацией стала система соглашений об инвестировании в развитие регионов, в рамках которой центр разрабатывает индикаторы развития и передаёт в регионы часть налогов для финансирования необходимых мероприятий.

В июле 2020 г. MOLIT утвердило детализированную программу действий по реализации пятого CNTP на 2021—2025 гг. В ходе консультаций между десятью министерствами было определено 138 конкретных задач, больше всего для самого MOLIT — 80. Оно планирует получать от других министерств результаты их выполнения в конце каждого года [Сэроун куктхэо...]. Провинции и города центрального подчинения в 2020 г. начали составление и общественное обсуждение своих планов развития в соответствии с пятым CNTP.

Для столичного региона MOLIT отдельно разработало Четвертый план благоустройства мегаполиса (2021—2040).

Кратко поясним ключевые проекты региональной политики РК. «Инновационные города» были построены в 2006—2012 гг., чтобы снизить концентрацию административной, экономической и интеллектуальной деятельности в столичном регионе. Из 346 госорганов и институтов, расположенных в столице, 175 были переведены в новые районы на периферии. Мультифункциональный административный город Седжон был построен в 2010-е годы с той же целью, но помимо 40 ведомств и институтов, возможно, он примет высшие политические органы РК. Сэмангым изначально был проектом дамбы, возведение которой позволило отвоевать у Жёлтого моря 401 кв. км суши. Сегодня правительство РК создает на этой территории специальную экономическую зону с различными льготами для инвесторов, где будут размещены передовые промышленные производства, жилые кварталы, рекреационные объекты, аэропорт.

На семинаре в MOLIT 16 февраля 2021 г. президент Мун Чжэ Ин обобщил актуальные задачи региональной политики РК. Проблема спекуляций с недвижимостью, которая не входит в классический перечень проблем региональной политики, была названа самой неотложной задачей. Решить ее могут инновационные методы жилищного строительства и расширение предложения государственного жилья. Центры регионального роста — это «инновационные города», но также надо попытаться создать межрегиональные зоны, способные конкурировать со столичным регионом. В рамках «Нового курса» Мун Чжэ Ина будет увеличена адресная поддержка возрождения старых городов, в том числе пилотных проектов «смарт-городов» (с максимальным внедрением электронных технологий в городское хозяйство) в Пусане и Седжоне. Мун Чжэ Ин также связал территориальное развитие с обеспечением к 2050 г. углеродной нейтральности РК [Opening remarks...].

В 2020 г. регионы стали энергичнее представлять в MOLIT новые проекты, апеллируя к необходимости стимулирования экономики на фоне COVID-19. Вообще, в РК инициативы с мест стали нормой: в тексте пятого CNTP несколько раз подчёркивается, что он был разработан властями в тесном контакте с обществом. В частности, груп-

па муниципалитетов Чхунчхон-Намдо представила проект скоростной автомагистрали Порён—Тэджон—Поын, призванной облегчить доступ туристов к самым большим пляжам в стране на побережье Жёлтого моря, а Чолла-Пукто — проект железной дороги до аэропорта Чхонджу, подкрепив его подписями 70 тыс. местных жителей [Пак Чонгук, 2020]. Также в прессе РК обсуждалась выдвинутая регионами инициатива индустриально-транспортной «оси Канхо» (Канвон—Чхунчхон—Хонам), которая должна скрепить пространственную структуру РК с северо-востока на юго-запад.

Что касается транспортной инфраструктуры, то в г. Тэгу в 2028 г. планируется ввести в эксплуатацию новый военно-гражданский аэропорт, который заменит действующий. Здесь на площади 4,3 млн кв. м будет создан авиакластер стоимостью 1 трлн вон. Другой крупный аэропорт (стоимостью 800 млрд вон) возводится к 2028 г. в СЭЗ Сэмангым. Проект нового аэропорта в Пусане все еще обсуждается на правительственном уровне: местные власти решительно на нем настаивают, так как существующий аэропорт расположен слишком близко к городу. На о. Чеджу, напротив, MOLIT и местные власти согласны с тем, что надо срочно проектировать и строить второй аэропорт (стоимостью 520,8 млрд вон), ибо пропускная способность существующего достигла предела. Однако гражданские группы Чеджу заявляют, что новая большая стройка и увеличение турпотока лишь ухудшат жизнь местных жителей и нанесут ущерб природе. Также строятся два аэропорта для малой авиации: гражданский на о. Уллындо (стоимостью 666,1 млрд вон) к 2025 г. и военно-гражданский на о. Кёдон, фактически на границе с Северной Кореей, к 2026 г. [Чон Кёнчжэ, 2020]. В Чхунчхон-Намдо на 2022—2027 гг. запланирован поэтапный ввод в эксплуатацию пяти низководных мостов к прибрежным островам, что позволит расширить турпоток и пропускную способность местных портов.

Летом 2020 г. лидеры правящей партии «Тобуро» стали заявлять о необходимости полного переноса Национальной ассамблеи в Седжон. Консерваторы раскритиковали это предложение за его стоимость и заодно высказались против переноса в Седжон МИД, Министерства обороны, Офиса президента, Верховного суда и Конституционного суда. Возведение здания парламента в Седжоне они

оценили в 116,6 млрд вон, а общие затраты на перенос высших органов власти — почти в 1 трлн вон. Кроме того, если Седжон станет политической столицей, туда потребуются проложить скоростные железные (стоимость строительства не менее 1 трлн вон) и автомобильные (стоимость строительства 9,6 трлн вон) дороги и модернизировать ближайший к нему аэропорт Чхонджу (стоимость строительства 524,3 млрд вон) [Ли Донхун, 2020].

Несмотря на эту критику, осенью 2020 г. демократическая фракция в Национальном собрании организовала рабочую группу под председательством депутата У Вонсика, которая 9 декабря представила согласованный с руководством «Тобуро» отчёт, где рекомендовала перенести почти все структурные подразделения парламента в Седжон. В Сеуле должен остаться офис председателя парламента, чтобы обойти запрет Конституционного суда от 2004 г. на перенос политической столицы [Идальмаль...]. Национальное собрание тогда же включило 14,7 млрд вон на финансирование первого этапа необходимых работ в бюджет 2021 г.

Таким образом, год, прожитый в условиях пандемии COVID-19, никоим образом не снизил активность обсуждения, выработки и реализации региональной политики РК. Продолжается реализация масштабных инфраструктурных проектов, их финансирование не снижается, а где-то даже и увеличивается, выдвигаются новые идеи. В законы о региональном развитии регулярно вносятся поправки, их действие подкрепляется новыми указами президента и приказами MOLIT. Опыт региональной политики РК представляется весьма полезным для изучения российскими учеными и чиновниками соответствующего профиля.

Библиографический список

Идальмаль нэнонын кукхве ичжонанын Зкачжи [Три предложения о переносе Национального собрания будут представлены в конце этого месяца] // Тонъя Ильбо. URL: <https://bit.ly/3y4WJVA> (дата обращения: 10.03.2021) (На кор.)

Ли Донхун. Кукхве 1чо, косокторо 10чо [1 триллион на парламент, 10 триллионов на скоростные дороги] // Чосон Ильбо. URL: <https://bit.ly/3ex1KhM> (дата обращения: 10.03.2021) (На кор.)

Пак Чонгук. Ымсон-гун «Куккачхольдомане Камгок-Чхонджуконхан носон панёнхэ тальяла» [Ымсон-гун: «Пожалуйста, отобразите маршрут Камгок — аэропорт Чхонджу на схеме национальной сети железных дорог»] // Ёнхап Ньюсы. URL: <https://bit.ly/3higTp4> (дата обращения: 10.03.2021) (На кор.)

Сэроун куктхоэ 20нёньль мандыро каль 138кэ сильчхонгвачже [138 практических задач по обновлению территории страны за 20 лет] // Министерство торговли, промышленности и энергетики. URL: <https://bit.ly/2RCLZNg> (дата обращения: 10.03.2021) (На кор.)

Че 4 чха куккакюнхёнпальжон 5 кэнёнкехвек [Четвертый пятилетний план сбалансированного национального развития] (2018—2022) // Президентский комитет по сбалансированному национальному развитию, Министерство торговли, промышленности и энергетики. 73 с. URL: <https://bit.ly/3eAn2Lp> (дата обращения: 10.03.2021) (На кор.)

Че 5 чха куктхочжонхапкехвек [Пятый Комплексный национальный территориальный план] (2020—2040) // Министерство земли, инфраструктуры и транспорта. 266 с. URL: <https://bit.ly/3fnKRFF> (дата обращения: 10.03.2021) (На кор.)

Чон Кёнчжэ. Сингонханыро кёнчже саллинда [Спасая экономику посредством новых аэропортов] // Ёнхап Ньюсы. URL: <https://bit.ly/3y1sO0k> (дата обращения: 10.03.2021) (На кор.)

Opening remarks by President Moon Jae-in at annual briefing by Ministry of land, infrastructure and transport // President of the Republic of Korea. URL: <https://bit.ly/3f75xVI> (accessed: 10.03.2021)

References

Idalmal naenohneun gughoe ijeon-an-eun 3gaji [Three proposals for the relocation of the National Assembly will be presented at the end of this month], *Dong-a Ilbo*. URL: <https://bit.ly/3y4WJVA> (accessed: 10 March 2021) (In Korean)

Je 4 cha guggagyunhyeongbaljeon 5 gaenyeongyehoeg [The 4th Five-Year Plan for Balanced National Development] (2018—2022). *Presidential Committee on balanced national development, Ministry of trade, industry and energy*. Sejong, 2019: 73. URL: <https://bit.ly/3eAn2Lp> (accessed: 10 March 2021). (In Korean)

Je 5 cha gugtojonghabgyehoeg [5th Comprehensive National Territorial Plan] (2020~2040). *Ministry of land, infrastructure and transport*. 266 p. URL: <https://bit.ly/3fnKRFF> (accessed: 10 March 2021) (In Korean)

Jeong, Gyeong-jae (2020). Singonghang-eulo gyeongje sallinda [Saving the economy through new airports]. *Yonhap News*. URL: <https://bit.ly/3y1sO0k> (accessed: 10 March 2021) (In Korean)

Lee, Dong-hoon (2020). Gughoe ljo, gosogdolo 10jo [1 trillion for parliament, 10 trillion for expressways], *Chosun Ilbo*. URL: <https://bit.ly/3ex1KhM> (accessed: 10 March 2021) (In Korean)

Opening remarks by President Moon Jae-in at annual briefing by Ministry of land, infrastructure and transport. *President of the Republic of Korea*. URL: <https://bit.ly/3f75xB1> (accessed: 10 March 2021)

Park, Jong-guk (2020). Eumseong-gun «guggacheoldomang-e gamgog-cheongjugonghang noseon ban-yeonghae dalla» [Eumseong-gun: «Please reflect the Gamgok-Cheongju Airport route on the national railroad network»]. *Yonhap News*. URL: <https://bit.ly/3higTp4> (accessed: 10 March 2021) (In Korean)

Saeloun gughtoui 20nyeon-eul mandeul-eo gal 138gae silcheongwaje [138 practical tasks that will create a new national territory in 20 years]. *Ministry of land, infrastructure and transport*. URL: <https://bit.ly/2RCLZNg> (accessed: 10 March 2021) (In Korean)

DOI: 10.48647/IFES.2021.98.53.018

К.В. Иванов

КОНЦЕПЦИЯ «ДЕВЯТИ МОСТОВ» 2.0 В КОНТЕКСТЕ ПОСТКОВИДНОЙ ЭПОХИ: ВЗАИМНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И РИСКИ ДЛЯ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ*

Аннотация. В статье рассматриваются промежуточные результаты практической реализации концепции российско-корейского экономического сотрудничества «Девять мостов», а также перспективы развития для пересмотренного варианта концепции — «Девять мостов» 2.0. Несмотря на взаимный интерес к данной концепции, источники этого интереса у России и Республики Корея существенно отличаются.

С точки зрения экономического сотрудничества для Республики Корея приоритетом являются интересы бизнес-кругов, в то время как для России на первом плане стоят интересы экономического развития дальневосточных и арктических регионов. С точки зрения политики для руководства Южной Кореи очень важно пытаться

* Статья подготовлена при поддержке Корейского фонда (ПК) в рамках проекта «Российско-корейские отношения в контексте новых социально-экономических вызовов в постковидную эпоху: восстановление экономических связей и проблема трансграничной миграции».

This work was supported by the Korea Foundation under the project “Russian-Korean relations in the context of new socio-economic challenges in the post-COVID era: restoration of economic ties and problem of cross-border migration”.

реализовать проект в трёхстороннем формате (Россия — Республика Корея — КНДР), в то время как для политического руководства России одной из ключевых задач реализации сотрудничества в данном формате является усиление политического влияния в Восточно-Азиатском регионе.

Исходя из дополненного состава направлений сотрудничества в рамках плана «Девять мостов» 2.0, промежуточных результатов, достигнутых к концу 2020 г., и с учётом пандемии COVID-19 и постпандемийных условий, автор делает вывод, что руководство Республики Корея решило перейти от долгосрочных планов к средне- и краткосрочным. Данная трансформация обусловлена как прагматическим подходом, так и скорым окончанием президентского срока Мун Джэ Ина в 2022 г. При этом обновление концепции российско-корейского сотрудничества во многом сохраняет старый набор взаимных выгод и рисков. Поэтому для качественной эволюции двусторонних отношений требуются дополнительные усилия со стороны политического руководства как России, так и Республики Корея.

Ключевые слова: концепция «Девяти мостов», Новая северная политика, российско-корейское сотрудничество, товарная торговля, арктическая политика, национальные интересы.

Автор: *Иванов Константин Владимирович*, кандидат исторических наук, руководитель Центра корейских исследований; начальник научно-исследовательской части; доцент кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

ORCID: 0000-0002-5734-220X. E-mail: ivanov_kv@isu.ru

K. Ivanov

9-BRIDGE Strategy 2.0 in the Context of the Post-COVID Era: Mutual Interests and Risks for Russia and the Republic of Korea

Abstract. The article examines the intermediate results of the practical implementation of the concept of Russian-Korean economic cooperation «Nine Bridges», as well as development prospects for the revised version of the concept — «Nine Bridges 2.0». Despite the mutual interest in this concept, the sources of this interest in Russia and the Republic of Korea differ significantly.

From the point of view of economic cooperation, the interests of the business community are a priority for the Republic of Korea, while the

interests of the economic development of the Far Eastern and Arctic regions are in the foreground for Russia. From a political point of view, it is very important for the leadership of South Korea to try to implement the project in a trilateral format (Russia — Republic of Korea — DPRK), while for the political leadership of Russia one of the key tasks of implementing cooperation in this format is to increase political influence in the East Asian region.

Based on the added composition of areas of cooperation within the framework of the Nine Bridges 2.0 plan, intermediate results achieved by the end of 2020, and considering the COVID-19 pandemic and post-pandemic conditions, the author concludes that the leadership of the Republic of Korea has decided to move from long-term plans to medium — and short-term. This transformation is due to both a pragmatic approach and the imminent end of Moon Jae-in's presidential term in 2022. At the same time, the renewal of the concept of Russian-Korean cooperation largely retains the old set of mutual benefits and risks. Therefore, for the qualitative evolution of bilateral relations, additional efforts are required on the part of the political leadership of both Russia and the Republic of Korea.

Keywords: 9-Bridge Strategy, New Northern Policy, Russian-Korean cooperation, commodity trade, Arctic policy, national interests.

Author: *IVANOV Konstantin V.*, Candidate of Sciences (History), Head of the Center for Korean Studies; Head of the Research Department; Associate Professor of the Department of World History and International Relations, Historical Faculty, Irkutsk State University.
ORCID: 0000-0002-5734-220X. E-mail: ivanov_kv@isu.ru

В сентябре 2017 г. на Восточном экономическом форуме во Владивостоке президент Республики Корея Мун Чжэ Ин впервые заявил о новой стратегии экономического сотрудничества Южной Кореи и России — так называемой инициативе Девяти мостов. В рамках данной инициативы, которая, в свою очередь, была частью Новой северной политики, Республика Корея предполагала развивать экономическое сотрудничество с Россией и рядом стран Центральной и Северо-Восточной Азии по девяти направлениям: судостроение, развитие морских портов, совместное освоение Северного морского пути, газоснабжение, железнодорожный транспорт, энергетика, развитие промышленного комплекса в Приморье, сельское хозяйство, рыбное хозяйство [9-BRIDGE Strategy].

Несмотря на то что инициатива «Девяти мостов» была принята российской стороной в целом позитивно, эксперты изначально отметили слабые стороны данного плана. *Во-первых*, это общероссийские проблемы с деловым и инвестиционным климатом, связанные с бюрократическими препонами, административными барьерами, постоянно меняющимися ключевыми законами и нормами и т. п. *Во-вторых*, южнокорейский подход на первое место ставит интересы коммерческих структур, в то время как в России безусловный приоритет имеют интересы государства (и госкорпораций). При этом большее значение для неё в данном случае имеет экономическое развитие Дальнего Востока, в то время как Южная Корея преследует здесь также политические цели — урегулирование северокорейского кризиса [Суслина, Захарова, 2018, с. 27].

Наконец, имеет место и несовпадение экономических интересов России и Южной Кореи. В частности, в условиях рецессии судостроительной отрасли РК крайне заинтересована в новых заказах в этой сфере, в то время как Россия предпочитает развивать собственную судостроительную отрасль (это, однако, не отменяет потребности в заказах) [Волощак, Лукин, 2018, с. 74—75].

Что касается организации совместных экономических проектов с КНДР, то последние несколько лет она крайне затруднена из-за международных санкций. Южнокорейские исследователи также отмечают, что до момента ослабления санкций (а это в ближайшее время маловероятно) один из немногих рабочих вариантов сотрудничества с КНДР является проект «Хасан — Раджин» [Хонг Вансок, 2020, с. 234]. Помимо этого, крайне негативно влияют на инвестиционную привлекательность России действующие антироссийские санкции США.

Не будет преувеличением сказать, что ни в конце 2019 г., ни в конце 2020 план «Девяти мостов» существенно не повлиял на развитие российско-корейского сотрудничества. Традиционно значимое сотрудничество России и Южной Кореи в энергетической сфере пока что идёт по накатанной колее: Россия выступает для РК поставщиком энергоресурсов [Дёмина, 2020, с. 17]. Реализация проектов транскорейской железной дороги, как и транскорейского газо-

провода, так и осталась в планах, будучи сильно зависимой от политики и от политического руководства КНДР.

Совместное развитие судостроительной отрасли, с ориентацией на строительство танкера для перевозки сжиженного природного газа, хоть и находится в некотором противоречии с проектом транс-корейского газопровода, но куда ближе к реальности.

Сотрудничество в области сельского и рыбного хозяйства и совместное освоение Северного морского пути, несмотря на явный интерес со стороны Южной Кореи, реализуется крайне медленно как по причине чрезвычайной осторожности южнокорейских инвесторов, так и по причине нетерпимости местных российских властей.

В России традиционно инвестиции рассматриваются не только как полезный инструмент, стимулирующий экономическое развитие, но и как средство зарубежного влияния. Учитывая особое место, которое занимает Арктика во внешней и внутренней политике России, любые арктические проекты, предусматривающие участие иностранцев, будут изучаться «под лупой». Значимость арктического направления дополнительно подчеркнуло переименование в 2019 г. Минвостокразвития в Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, а также принятие в октябре 2020 г. Стратегии развития Арктической зоны России.

Снижение объёма товарооборота, обвал туристической отрасли в обеих странах, неопределённость с трёхсторонними проектами (РФ—РК—КНДР) и проектом совместной коммерческой эксплуатации Севморпути, без сомнения, подтолкнула к пересмотру концепции «Девяти мостов». Инициатива в данном случае исходила от южнокорейской стороны, что, вероятнее всего, вызвано не только экономическими причинами. У нынешнего президента Южной Кореи Мун Джэ Ина осталось около одного года до конца президентского срока, и в силу ряда неудач во внутриэкономической политике администрация президента РК, вероятно, имеет планы поправить его рейтинг за счёт внешнеполитических достижений.

Поэтому за оставшееся время руководство страны будет с большой вероятностью обращать внимание на проекты, которые принесут результаты в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Нет никаких сомнений, что Южная Корея, её политическое руководство

и бизнес-круги будут продолжать прощупывать почву для поиска взаимной заинтересованности по этим направлениям со стороны РФ.

В октябре 2020 г. план «Девяти мостов» (или «Девять мостов» 2.0) был скорректирован и приведён к следующему перечню: 1) «Энергетика»; 2) «Железные дороги и инфраструктура»; 3) «Судостроение»; 4) «Порты и судоходство»; 5) «Здравоохранение»; 6) «Сельское хозяйство и рыболовство»; 7) «Инвестиции»; 8) «Инновации»; 9) «Культура и туризм» [Россия и Южная Корея актуализировали план...]

Как видно по перечню, значимость Северного морского пути снизилась — этот пункт растворился в других, однако появились позиции с понятными кратко- и среднесрочными целями: «Здравоохранение» (под которым, полагаем, подразумевается в первую очередь медицинский туризм из РФ в РК и, возможно, совместная работа над вакциной и лекарством от COVID-19) и «Культура и туризм» (направление, приносящее вполне очевидные выгоды и прибыли обеим сторонам). Очень вероятно, что данная корректировка произошла потому, что руководство РК предпочло «синицу в руках» (направления сотрудничества, уже показавшие свою эффективность и прибыльность) «журавлю в небе» (затратное и сопряжённое с массой рисков развитие Севморпути).

Но получить даже синицу в руках будет непросто обеим сторонам указанной инициативы. Антироссийские санкции США не исчезли, более того, администрация нового президента США Байдена озвучила намерение ещё больше их ужесточить. Международный санкционный режим в отношении КНДР по-прежнему действует, и очень вероятно, что любые попытки смягчить его будут сталкиваться с ветированием со стороны США.

Взаимные интересы России и Южной Кореи по-прежнему пересекаются в сфере энергетики и торговли. С политической точки зрения для РК представляется безусловно важным то, что она может воздействовать на КНДР, а для России существенное значение имеет возможность усилить своё политическое влияние в регионе [Дёмина, 2020, с. 15]. В условиях продолжающейся пандемии COVID-19 говорить о хотя бы частичном восстановлении туристических потоков, а также медицинского туризма раньше осени 2021 г. не приходится.

Есть перспективы развития направлений дистанционного образования, телемедицины и электронной коммерции. Но не стоит забывать, что последние два направления подпадают под жёсткий контроль со стороны государства и здесь ожидаются существенные бюрократические препятствия.

Заявленное сотрудничество в сфере культуры по этой же причине будет сложно реализовать в 2021 г., как не получилось выполнить его в запланированном объёме в 2020 г. — юбилейном для российско-корейских отношений. Поэтому есть вероятность, что продлённый на 2021 г. «Год взаимных обменов между Республикой Корея и Российской Федерацией» [Посол Южной Кореи...] будет также продлён и на 2022 г.

Сотрудничество в области здравоохранения, в частности начало производства российской вакцины «Спутник V» на территории Южной Кореи, открыло новую страницу партнёрства. Возможность осуществлять паритетное сотрудничество традиционно играет для России очень большую роль, и совместные проекты в областях фармакологии и биотехнологии безусловно позволяют России повысить свой статус в регионе и мире. Однако по состоянию на начало апреля 2021 г. население Республики Корея пока что прививают не «Спутником V», а другими вакцинами, такими как: Vaxzevria (ранее — AstraZeneca), Pfizer, Moderna.

В марте 2021 г. по результатам визита главы МИД РФ Сергея Лаврова в Сеул стало понятно, что между Россией и Южной Кореей по плану «Девять мостов» 2.0 достигнуты определённые договорённости. [Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации...] Однако есть большая вероятность, что налаживание взаимодействия затянется настолько, что говорить о каких-либо промежуточных результатах можно будет не ранее начала 2022 г., когда Республика Корея будет готовиться избирать нового президента, который, вполне вероятно, может выдвинуть свою Новую северную политику.

В текущей ситуации представляется целесообразным со стороны правительства России стимулировать инициативу бизнес-кругов по расширению внешнеэкономических связей с Южной Кореей, слегка ослабив контролирующий нажим государственного аппарата, кото-

рый порой представляется чрезмерным. Очень кстати здесь будет стимулирование контактов в рамках уже ставших традиционными площадок для обсуждения, а именно: Восточного экономического форума, Форума межрегионального сотрудничества, АРАССВА и т. д.

Республика Корея, в свою очередь, могла бы отодвинуть в сторону (хотя бы на время) явно несвоевременные трёхсторонние проекты Россия—РК—КНДР и сосредоточиться на стимулировании взаимодействия представителей корейского экспертного и бизнес-сообщества с их российскими партнёрами. На наш взгляд, на сегодня на уровне первых лиц государств в данных условиях «все ходы расписаны наперёд» и в условиях, когда значительных подвижек не ожидается, было бы неплохо попробовать дать инициативу негосударственным акторам международных экономических и неэкономических отношений.

Библиографический список

Волощак В.И., Лукин А.Л. Российско-южнокорейское сотрудничество в рамках «Новой северной политики» Республики Корея: предварительные итоги // Известия Восточного института. 2018. 4(40). С. 68—80.

Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Республики Корея Чон Ый Ёном, Сеул, 25 марта 2021 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://bit.ly/3tySi1K> (дата обращения: 25.03.2021)

Дёмина О.В. Перспективы развития российских энергетических проектов на Корейском полуострове // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 3(92). С. 8—19.

Корея предложила России создать совет девелоперов для углубления сотрудничества в рамках стратегии «9 мостов» // Интерфакс-Россия. URL: <https://bit.ly/3tve0na> (дата обращения: 24.09.2019)

Кукла М.П. Поворот России на Восток: к проблеме переосмысления российско-южнокорейских экономических отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 2. С. 71—83.

Посол Южной Кореи: в Сеуле высоко оценивают успехи РФ в разработке вакцин против коронавируса // Интерфакс. URL: <https://bit.ly/33Ah2fr> (дата обращения: 03.12.2020)

Россия и Южная Корея актуализировали план концепции инвестиционного сотрудничества // ТАСС. URL: <https://bit.ly/3o76bmr> (дата обращения 28.10.2020)

Суслина С.С., Захарова Л.В. Российско-южнокорейское экономическое сотрудничество и «Новая северная политика» президента Мун Чжэ Ина // Азия и Африка сегодня. 2018. 6(731). С. 26—33.

Хонг Вансок. Трехстороннее сотрудничество РФ, РК и КНДР сквозь призму политики и экономики // Вестник СПбГУ. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 3. С. 225—237.

9-BRIDGE Strategy // Presidential Committee on Northern Economic Cooperation. URL: <https://bit.ly/3hhgH9y> (дата обращения: 01.03.2021)

References

9-BRIDGE Strategy. *Presidential Committee on Northern Economic Cooperation*. URL: <https://bit.ly/3hhgH9y> (accessed: 1 March, 2021)

Dyomina O.V. (2020). Perspektivy razvitiya rossijskih energeticheskikh proektov na Korejskom poluostrove [Prospects for development of the Russian energy projects on the Korean Peninsula], *Power and Administration in the East of Russia*. No.3(92). Khabarovsk: Far Eastern Institute of Management — Branch of RANEP (National School of Public and Business Administration): 8—19. (In Russian)

Hong Waksuk (2020). Trekhstoronnee sotrudnichestvo RF, RK i KNDR skvoz' prizmu politiki i ekonomiki [Trilateral cooperation between the Russian Federation, Republic of Korea and the DPRK in the prism of politics and economics. The view from the Republic of Korea]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, Vol.13., No.3: 225—237. (In Russian)

Kukla M.P. Russia's Turn to the East: Rethinking Economic Cooperation between Russia and South Korea. [Povorot Rossii na Vostok: k probleme pereosmysleniya rossijsko-yuzhnokorejskikh ekonomicheskikh otnoshenij]. *Far Eastern Affairs*, No.2: 71—83. (In Russian)

Koreya predlozhila Rossii sozdat' sovet developerov dlya uglublenniya sotrudnichestva v ramkah strategii «9 mostov» [Korea offered Russia to create a council of developers to deepen cooperation within the framework of the “9 bridges” strategy]. *Interfax-Russia*. URL: <https://bit.ly/3tve0na> (accessed: 24 September, 2019) (In Russian)

Posol Yuzhnoj Korei: v Seule vysoko ocenivayut uspekhi RF v razrabotke vakcin protiv koronavirusa [South Korean Ambassador: Seoul appreciates the success of the Russian Federation in the development of vaccines against coronavirus]. *Interfax*. URL: <https://bit.ly/33Ah2fr> (accessed: 3 December, 2020) (In Russian)

Rossiya i Yuzhnaya Koreya aktualizirovali plan koncepcii investitsionnogo sotrudnichestva [Russia and South Korea have updated the plan for the concept of

investment cooperation]. *TASS*. URL: <https://bit.ly/3o76bmp> (accessed: 28 October, 2020) (In Russian)

Suslina S.S., Zakharova L.V. (2018). Rossiisko-yuzhnokoreiskoye ekonomicheskoye sotrudnichestvo «Novaya severnaya politika» prezidenta Mun Zhe Ina [Russia-South Korea economic cooperation and president Moon Jae-in's «New Northern Policy»]. *Asia and Africa today*, No. 6(731): 26—33. (In Russian)

Voloshchak V.I., Lukin A.L. (2018). Rossiisko-yuzhnokoreiskoye sotrudnichestvo v ramkakh “Novoi severnoi politiki” Respubliki Koreya: predvaritelniye itogi [Cooperation between Russia and South Korea as Part of ROK's New Northern Policy: Preliminary Outcomes]. *Oriental Institute Journal*. No. 4(40): 68—80. (In Russian)

Foreign Minister Sergey Lavrov's remarks at a news conference following talks with Foreign Minister of the Republic of Korea Chung Eui-yong, Seoul, March 25, 2021. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. URL: <https://bit.ly/2SzL3tp> (accessed: 25 March, 2021)

DOI: 10.48647/IFES.2021.70.39.019

А.Г. Зуева

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА COVID-19 НА УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Аннотация. Автор рассматривает в докладе влияние пандемии коронавируса COVID-19 на экономику Республики Корея и анализирует изменения, произошедшие в устойчивом развитии южнокорейской экономики, а также меры, принятые в 2020 г. для решения проблем в настоящем, и шаги, предпринимаемые для обеспечения реализации целей устойчивого развития в будущем.

По прогнозам ООН, 2020 г. должен был стать драйвером предстоящего десятилетия для достижения 17 целей устойчивого развития. Возникшая в 2020 г. пандемия коронавируса фактически поставила под сомнение успехи прошлых лет во многих сферах: экономики, экологии, здравоохранения и др. Такое глобальное событие стало маркером для мировых проблем. Идеи устойчивого развития являются одним из возможных решений для существующих и предстоящих кризисов, вызванных коронавирусной инфекцией. Южная Корея, занимавшая в 2019 г. 18-е место в рейтинге стран, лидирующих по индексу устойчивого развития, также столкнулась с последствиями коронавируса, которые не могли не сказаться на экономике. В 2020 г. РК опустилась на две позиции в списке стран по индексу устойчивого развития и, соответственно, заняла 20-е место. Вместе с тем стоит обратить внимание, что

Республика Корея считается одним из государств, наиболее эффективно взявших под контроль эпидемию коронавируса и минимизировавших его влияние на различные сферы жизни в стране. Это подтверждается первым местом в мире по пилотному индексу COVID-2019 среди стран ОЭСР. Кроме того, в 2020 г. президентом Мун Чжэ Ином был представлен новый национальный план устойчивого развития страны — «Корейский новый курс» (Korean New Deal), призванный сделать ситуацию с мировым кризисом, вызванным коронавирусом, отправной точкой для нового этапа роста в южнокорейской экономике.

Ключевые слова: экономика Южной Кореи, устойчивое развитие, пандемия коронавируса COVID-19, зелёная экономика, государственное регулирование, национальный план «Корейский новый курс», индекс устойчивого развития.

Автор: Зуева Александра Георгиевна, аспирант ИДВ РАН.

E-mail: fedorovalex87@gmail.com

A. Zueva

COVID-19 Coronavirus Pandemic's Impact on the Sustainable Development of the Republic of Korea Economy

Abstract. The author examines the impact of the COVID-19 coronavirus pandemic on the economy of the Republic of Korea and analyzes changes that have occurred in the sustainable development of the South Korean economy, as well as measures taken in 2020 to solve the problems at present and steps taken to ensure the implementation of the SDGs in the future. According to UN experts' forecast, 2020 was meant to be a driver of the coming decade for the achievement of sustainable development goals. The coronavirus pandemic which started in 2020, in fact, disputed the successes of the previous years in many areas: economy, ecology, healthcare, etc. This global event has become a marker for world problems, while the idea of Sustainable Development is one of the possible solutions for the existing and upcoming crises caused by coronavirus infection and the measures taken by countries. South Korea, which ranked 18th in 2019 in the ranking of countries leading on the Sustainable Development Index (SDI), also faced the consequences of the coronavirus affected the economy and likely exacerbated existing problems. In 2020, South Korea dropped 2 positions in the list of countries according to the SD index and took the 20th place. However, it should be noted that the Republic of Korea is considered as one of the countries that most

effectively took control of the coronavirus epidemic and minimized its impact on various spheres of life in the country. This is confirmed by the first place in the world according to the Covid-19 Pilot Index for OECD countries. In addition, in 2020, President Moon Jae-in introduced the country's new national sustainable development plan, the Korean New Deal, designed to make the global coronavirus crisis the starting point for a new phase of growth in the South Korean economy.

Keywords: South Korean economy, Sustainable development, COVID-19 coronavirus pandemic, green economy, government regulation, “Korean New Deal”, Sustainable Development Index.

Author: ZUEVA Alexandra G., Postgraduate student of Institute of Far Eastern Studies RAS. E-mail: fedorovalex87@gmail.com

Глобальная пандемия коронавируса COVID-19, возникшая в 2020 г., стала маркером не только проблем, существующих в системах здравоохранения, но и серьезным испытанием для мировой экономики в целом. Как считает генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, выходом из кризиса, вызванного инфекцией COVID-19, может стать «Повестка дня 2030» и реализация 17 целей устойчивого развития [Antonio Guterres]. Цели в области устойчивого развития (ЦУР) призывают к действиям по искоренению нищеты, голода, гендерного неравенства, а также к диверсификации национальных экономик с позиции устойчивого развития [SDG agenda...].

Республика Корея, занимавшая в 2019 г. 18-е место в рейтинге стран, лидирующих по индексу достижения целей в области устойчивого развития [Sustainable Development Report 2019, p. 16], также столкнулась с последствиями коронавируса, которые не могли не сказаться на экономике и не усугубить уже существующие проблемы. В 2020 г. Южная Корея опустилась на две позиции в списке стран по индексу достижения целей в области устойчивого развития и, соответственно, заняла 20-е место [Sustainable Development Report 2020, p. 19].

Тем не менее РК по праву считается одной из стран, успешно справляющихся с пандемией коронавируса. К такому заключению пришла группа исследователей из Кембриджа согласно разработанному ими пилотному индексу COVID-19 для стран ОЭСР и опубли-

кованному в отчёте по устойчивому развитию за 2020 г. [Sustainable Development Report 2020, p. 19].

Мы считаем, что в области южнокорейских интересов в первую очередь нужно выделить восьмую цель, задачи которой направлены на поддержку экономического роста на душу населения в соответствии с национальными условиями, повышение производительности в экономике посредством диверсификации технической модернизации и инновационной деятельности, а также на создание достойных рабочих мест и на увеличение оплаты труда [8 SDG].

Уделить внимание этой цели необходимо в силу многофакторности проблем, которые существуют на данный момент в экономике Южной Кореи.

На фоне кризиса, вызванного пандемией, произошло снижение ВВП как одного из показателей экономического роста. По результатам 2020 г. южнокорейская экономика зафиксировала отрицательный рост, который составил — 1,1 % [KDI, Economic outlook, 2020, p. 8]. В отчёте о перспективах мировой экономики, подготовленном корпорацией Самсунг, прогнозируемый рост ВВП в 2021 г. может составить 3,5 % (рис. 1).

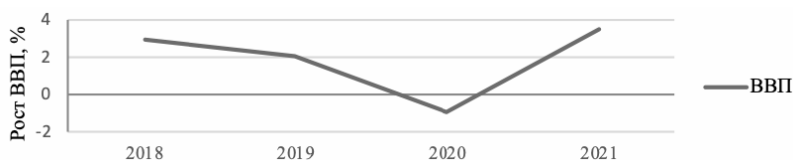

Рис. 1. Динамика ВВП Южной Кореи с 2018 по 2021 г.

Источник: 2021 Кёнчжечонман самсончжынгуон: [Перспективы экономического развития 2021], Самсунг. URL: http://nums.samsungpop.com/report/2020110907455406K_01_01.pdf (дата обращения: 06.03.2021)

По прогнозам Международного валютного фонда, в 2021 г. рост ВВП в Республике Корея должен вернуться к показателям около 3,1 % [IMF Staff Completes 2021 Article IV Mission to Republic of Korea]. В мартовском отчёте ОЭСР за 2021 г. ВВП РК по сравнению с цифрами декабря 2020 г. демонстрирует рост в 0,5 % [OECD,

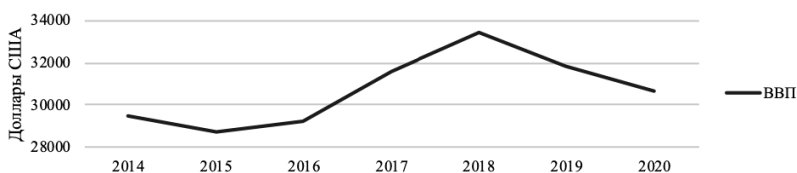

Рис. 2. Динамика ВВП на душу населения в Южной Корее с 2014 по 2020 г.

Источник: Южная Корея ВВП на душу населения. URL: <https://knoema.com/atlas/Republic-of-Korea/GDP-per-capita?origin=knoema.ru> (дата обращения: 06.03.2021)

Economic outlook, p. 4]. Продолжил снижение в 2020 г. и показатель ВВП на душу населения, который демонстрировал тенденцию к уменьшению еще в 2019 г. (рис. 2) в связи с наступающей рецессией в экономике, вызванной падением южнокорейского экспорта.

Пандемия коронавируса глобально повлияла на рынок труда. Несмотря на то что южнокорейское правительство не вводило полного локдауна, показатели занятости тоже начали снижаться. Кроме того, безработица в Республике Корея начала расти и до пандемии. Снижение спроса в сфере услуг из-за ковидных ограничений только усилило повышение уровня безработицы. Особенно пострадали сферы услуг, где необходимо непосредственное общение лицом к лицу. В частности, снижение спроса на рынке услуг произошло больше всего в сфере туризма, образовании и здравоохранении [KDI, Economic outlook, 2020, p. 47].

На протяжении 2020 г. продолжалось увеличение числа нетрудоустроенных южнокорейских граждан, и в январе 2021 г. уровень безработицы составил 5,7 % [Statistics Korea]. Сильное государственное регулирование и кредитно-финансовая поддержка экономики во время пандемии стали необходимостью на фоне растущего кризиса.

Южнокорейским правительством были разработаны и приняты специальные меры по стабилизации в сфере занятости на сумму в 10,1 трлн вон. Эта сумма была направлена на субсидирование заработной платы в специальные программы поддержки для 2,68 млн рабочих [Safeguarding economic resilience..., p. 16].

Тем не менее такие правительственные меры оказались временным решением в 2020 г., и на данный момент уровень безработицы

только увеличивается. Одной из причин дестабилизации на рынке труда до сих пор является не отступившая до конца пандемия коронавируса и прошлогодние последствия кризиса, которые будут ощущаться в экономике еще не один год.

Вызывают обеспокоенность и экологические проблемы Южной Кореи. 11, 12, 13, 14, 15-я ЦУР направлены на решение климатических и экологических проблем.

Быстрый промышленный рост на протяжении многих десятилетий не мог не сказаться на окружающей среде Южной Кореи: в последние годы выбросы CO₂ снизились незначительно, а подешевевшая после кризиса, вызванного пандемией, нефть только создаёт препятствия для перехода к низкоуглеродной энергетике. Доля возобновляемых источников энергии в Южной Корее составляет 8,3 %, что является самым низким показателем среди стран ОЭСР [Economic Surveys. Korea, 2020, p. 47]. Концентрация твёрдых частиц в воздухе (менее 2,5 микрон в диаметре) превышает показатели ВОЗ в два раза. Причину появления в воздухе мелких частиц связывают с промышленностью, работой электростанций и дизельных транспортных средств, а часть их заносится из соседних стран, например Китая. В 2019 г. загрязнение воздуха было признано «социальной катастрофой», что позволило государству выделить 1,3 трлн вон (дополнительно к 2 трлн) на улучшение качества воздуха. Декарбонизация процесса при получении электроэнергии является одной из основных целей работы на ближайшее время. Поскольку после кризиса пандемии COVID-19 цифровизация может увеличить потребление электроэнергии, понадобятся дополнительные мощности для её производства [Economic Surveys. Korea, 2020, p. 47].

В то же время пандемия существенно не повлияла на траты по поддержке научного сектора. Южная Корея по-прежнему занимает лидирующую позицию в мире по расходам на исследования и разработки (НИОКР). В 2020 г. этот показатель составил 4,35 % от её ВВП [Leading countries by R&D...]. Правительство уделяет большое внимание этому сектору в связи с тем, что новые разработки должны помочь в борьбе с существующими экологическими проблемами: текущие проекты связаны с возобновляемыми источниками энергии, интеллектуальными энергетическими системами.

Дорожной картой для реализации целей устойчивого развития в Южной Корее в ближайшем будущем должен стать новый план развития — «Корейский новый курс» (Korean New Deal), представленный 14 июля 2020 г. президентом Мун Чжэ Ином на расширенном заседании правительства. Одна из главных задач плана — сделать кризис, вызванный пандемией, стартом для новых возможностей и провести диверсификацию экономики, опираясь на «зелёный новый курс», «цифровой новый курс», а также укрепление системы социальной защиты и занятости [Южная Корея инвестирует 133 млрд...].

«Цифровой новый курс» должен способствовать инновациям и динамике в экономике, укрепляя цифровой потенциал за счёт конкурентного преимущества в информационных и коммуникационных технологиях на мировом рынке. «Зелёный новый курс» нацелен на скорейший переход к зелёной и низкоуглеродной экономике. Для осуществления этих целей правительство Южной Кореи планирует построить экологически чистую инфраструктуру и тем самым не только соблюсти свои обязательства по сохранению климата, но и обеспечить население Республики Корея новыми рабочими местами. В социальном секторе планируется уделить внимание системе занятости и социального обеспечения. Кроме этого, особое внимание планируется уделить инвестициям в человеческий капитал и программам переквалификации кадров. В результате реализации плана должно появиться 1 млн 900 тыс. рабочих мест. На эти цели правительство планирует потратить до 2025 г. 160 трлн вон (133 млрд долл.) [Южная Корея инвестирует 133 млрд...].

Подводя итоги событиям, произошедшим в экономике Южной Кореи в 2020 г. и напрямую связанным с устойчивым развитием, мы можем сделать следующие выводы. *В первую очередь*, кризис, вызванный пандемией коронавируса COVID-19, неблагоприятно сказался на устойчивом экономическом росте. Причина этого в снижении экспорта в результате падения мирового спроса, увеличении числа безработных из-за сокращения рынка услуг. *Во-вторых*, по этой же причине произошли негативные изменения в социальной сфере, а также ухудшение физического и ментального здоровья нации из-за коронавирусной инфекции и социального дистанцирования. *В-третьих*, экологическая ситуация в Южной Корее требует

внимания и острых мер реагирования для улучшения ситуации в будущем, так как эффект от экологических инициатив требует времени для восстановления окружающей среды. Мы считаем, что «Корейский новый курс», являясь продолжением идей устойчивого развития и основываясь на 17 ЦУР и их задачах, может стать выходом из экономической рецессии, в которой сейчас находится Южная Корея, в перспективе не только повысив благосостояние нации, но и решив острые экологические проблемы южной части Корейского полуострова.

Библиографический список

Кирьянов О. Южная Корея инвестирует 133 млрд долларов в новую стратегию развития // Русская газета. URL: <https://bit.ly/3o5HDu3> (дата обращения: 10.03.2021)

Republic of Korea — Gross domestic product per capita in current prices // Кноета. URL: <https://bit.ly/33wBeyH> (дата обращения: 06.03.2021)

Кёнчжечонман самсончжынгуон 2021 [Перспективы экономического развития 2021]. Самсунг, 2021. С. 6. URL: <https://bit.ly/2SHDOji> (дата обращения: 05.03.2021) (На кор.)

Antonio Guterres. The recovery from the COVID-19 crisis must lead to a different economy // United Nations. URL: <https://bit.ly/3ex628S> (дата обращения: 15.02.2021)

International monetary fund, IMF Staff Completes 2021 Article IV Mission to Republic of Korea // International Monetary Fund. URL: <https://bit.ly/3hdLL9Z> (дата обращения: 06.03.2021)

Korean Development Institute, Economic outlook 2020. P. 8. // Korean Development Institute. URL: <https://bit.ly/3o3ipg9> (дата обращения: 03.03.2021) (На кор.)

Leading countries by research and development (R&D) expenditure as share of GDP worldwide 2020 // Statista. URL: <https://bit.ly/3fc1Ha2> (дата обращения: 09.03.2021)

OECD Economic outlook, interim report 2021. P. 4 // OECD. URL: <https://bit.ly/2RFBOaT> (дата обращения: 06.03.21)

Sachs, J., Schmidt-Traub, G., Kroll, C., Lafortune, G., Fuller, G., Woelm, F. Sustainable Development Report 2020. The Sustainable Development Goals and Covid-19, Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 19 URL: <https://bit.ly/3w0DPNJ> (дата обращения: 01.03.21)

Safeguarding economic resilience. In responding to the economic impact of COVID-19 July, 2020 // Ministry of Economic and Finance. P. 16–18 URL: <https://bit.ly/33wj2VR> (дата обращения: 09.03.2021)

Statistics Korea. URL: <https://bit.ly/2Q7HDgP> (дата обращения 7.03.2021)

Sustainable development goals. 8 decent work and economic growth // United Nations. URL: <https://bit.ly/3bh45ve> (дата обращения: 03.03.2021)

Sustainable development goals. Sustainable development agenda // United Nations. URL: <https://bit.ly/3uVJHwh> (дата обращения: 20.02.2021)

Sustainable Development Report 2019, the Sustainable Development Solutions Network (SDSN) // Sustainable Development Report. URL: <https://bit.ly/3uBaLMn> (дата обращения: 20.02.2021)

References

Antonio Guterres (2020). The recovery from the COVID-19 crisis must lead to a different economy. *United Nations*. URL: <https://bit.ly/3ex628S> (accessed: 15 February, 2021)

Geullobeol gyeongjeonmang 2021 [Global Economic Outlook 2021], *Samsung*: 6. URL: <https://bit.ly/2SHDOji> (accessed: 5 March, 2021) (In Korean)

International monetary fund, IMF Staff Completes 2021 Article IV Mission to Republic of Korea. *International Monetary Fund*. URL: <https://bit.ly/3hdLL9Z> (accessed: 6 March, 2021)

Kir'yanov Oleg (2020). Yuzhnaya Koreya investiruet 133 mlrd dollarov v novuyu strategiyu razvitiya [South Korea will invest \$133 billion in new development strategy]. *Russian newspaper*. URL: <https://bit.ly/3o5HDu3> (accessed: 10 March, 2021) (In Russian)

Korean Development Institute, Economic outlook 2020: 8. URL: <https://bit.ly/3o3ipg9> (accessed: 3 March 2021) (In Korean)

Leading countries by research and development (R&D) expenditure as share of GDP worldwide 2020. *Statista*. URL: <https://bit.ly/3fc1Ha2> (accessed: 9 March, 2021)

OECD Economic outlook, Interim report 2021: 4. URL: <https://bit.ly/2RFBOaT> (accessed: 6 March, 2021)

Republic of Korea — Gross domestic product per capita in current prices. *Knoema*. URL: <https://bit.ly/33wBeyH> (accessed: 6 March, 2021)

Sachs, J., Schmidt-Traub, G., Kroll, C., Lafortune, G., Fuller, G., Woelm, F. (2020). Sustainable Development Report 2020. The Sustainable Development Goals and Covid-19, *Cambridge: Cambridge University Press*: 19. URL: <https://bit.ly/3w0DPNJ> (accessed: 1 March, 2021)

Safeguarding economic resilience. In responding to the economic impact of COVID-19. *Ministry of Economic and Finance*: 16–18. URL: <https://bit.ly/33wj2VR> (accessed: 9 March, 2021)

Statistics Korea, URL: <https://bit.ly/2Q7HDgP> (accessed: 7 March, 2021)

Sustainable development goals. 8 decent work and economic growth. *United Nations*. URL: <https://bit.ly/3uBJHwh> (accessed: 3 March, 2021)

Sustainable development goals. Sustainable development agenda. *United Nations*. URL: <https://bit.ly/3uBJHwh> (accessed: 20 February, 2021)

Sustainable Development Report 2019. The Sustainable Development Solutions Network (SDSN): 16. URL: <https://bit.ly/3uBaLMn> (accessed: 20 February, 2021)

DOI: 10.48647/IFES.2021.86.28.020

Н.П. Лешакова

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. Республика Корея — одна из самых инновационных стран мира согласно многим международным рейтингам. Начиная с 2000-х годов правительство сделало ставку на развитие инноваций и человеческого капитала. Для реализации этих планов оно постоянно ищет различные формы внедрения и реализации инноваций. 14 июля 2020 г. правительство Южной Кореи объявило о новой программе Green New Deal, рассчитанной на сумму более 132 млрд долл., чтобы помочь экономике страны оправиться от спада, связанного с COVID-19. Принятые в условиях пандемии меры по поддержке экономики и выявлению наиболее перспективных отраслей дают положительный эффект. Успехи Республики Корея в цифровизации и автоматизации экономики делают ее опыт крайне важным и интересным для рассмотрения в преддверии Четвертой промышленной революции. В рамках программы особое внимание уделено развитию цифровых технологий и ускорению перехода к зелёным технологиям в ключевых секторах, включая энергетику, жилищное строительство, мобильную связь и промышленность. Зелёные технологии («новый зеленый курс») можно отнести к основным технологиям, получившим развитие в условиях пандемии. В рамках концепции зелёного роста широкое развитие получили электромобили, аккумуляторные батареи и новые материалы. При

этом в качестве конечных целей называются превращение Южной Кореи из страны догоняющего типа в глобального лидера, преобразование национальной экономики из высоко- в низко-углеродную, переход от общества неравных возможностей к «инклюзивному» социуму. В статье рассмотрены отрасли развития инновационной экономики в Республике Корея в условиях пандемии, дан обзор программы государственной поддержки и развития, а также описаны средства и методы внедрения и реализации программы. На основании прогнозов правительства РК относительно роста ВВП в 2021 г. сделаны выводы об успешности реализации программы.

Ключевые слова: Четвертая промышленная революция, инновационная экономика, Республика Корея, пандемия, COVID-19, Корейский новый курс (Green New Deal).

Автор: Лешакова Наталья Павловна, аспирант, преподаватель Института стран Азии и Африки МГУ им М.В. Ломоносова. ORCID: 0000-0001-6906-9231. E-mail: Shiningn@yandex.ru

N. Leshakova

The Main Directions of Development of the Innovative Economy of the Republic of Korea in a Pandemic

Abstract. The Republic of Korea is one of the most innovative countries in the world according to different innovation ratings. Starting from the 2000s the government announced development of innovations and human capital as the main country's strategy. In 2015, the main provisions of the strategy were formulated by President Park Geun-hye in the Creative Economy program and adopted at the state level. Currently the country's government is constantly looking for methods and forms of implementing innovations not only in high-tech industries but also in traditional manufacturing industries. On July 14, 2020, the South Korean government announced a new \$ 132 billion Green New Deal program to help the country's economy recover from the COVID-19-related downturn. Measures taken in the context of a pandemic in the Republic of Korea to support the economy and identify the most promising industries have a positive effect. The final goals of the program are set as transformation of South Korea from a catching-up country into a global leader, turn of the national economy from high to low carbon and finally transition from a society of unequal opportunities to an "inclusive" society. The article analyzes the experience of the Republic of Korea in creating a system of support and development across the country. The successes of

the Republic of Korea in the digitalization and automation of the economy make its experience important and interesting in terms of proximity of the “fourth industrial revolution”. There is a review of the government support program for the development of the economy after the pandemic. Main means and methods of program implementation are given and described in the article below.

Keywords: Fourth Industrial Revolution, Innovation Economy, The Republic of Korea, pandemic, COVID-19, «Green New Deal».

Author: *LESHAKOVA Natalia P.*, post-graduate student, lecturer, Institute of Asian and African Studies Moscow State University. ORCID: 0000-0001-6906-9231. E-mail: Shiningn@yandex.ru

Республика Корея является одной из самых инновационных стран в мире согласно различным рейтингам. Так, согласно инновационному рейтингу Bloomberg 2021 РК вернула себе первенство, которое потеряла год назад, уступив Германии, и является страной, занимающей 1-е место семь из 10 лет расчета индекса [South Korea Leads...]. Согласно рейтингу WIPO [WIPO Innovation Index] РК впервые в 2020 г. вошла в топ 10 стран с высоким уровнем дохода. Поэтому мы считаем, что пример развития инноваций РК должен быть показательным не только для других стран, но и для крупных компаний, заинтересованных в развитии инноваций.

По оценке Банка Кореи, ВВП РК в 2020 г. показал отрицательный рост $-1,2\%$ [Bank of Korea]. Но важно отметить, что основные тенденции в развитии технологий сохранились. Уже в апреле 2020 г. пришло понимание серьезности влияния пандемии на экономику страны. В это же время президент Республики Корея Мун Чжэ Ин заявил о необходимости «корейского нового курса», подразумевавшего реализацию экстренных мер по преодолению негативного воздействия COVID-19 на экономику страны.

14 июля 2020 г. правительство Южной Кореи объявило о новой программе Green New Deal, рассчитанной на сумму более 132 млрд долл., чтобы помочь экономике страны оправиться от спада, связанного с COVID-19 [Lee, J.-H.; Woo, J., 2020].

Согласно озвученным планам, 60 млрд долл. будут инвестированы в экологически чистую экономику, 48 млрд долл. — в цифровую инфраструктуру и 24 млрд долл. выделены на обеспечение социаль-

ных гарантий южнокорейских граждан. При этом бюджетные вливания составят порядка 70 % предполагаемых расходов, а оставшуюся часть расходов южнокорейские власти намерены покрыть за счёт привлечения частного бизнеса.

Предусмотренные правительственные расходы нацелены на создание 1,9 млн новых рабочих мест к 2025 г. Особое внимание уделяется развитию цифровых технологий и ускорению перехода к зеленым технологиям в ключевых секторах, включая энергетику, жилищное строительство, мобильную связь и промышленность. В рамках программы планируется построить 230 тыс. энергосберегающих зданий, выпустить 1,13 млн электромобилей, основные инвестиции будут направлены на создание возобновляемых источников энергии для сокращения зависимости от ископаемого топлива и поддержания устойчивого роста [Lee, J.-H.; Woo, J., 2020].

Добиться этого предполагается за счёт приоритетного развития цифровой («новый цифровой курс») и экологически чистой («новый зелёный курс») экономики. «Новый цифровой курс» предполагает широкое использование мобильной сети пятого поколения, искусственного интеллекта и больших баз данных для повышения качества повседневной жизни людей, создание «интеллектуального» правительства, «умной» медицинской и образовательной инфраструктуры, внедрение бесконтактных производств и услуг, активной цифровизации работы городских служб и каналов распределения и сбыта продукции, повышение уровня кибербезопасности.

В «новом зелёном курсе» приоритет отдаётся более рациональному использованию ресурсов (энергосберегающие технологии в общественных и жилых помещениях, чистое и безопасное для здоровья людей водоснабжение), восстановлению экосистем в городской среде, на земле и на море, созданию экологически чистых производств за счёт активного использования финансовых инструментов по коммерциализации научных разработок, переходу с ископаемых на возобновляемые источники энергии и развитию не наносящей ущерба окружающей среде мобильности (электрические и водородные транспортные средства).

Важнейшим драйвером экологически чистого роста, по замыслу южнокорейских властей, должно стать развитие «водородной эконо-

мики», объёмы которой предполагается довести до 14 млрд долл. к 2022 г. и до 22 млрд долл. к 2030. Только в автомобилестроении на основе перехода на водородные технологии к 2030 г. предполагается обеспечить 200 тыс. дополнительных рабочих мест [World's First Hydrogen Law...].

В условиях пандемии особый упор был сделан на развитие фармацевтической и биомедицинской отрасли. 36 крупных компаний Южной Кореи, занятых в области биомедицины, такие как Samsung Biologics и Celltrion, к 2023 г. при поддержке правительства инвестируют в отрасль порядка 8 млрд долл. Соответствующие меры предусмотрены в Стратегии развития коммерциализации индустрии биомедицины и укрепления её технологических возможностей, представленной 18 ноября 2020 г. министерствами промышленности, внешней торговли и ресурсов, науки и информационно-коммуникационных технологий РК. Данное направление определено Сеулом в качестве одной из трёх наиболее перспективных областей развития. Государственный бюджет на 2021 г. на исследования и разработки (НИОКР) в секторе биомедицины увеличится на 30 % и составит 1,3 млрд долл. Приоритет отдаётся развитию фармацевтики, медицинского оборудования и цифрового здравоохранения. Предполагается, что успешная реализация стратегии приведёт к среднегодовому росту производства на уровне 20 % и созданию около 9300 новых рабочих мест. Для достижения этого показателя планируется создать новые кластеры биоиндустрии, в дополнение к существующим в Сондо, Вонджу и Тэгу. Также будут увеличены инвестиции в исследования и разработки в будущих многообещающих областях, таких как электронная медицина и цифровая терапия [2023 нёнгкаджи...]. Смежная с фармацевтической косметическая отрасль также показывает тенденцию к росту. По итогам 2020 г. экспорт корейской косметики возрос на 16 % и составил 7,57 млрд долл. [S. Korea's exports of cosmetics...].

В рамках концепции зелёного роста широкое развитие получили электромобили, аккумуляторные батареи и новые материалы. Число проданных в 2019 г. во всём мире экологических автомобилей составил рекордные 5,27 млн транспортных средств (рост на 14,4 %) [Джангён сегйе...].

К наиболее перспективным отраслям также относятся: искусственный интеллект, развитие виртуальных услуг и отраслей, новых сетей связи 6G и технологий беспилотных транспортных средств, умных городов.

Согласно последним данным, Республика Корея обладает самой быстрой в мире средней скоростью загрузки в сетях 5G, которая достигает 351,2 Мбит/с. Следом за ней по данному показателю расположились Саудовская Аравия — 272,8 Мбит/с и Тайвань — 247,7 Мбит/с [Nam Kyung-don].

Анализируя иностранные инвестиции, важно отметить, что спад иностранных инвестиций по всему миру из-за пандемии в меньшей степени затронул высокотехнологичные отрасли. Так, по данным Министерства промышленности, торговли и энергетики РК, объём обязательств ПИИ в экономику страны в 2020 г. сократился на 11 % и составил 20,7 млрд долл. (годом ранее 23,3 млрд). Число же фактически полученных из-за рубежа капиталовложений упало ещё больше — на 17 % до отметки в 11 млрд долл. Увеличился поток капиталовложений в такие области, как искусственный интеллект, большие данные, облачные технологии, экологически чистые автомобили и биотехнологии — 4,9 млрд долл. (рост на 9,3 %). Существенно просели инвестиции в производство — 5,97 млрд долл. (падение на 27,4 %) [FDI pledges...].

Несомненно, рост иностранных инвестиций — важная задача на пути реализации программы Green New Deal, и для этого необходимо создавать не только финансовые, но и инфраструктурные условия. Так, президент Республики Корея Мун Чжэ Ин, выступая на онлайн-заседании Всемирного экономического форума 27 января 2021 г., призвал международные компании рассматривать Южную Корею как испытательный полигон для новых продуктов и технологий, добавив, что страна никогда не блокировала свои границы на протяжении всей пандемии и остаётся безопасным и стабильным местом для инвестиций [Chang May Choon].

Первая реакция крупных южнокорейских корпораций на инициативу Мун Чжэ Ина и программу Green New Deal была достаточно положительной. Вице-президент «Хёндэ Мотор Груп» Чон Ый Сон заявил, что в рамках реализации «нового зеленого курса» ком-

пания в течение пяти лет планирует потратить на НИОКР в области новых транспортных средств, не наносящих вреда окружающей среде, более 50 млрд долл. К 2025 г. «Хёндэ Мотор Групп» намерена занять 10 % мирового рынка электрических легковых автомобилей, увеличив их ежегодный выпуск до 560 тыс. единиц, а также довести производство водородных транспортных средств до 110 тыс. единиц в год [Jo He-gim].

В свою очередь, исполнительный директор крупнейшего южнокорейского веб-портала «Нэйвер» Хан Сон Сук в целях активного продвижения «нового цифрового курса» анонсировала в июле 2020 г. проект создания нового центра обработки и хранения больших баз данных, в котором можно будет проводить аналитический анализ собранной информации (первый подобный центр со 120 тыс. серверов был создан компанией в 2011 г. в г. Чхунчхон пров. Канвон).

Что касается проводимой Мун Чжэ Ином в рамках принятой стратегии линии на повышение роли государственного регулирования, то приоритетность такой политики в условиях очередного технологического прорыва в развитии мирового сообщества, связанного с Четвертой промышленной революцией, не подвергается сомнению. Глобальный коронавирусный кризис только укрепил эту тенденцию. Вместе с тем экспертами высказываются опасения, что резкое увеличение госрасходов в условиях сокращения доходной части бюджета может оказать серьёзное дестабилизирующее влияние на южнокорейскую финансовую систему, а чрезмерное государственное регулирование — привести к дальнейшему снижению инвестиционной активности частного бизнеса.

Подводя итоги, необходимо отметить, что стратегия развития РК, созданная для преодоления последствий пандемии, уже сейчас даёт положительный эффект и, возможно, создаст задел на будущее в развитии инноваций. Как было заявлено правительством РК в начале марта, страна планирует вернуться к прежним темпам роста уже к середине 2021 г. и прогнозируемый рост ВВП составляет 3,1—3,5 % [Korea GDP...].

Библиографический список

2023нёнггаджи баиосанор мингандуджа 10джо...джоньбу, 'дживонджа'ро на- сонда [Правительство заявляет о 10 трлн вон частных инвестиций в биоиндустрию к 2023 году] // Newsis. URL: <https://bit.ly/3tDu5qZ> (дата обращения: 01.03.2021) (На кор.)

Джангён сегйе чхинхвангёнджха ранмэ 527мандэ...хёндэгиачха 4ви [В прошлом году в мире было продано 5,27 миллиона единиц экологически чистых автомобилей ... Hyundai-Kia Motors на 4 месте] // Yonhap News. URL: <https://bit.ly/3faCtsU> (дата обращения: 02.02.2021) (На кор.)

Bank of Korea. URL: <https://www.bok.or.kr/eng/main/main.do> (дата обращения: 02.03.2021)

Chang May Choon. South Korea's economic growth expected to rebound by mid-2021 // The Straits Times. URL: <https://bit.ly/3f6dWoR> (дата обращения 03.03.2021)

FDI pledges to S. Korea dip 11 % in 2020 amid pandemic // The Korea Herald. URL: <https://bit.ly/2RF94z0> (дата обращения: 03.03.2021)

Jo He-rim. Hyundai's Chung, Naver's Han support "New Deal" // The Korea Herald. URL: <https://bit.ly/3w2b9nz> (дата обращения: 02.03.2021)

Korea GDP — Korea Economy Forecast & Outlook // Focus Economics. URL: <https://bit.ly/3tHu8Ck> (дата обращения: 04.03.2021)

Lee, J.-H.; Woo, J. Green New Deal Policy of South Korea: Policy Innovation for a Sustainability Transition // Sustainability. 2020, 12 (23): 10191. URL: <https://bit.ly/33uolFk> (дата обращения: 26.02.2021)

Nam Kyung-don. S.Korea's 5G download speed fastest globally // The Korea Herald. URL: <https://bit.ly/3tAxxCS> (дата обращения: 02.03.2020)

S.Korea's exports of cosmetics up 16 % in 2020 // The Korea Herald. URL: <https://bit.ly/3exQoKt> (дата обращения: 03.03.2021)

South Korea Leads World in Innovation as U.S. Exits Top Ten // Bloomberg. URL: <https://bloom.bg/3eyvvyA> (дата обращения: 01.03.2021)

WIPO Innovation Index. URL: <https://bit.ly/3y4Gll7> (дата обращения: 26.02.2021)

World's First Hydrogen Law Comes into Effect in South Korea // KBS World. URL: <https://bit.ly/3o5jqEd> (дата обращения: 26.02.2021)

References

2023nyeonkkaji baiosan-eob mingantuja 10jo...jeongbu, 'jiwonja'lo naseonda [10 trillion private investments in the bio industry by 2023... The government goes out as an “applicant”]. *Newsis*. URL: <https://bit.ly/3tDu5qZ> (accessed: 1 March, 2021) (In Korean)

Bank of Korea. URL: <https://www.bok.or.kr/eng/main/main.do> (accessed: 2 March, 2021)

Chang May Choon (2021). South Korea's economic growth expected to rebound by mid-2021. *The Straits Times*. URL: <https://bit.ly/3f6dWoR> (accessed: 3 March, 2021)

FDI pledges to S. Korea dip 11 % in 2020 amid pandemic. *The Korea Herald*. URL: <https://bit.ly/2RF94z0> (accessed: 3 March, 2021)

Jagnyeon segye chinhwangyeongcha panmae 527mandae...hyeondaegiacha 4wi [Hyundai-Kia Motors 4th place , total 5,2 mln of eco-friendly vehicles sold last year]. *Yonhap News*. URL: <https://bit.ly/3faCtsU> (accessed: 2 February, 2021) (In Korean)

Jo He-rim (2020). Hyudai's Chung, Naver's Han support “New Deal”. *The Korea Herald*. URL: <https://bit.ly/3w2b9nz> (accessed: 2 March, 2021)

Korea GDP — Korea Economy Forecast & Outlook. *Focus Economics*. URL: <https://bit.ly/3tHu8Ck> (accessed: 4 March, 2021)

Lee, J.-H.; Woo, J. (2020) Green New Deal Policy of South Korea: Policy Innovation for a Sustainability Transition. *Sustainability*, 12 (23): 10191. URL: <https://bit.ly/33uolFk> (accessed: 26 February, 2021)

Nam Kyung-don (2021). S.Korea's 5G download speed fastest globally. *The Korea Herald*. 4 January 2021. URL: <https://bit.ly/3tAxxCS> (accessed: 2 March, 2020)

S.Korea's exports of cosmetics up 16 % in 2020. *The Korea Herald*. URL: <https://bit.ly/3exQoKr> (accessed: 3 March, 2021)

South Korea Leads World in Innovation as U.S. Exits Top Ten. *Bloomberg*. URL: <https://bloom.bg/3eyvvyA> (accessed: 1 March, 2021)

WIPO Innovation Index. URL: <https://bit.ly/3y4GH7> (accessed: 26 February, 2021)

World's First Hydrogen Law Comes into Effect in South Korea. *KBS World*. URL: <https://bit.ly/3o5jqEd> (accessed: 26 February, 2021)

DOI: 10.48647/IFES.2021.35.36.021

Л.И. Сёмина

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РК И ЭПИДЕМИЯ COVID-19

Аннотация. Кризис, вызванный эпидемией COVID-19, показал сильные и слабые стороны каждой системы, а особенно ярко — систем здравоохранения всех стран. Южная Корея показала хорошие результаты в борьбе с пандемией, и её опыт может оказаться полезен для других государств. Автор кратко рассматривает существующую систему здравоохранения РК, выделяя положительные факторы и проблемные точки. Так, национальное медицинское страхование, обязательное для всех граждан РК, делает медицинские услуги доступными для всех. При этом система сооплаты медицинских расходов заставляет граждан ответственно относиться к своему здоровью, а государство — контролировать цены и назначения, что позволяет быть уверенными в качестве медицинских услуг. Существующая система медицинских льгот и центры общественного здоровья позволяют сохранять здоровье даже среди малоимущего населения, что сыграло важную роль при пандемии. При этом все медицинские учреждения, в том числе частные, являются не коммерческими и освобождены от уплаты налогов, что заставляет их реинвестировать в своё развитие и обеспечивает достойные зарплаты персоналу. Сравнив смертность и заболеваемость во время пандемии в разных странах и расходы на здравоохранение в них, автор делает вывод, что при меньших затратах РК удалось получить лучший результат в борьбе с коронавирусом. Изучив показатели средней ожидаемой продолжительности жизни, общей и младенческой смертности с

1963 г., когда была введена система национального медицинского страхования, автор делает вывод о её колоссальных результатах. Также автор сравнил показатели РК по Индексу эффективности здравоохранения Bloomberg с рядом других стран, отметив, что южнокорейская система признана одной из самых эффективных в мире и ей удалось даже улучшить свои позиции в кризисный период, в отличие от ряда других стран. При изучении оснащённости медицинских учреждений персоналом и оборудованием и сравнив эти показатели с другими странами, был сделан вывод, что достаточное количество коек позволило избежать локдауна, при этом есть проблема с нехваткой медицинского персонала. Автор делает вывод, что система здравоохранения РК является эффективной, но стране необходимо увеличивать количество медицинских работников.

Ключевые слова: здравоохранение, эффективность системы здравоохранения, эпидемия COVID-19, экономика Республики Корея, медицина, показатели эффективности, пандемия коронавируса, Южная Корея.

Автор: Семина Лада Игоревна, старший научный сотрудник Центра корейских исследований, ИДВ РАН.
E-mail: semina.lada@list.ru

L. Semina

The Effectiveness of Korean Healthcare System and Epidemiy of COVID-19

Abstract. The crisis caused by COVID-19 has shown the strengths and weaknesses of each system, especially — healthcare. South Korea has shown good results in the fight against the pandemic and its experience may be useful. The author examines healthcare system of the ROK, highlighting positive factors and weak points. The National Health Insurance, which is compulsory for all citizens, makes healthcare services available for everyone. Co-payment system of medical expenses forces citizens to take responsibility for their health and makes the government to control prices and prescriptions. That allows to be confident in the high quality of medical services. The system of medical benefits and public health centers allows to maintain health even among the poor, which played an important role during the pandemic. All medical institutions are non-commercial organizations and are exempt from paying taxes, which makes them invest in their own development and provide high salaries. Comparing healthcare expenses, mortality and morbidity rate during the pande-

mic in different countries, the author concludes that Korea has better results in the fight against coronavirus with lower expenses. The study of life expectancy and mortality rate since 1963, when the National Health Insurance system was introduced, shows that this system was successful. The comparison of Bloomberg Healthcare Efficiency Index between different countries, proved that the South Korean system is recognized as one of the most effective in the world, and it even managed to improve its position during the crisis period. Studying the number of medical personnel and equipment, in comparison to other countries, we concluded that a sufficient number of beds in Korea made it possible to avoid a lockdown, while there is a problem with a shortage of medical personnel. The author concludes that the healthcare system of South Korea is efficient, but the country needs to increase the number of medical personnel.

Keywords: healthcare, effectiveness of healthcare system, COVID-19 epidemic, South Korean economy, Republic of Korea, coronavirus pandemic, indicators of effectiveness, health economics.

Author: *SEMINA Lada I.*, Senior Research Fellow, Center for Korean Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: semina.lada@list.ru

В Республике Корея с 1963 г. введено национальное медицинское страхование, работающее по системе сооплаты медицинских расходов (от 20 до 40 % оплачивает пациент) и обязательное для всех граждан. Благодаря такой системе медицинская помощь остаётся доступной, но при этом сохраняется ответственный подход пациента к своему здоровью (так как сам пациент оплачивает часть расходов, ему выгоднее минимизировать их и более внимательно следить за здоровьем), а контроль за назначениями со стороны государства позволяет избегать лишних трат. Кроме того, государство фиксирует цены на медицинские препараты и услуги. Для малоимущих граждан в РК работает система медицинских льгот. Параллельно с национальным медицинским страхованием в стране процветает и частное. Оно работает в дополнение к основному и является добровольным.

Важной отличительной чертой системы здравоохранения РК являются государственные центры общественного здоровья, отвечающие за вакцинацию, лечение и просвещение пациентов в местном муниципальном образовании.

Все медицинские учреждения РК являются некоммерческими организациями, их деятельность не облагается налогом, но при этом весь доход должен быть reinvestирован в деятельность клиники. Благодаря такому подходу у медицинских учреждений создаётся хорошая материальная база и сотрудники могут получать достойную зарплату. Однако на данный момент сохраняется дисбаланс в соотношении количества пациентов на одного врача, что приводит к тяжёлым условиям труда (2,4 врача на 1000 населения [ОЕСД (2021), Doctors (indicator)]).

Эффективность работы данной системы рассмотрим на основе данных ожидаемой продолжительности жизни, смертности и расходов на здравоохранение. По данным на 2019 г., РК расходует на здравоохранение 3384 долл на душу населения, из которых 2057 долл — государственные расходы. Для сравнения: в Италии расходы на здравоохранение примерно того же порядка, но чуть выше — 3649 долл, а в Японии почти в 1,5 раза выше — 4823 долл [Всемирный банк]. Можно отметить более эффективное использование ресурсов в РК: при меньших расходах был получен лучший результат во время эпидемиологического кризиса.

Таблица 1. Продолжительность жизни и смертность в РК 1963—2018.

РК	1963	1973	1983	1993	2003	2013	2018
Ожидаемая продолжительность жизни	56,97	63,41	67,55	73	77,22	81,27	82,63
Общий коэффициент смертности на 1000 населения	11,4	7,8	6,4	5,2	5,1	5,3	5,8
Младенческая смертность на 1000 живорожденных	69,9	39,8	24,1	10,4	5,5	3,2	2,8

Источник: Всемирный банк URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения 07.03.2021)

Как видно из табл. 1, РК удалось за 55 лет улучшить свои показатели по продолжительности жизни на 45 %. Для сравнения: в Японии этот показатель за тот же период изменился на 21 %, а в Италии — на 20 %. Показатель смертности на 1000 населения в РК за 55

лет сократился на 49 %, в то время как в Японии и Италии из-за более стареющего населения этот показатель увеличился на 57 и 4 % соответственно. Более презентативной для демонстрации изменения качества здравоохранения считается детская смертность, так как она исключает фактор стареющего населения. Так, за 55 лет в РК младенческая смертность на 1000 живорождённых сократилась на 96 %, в Японии и Италии на 92 и 93 % соответственно. Интересно посмотреть, какова была смертность от COVID-19 в них, для оценки работы систем здравоохранения при кризисе. Наименьшая смертность была в Южной Корее — 1,72 %, также невысокая в Японии — 1,94 %. При этом в Италии она одна из самых высоких — 3,12 % [Worldometers].

Индекс эффективности здравоохранения Bloomberg учитывает три основных фактора: ожидаемая продолжительность жизни (вес в индексе 60 %), расходы на здравоохранение в процентах от ВВП на душу населения (вес в индексе 30 %) и абсолютная величина расходов на душу населения (вес в индексе 10 %)*. В доковидный год топ-3 страны по данному индексу были Гонконг, Сингапур и Израиль [Lee Miller, Wei Lu, 2018]. Южная Корея занимала 6-е место (при этом в индексе, опубликованном в 2018 г. — 5-е, годом ранее — 4-е [Lee Miller, Wei Lu, 2020]). По индексу 2020 г. РК занимает 4-е место, обогнав Израиль, занимающий 5-е место, и следуя за топ-3: Сингапуром, Гонконгом и Тайванем (табл. 2).

РК на 4-м месте и по смертности (1,72 %), и по рейтингу Bloomberg. Италия, сильно пострадавшая во время эпидемии, имеет очень высокий показатель смертности — 3,12 %. При этом и по индексу эффективности здравоохранения страна потеряла девять позиций и заняла 14-е место. Южная Корея примерно сохраняет свои позиции — это значит, что её система здравоохранения доказала свою эффективность даже в кризисный период.

Рассмотрим более подробно важные составляющие систем здравоохранения, такие как количество коек, врачей и младшего меди-

* В 2020 г. в способ расчёта данного индекса были внесены корректировки: годовое изменение ВВП на основе октябрьского прогноза МВФ и потери для экономики от эпидемии.

Таблица 2. Индекс эффективности здравоохранения Bloomberg 2016—2020, место в рейтинге и количество выявленных случаев COVID-19 на душу населения по данным на 20.03.2021

Страна	2017	2018	2019	2020	Количество выявленных случаев COVID на млн населения	Смертельные случаи на млн населения	Процент смертей от выявленных случаев
Сингапур	2	2	2	1	10 230	5	0,05
Израиль	7	6	3	5	89 939	661	0,73
Тайвань	12	9	15	3	42	0,4	0,95
РК	4	5	6	4	1 914	33	1,72
Гонконг	1	1	1	2	1 508	27	1,79
Япония	5	7	8	10	3 599	70	1,94
Италия	6	4	5	14	55 570	1 733	3,12

Источник: [Lee Miller, Wei Lu, 2018], [Lee Miller, Wei Lu, 2020]. Данные по заболеваемости и смертности: Worldometers. Процент смертей от выявленных случаев рассчитан автором.

цинского персонала. РК по количеству коек занимает второе место среди стран ОЭСР (12,4 койки на тыс. населения), а Япония — первое (13 коек) [OECD (2021), Hospital beds (indicator)] (табл. 3). Возможно, это одна из причин, почему Японии и Южной Корее удалось избежать массовых локдаунов. Хотя стоит оговориться, что в Японии объявляли чрезвычайное положение, однако ограничения носили, скорее, рекомендательный характер.

Примечательно, что, несмотря на достаточное количество больничных коек, в Японии и Южной Корее относительно небольшое количество врачей, они находятся в анти-топ 10 среди стран ОЭСР по данному показателю: 2,4 врача на 1000 населения в РК и 2,5 в Японии. При этом в Сингапуре и Гонконге, где во время эпидемии смертность была на уровне или ниже (0,05 и 1,79 %), чем во всех рассматриваемых странах, этот показатель ещё ниже — 2,5 и 1,96

соответственно. При этом в Израиле и Италии данный показатель выше, но смертность во время эпидемии также выше, чем в РК и Японии (табл. 3).

Таблица 3. Оснащенность медицинских учреждений и смертность от COVID-19

Страна	Количество коек на 1000 населения	Количество врачей на 1000 насе- ления	Количество младшего мед. персонала на 1000 населения	Количество младшего мед. персонала на 1 врача	Количество КТ на млн населения	Смертность от COVID-19, %
Сингапур	2,5	2,5	7,5	3,00	N/A	0,05
Гонконг	5,4	1,96	8,17	4,17	N/A	1,79
РК	12,43	2,39	7,24	3,03	38,56	1,72
Япония	12,98	2,49	11,76	4,72	111,49	1,94
Израиль	2,98	3,22	5,03	1,56	9,57	0,73
Италия	3,14	4,02	6,73	1,67	35,12	3,12

Источник: OECD; данные для Гонконга рассчитаны автором по данным [Health Facts of Hong Kong]; данные для Сингапура рассчитаны по данным Singapore Ministry of Health.

Что касается младшего медицинского персонала, то и тут РК имеет низкий показатель (7,24), в то время как в Японии — один из самых высоких показателей (11,76). При этом значимой зависимости смертности во время COVID-19 от количества медперсонала или коек не прослеживается. Что касается количества аппаратов КТ, необходимых для диагностики, то и тут зависимость не прослеживается. В Южной Корее их 38,56 на млн населения, это меньше, чем в Японии (111,49). При этом смертность от коронавируса в Южной Корее ниже. Количество аппаратов ИВЛ в Японии — 17, РК — 19 на 100 тыс. населения [Gavin Blair, 2020; Kwak Sung Sun, 2020], при этом в Италии этот показатель составляет 8,3. Можно сделать вывод, что на смертность в таких неординарных условиях эпидемии влияет слишком много различных факторов, применить общий стандартизированный подход ко всем странам и рекомендовать увеличение

медицинского персонала или оборудования на основании общих данных кажется не рациональным.

Рассмотрев систему здравоохранения Республики Корея и результаты её деятельности во время эпидемии, можно сказать, что система эффективна и выдержала проверку кризисом. При этом важную роль сыграло достаточное количество коек, которое позволило избежать тотального локдауна. Система национального страхования здоровья и наличие локальных Центров общественного здоровья позволили предоставлять услуги всем слоям населения, что помогло избежать распространения вируса среди малообеспеченных граждан. При этом система сооплаты, где пациент вынужден брать часть расходов на себя, заставляет граждан более ответственно подходить к своему здоровью, а государственный контроль за ценами и предписаниями позволяет избегать нерациональных расходов. Разумный подход к финансированию, где клиники не облагаются налогами, при этом инвестируют прибыль в развитие, обеспечивает хорошую материальную базу медицинской системы и достойный доход персонала. Однако при растущем спросе на медицинские услуги, в том числе и среди иностранцев, отмечается нехватка медицинских работников. При этом данная проблема находится на этапе решения: число медицинских сотрудников стабильно растёт.

Библиографический список

Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 07.03.2021).

Beds in inpatient facilities and places in non-residential long-term care facilities // Singapore Ministry of Health. URL: <https://bit.ly/3fd63Ox> (дата обращения: 09.03.2021)

Gavin Blair. Coronavirus: Japan's bid to ramp up ventilator production at risk of being held up by red tape // South China Morning Post. URL: <https://bit.ly/3o3GWS2> (дата обращения: 7.01.2021)

Health Facts of Hong Kong, 2019 edition. URL: <https://bit.ly/2RcCrZn> (дата обращения: 09.03.2021)

Health manpower // Singapore Ministry of Health. URL: <https://bit.ly/3uBPr9j> (дата обращения: 09.03.2021)

Kwak Sung Sun. Countries with fewer CT scanners, ventilators suffer high COVID-19 fatality // *Korea Biomedical Review*. URL: <https://bit.ly/33y0N2s> (дата обращения: 07.01.2021)

Lee Miller, Wei Lu. Asia Trounces U.S. in Health-Efficiency Index Amid Pandemic // *Bloomberg*. URL: <https://bloom.bg/3o4LZ4M> (дата обращения: 09.03.2021)

Lee Miller, Wei Lu. These Are the Economies With the Most (and Least) Efficient Health Care // *BloombergQuint*. URL: <https://bit.ly/3tCMJPR> (дата обращения: 09.03.2021)

OECD (2021), Computed tomography (CT) scanners (indicator) // OECD. URL: <https://bit.ly/33uPp7B> (дата обращения: 09.03.2021) DOI: 10.1787/bedece12-en

OECD (2021), Doctors (indicator) // OECD. URL: <https://bit.ly/2QcapNm> (дата обращения: 09.03.2021). DOI: 10.1787/4355e1ec-en

OECD (2021), Hospital beds (indicator) // OECD. URL: <https://bit.ly/3uAWAqI> (дата обращения: 09.03.2021). DOI: 10.1787/0191328e-en

OECD (2021), Nurses (indicator) // OECD. URL: <https://bit.ly/3vXhJLM> (дата обращения: 09.03.2021). DOI: 10.1787/283e64de-en

Worldometers. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus/> (дата обращения: 20.03.2021)

References

Beds in inpatient facilities and places in non-residential long-term care facilities. *Singapore Ministry of Health*. URL: <https://bit.ly/3fd63Ox> (accessed: 09 March, 2021)

Gavin Blair. (2020). Coronavirus: Japan's bid to ramp up ventilator production at risk of being held up by red tape. *South China Morning Post*. URL: <https://bit.ly/3o3GWS2> (accessed: 7 January, 2021)

Health Facts of Hong Kong, 2019 edition. URL: <https://bit.ly/2RcCrZn> (accessed: 9 March, 2021).

Health manpower. *Singapore Ministry of Health*. URL: <https://bit.ly/3uBPr9j> (accessed: 9 March, 2021)

Kwak Sung Sun. (2020). Countries with fewer CT scanners, ventilators suffer high COVID-19 fatality. *Korea Biomedical Review*. URL: <https://bit.ly/33y0N2s> (accessed: 7 January, 2021)

Lee Miller, Wei Lu. (2018). These Are the Economies With the Most (and Least) Efficient Health Care. *BloombergQuint*. URL: <https://bit.ly/3tCMJPR> (accessed: 9 March, 2021)

Lee Miller, Wei Lu. (2020). Asia Trounces U.S. in Health-Efficiency Index Amid Pandemic. *Bloomberg*. URL: <https://bloom.bg/3o4LZ4M> (accessed: 9 March, 2021)

OECD (2021), Computed tomography (CT) scanners (indicator). *OECD*. URL: <https://bit.ly/33uPp7B> (accessed: 9 March, 2021). DOI: 10.1787/bedece12-en

OECD (2021), Doctors (indicator). *OECD*. URL: <https://bit.ly/2QcapNm> (accessed: 9 March, 2021). DOI: 10.1787/4355e1ec-en

OECD (2021), Hospital beds (indicator). *OECD*. URL: <https://bit.ly/3uAWAqI> (accessed: 09 March 2021). DOI: 10.1787/0191328e-en

OECD (2021), Nurses (indicator). *OECD*. URL: <https://bit.ly/3vXhJLM> (accessed: 9 March, 2021). DOI: 10.1787/283e64de-en

World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/> (accessed: 7 March, 2021)

Worldometers. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus/> (accessed: 20 March, 2021)

DOI: 10.48647/IFES.2021.45.49.022

А.Ф. Синякова

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СФЕРУ РК С СЕРЕДИНЫ XX В. ДО ПАНДЕМИИ 2020 Г.

Аннотация. Численность населения Республики Корея выросла с 21,5 млн человек в 1955 г. до 51,8 млн в 2021 и в дальнейшем будет сокращаться при коэффициенте рождаемости 0,84 и средней продолжительности жизни 83 года, что будет повышать нагрузку на трудоспособное население. В 1960—1970 годы в РК осуществлялась демографическая политика, нацеленная на сдерживание рождаемости в пользу одного, максимум двух детей в семье. В социальной сфере на фоне расширения доступности медицины и образования увеличивается продолжительность жизни, уменьшается младенческая смертность, доступным становится планирование семьи, а образование открывает путь к улучшению качества жизни, хорошей работе, вовлечению женщин в рынок оплачиваемого труда, что неизбежно ведёт к отказу от рождения большого количества детей. С конца 1980-х годов растёт число новорожденных мальчиков, что после 2010 г. создает сложности для поколения тридцатилетних мужчин, которые просто не смогут найти пару-корейку и будут обращаться к международным сватам и искать невесту за рубежом, преимущественно в странах Юго-Восточной Азии. Пандемия коронавируса в РК, несмотря на сравнительно невысокую смертность, во всех смыслах увеличила социальную дистанцию: тенденция среди молодых жителей РК не создавать семью усилилась еще больше. Нежела-

ние вступать в романтические отношения и в брак, а также заводить детей даже дало название нынешнему поколению — «поколение, отказывающееся от трех вещей». Вузы начинают конкурировать за абитуриентов, опасаясь недобора первокурсников. Что может быть ответом на такой вызов времени: это меры социальной политики, направленные на поддержание материнства и детства, в том числе создание привлекательного образа семьи в поп-культуре, увеличение роботов на производстве как неизбежная часть цифровизации экономики, увеличение числа образованных мигрантов из ЮВА и потенциально возможное объединение Кореи.

Ключевые слова: население Республики Корея, демография, миграция, занятость, старение населения, рождаемость.

Автор: *Синякова Анна Филимоновна*, кандидат экономических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России.

E-mail: annasinyakova@yandex.ru

A. Sinyakova

ROK: Demography Influences Social and Economic Issues since the Mid of 20th Century till the Pandemic 2020

Abstract. The population of the Republic of Korea increased from 21.5 mln in 1955 to 51.8 mln in 2021. Fertility rate is 0.84 and average life expectancy is 83 years, which will increase the burden on the employable population. In the 1960—70s the ROK carried out demographic policy to curb the birth rate in favor of one or two children in the family at most. Social sphere developed rapidly: availability of medicine and education, increasing life expectancy and decreasing infant mortality had improved the quality of life. As women got more involved in the labor market, they gave birth less. Starting from late 1980s, the number of newborn boys has been growing, which, after 2010, has created difficulties for a generation of thirty-year-old men who simply cannot find a Korean spouse and will turn to international matchmakers and look for a bride abroad, mainly in Southeast Asia. Coronavirus death toll may not be as big as in other countries but it definitely increased social distancing. Young Koreans are even less inclined to start a family. Reluctance to enter romantic relationships, marriages and to have children gave the nickname *sampo* generation to current generation (three giving-up generation). Universities are starting to feel competitive due to shortage of applicants. What can be the answer to these challenges: social policy measures aimed at supporting

mothers and children, creating an attractive family image in pop culture, more robot-based manufacturing, inviting in educated migrants from Southeast Asia as well as the potential unification of the Korean Peninsula.

Keywords: ROK population, demography, migration, employment, aging society, birth rate.

Author: *SINYAKOVA Anna F.* PhD of Sciences (Economics), Associate Professor, MGIMO University. E-mail: annasinyakova@yandex.ru

Численность населения РК в 1955 г. составляла 21,5 млн человек, в 1975 г. население выросло до 34,7 млн человек, разница в численности мужчин и женщин составляла 200 тыс. человек в пользу мужчин. В 1985 г. население достигло 40,5 млн, в 1995 — 44,6 млн, в 2005 — 48,7 млн, в 2015 — 50,1 млн [UN, 1960, 1979/80, 1998, 2018], в 2021 г. прогнозируемая численность населения составит 51,8 млн человек [KOSIS]. В 1960—1970 годы в РК осуществлялась демографическая политика, нацеленная на сдерживание рождаемости. Период экстенсивного роста развития трудоемкой легкой промышленности приходился на время интенсивного прироста численности населения. С введением пятилетних планов экономического развития курс меняется на интенсивный рост производства. Тогда же начинается процесс урбанизации, постепенно численность жителей городов увеличивается, привлекательность столичного региона приводит к тому, что Сеул превращается в одну из крупнейших мировых агломераций. В столичном регионе (Сеул, Инчхон и пров. Кёнгидо) проживает почти половина населения страны, население Сеула выросло с 1 млн человек в 1953 г. до 9,9 млн в 2020 г. [Соуль-ый...] При этом 15 % населения города — это люди старше 65 лет, что коррелирует со средним по стране показателем в 16,7 % и соответствует характеристикам высокого уровня демографической старости. В 2000-е годы прирост населения Сеула был, помимо прочего, обеспечен ростом численности иностранцев. Высокие цены на недвижимость приводят к тому, что люди предпочитают жить в окрестностях города; таким образом, статистически население агломерации столичного региона растет, а непосредственно Сеула сокращается.

Одновременно с индустриализацией в экономике главной ценностью в обществе становится образование, в социальной сфере на фоне расширения доступности медицины и образования увеличива-

ется продолжительность жизни, уменьшается младенческая смертность, доступным становится планирование семьи, а образование открывает путь к улучшению качества жизни, вовлечению женщин в рынок оплачиваемого труда, что ведёт к отказу от рождения большого количества детей. Социологические опросы показывают, что половина опрошенных в возрасте от 13 до 30 лет не считает необходимым заводить детей после вступления в брак, и количество таких ответов растёт [Nam Kyung-don]. По мере роста благосостояния Южная Корея превращается в общество потребления, когда шопинг становится формой досуга, доминирует массовая культура, индустрия красоты нацелена на коммерческую стандартизацию внешнего вида, люди хотят жить «для себя». Крупнейшие универмаги предлагают специальные услуги для «молодых и богатых», задающих тон в потребительских предпочтениях. Универмаг «Хёндэ» запускает персональную VIP-услугу «Клуб YP» для молодых и богатых, участниками могут стать клиенты, родившиеся после 1983 г. и совершившие в течение года покупки в универмаге на сумму более 20 млн вон [Чха Минён].

С конца 1980-х до начала 1990-х годов растёт число новорожденных мальчиков, что после 2010 г. создаёт сложности для тридцатилетних мужчин, которые не могут найти пару-кореянку. РК представляет собой преимущественно мононациональную страну: мигранты, в том числе жены-иностранки, встречают весьма холодный прием в южнокорейском обществе. Дети от смешанных браков подвергаются нападкам со стороны одноклассников, жены-иностранки нередко подвергаются физическому насилию, подобные случаи, получая широкую огласку в СМИ, заставляют обращать внимание на существующую проблему дискриминации по этническому признаку. В южнокорейском учебнике *Тодок* («Мораль») для младшей школы есть задания, в которых нужно ответить на вопрос о том, какие сложности испытывают дети из мультикультурных семей, что подразумевает наличие таких сложностей даже у них. Можно было бы изменить фокус, сосредоточившись на положительных сторонах, например предложить вопросы: знаете ли вы, что в мультикультурных семьях дети-билингвы сразу умеют говорить на двух языках; давайте узнаем, как будет «привет» и «спасибо»; давайте спросим у одно-

классников про традиционные блюда национальной кухни страны родителей.

Старение населения и снижение рождаемости являются объективной предпосылкой для роста миграции, и чем больше возможностей ассимилироваться будет у мигрантов, тем меньше социальных проблем возникнет в дальнейшем в обществе.

Структурная безработица в РК приводит к возникновению трудовой миграции, приезжающие стремятся остаться на длительный срок, превращаясь в нелегальных мигрантов, занимающихся наименее привлекательным тяжелым трудом и не защищенных законодательством. Южнокорейцы избегают подобных вакансий: тяжелые и вредные производства, включая и химические цеха производства косметики, обеспечиваются трудом мигрантов. По итогам 2020 г. в РК было зафиксировано рекордное число нелегальных мигрантов (Китай, Тайланд, Вьетнам, СНГ) 392,2 тыс. человек [Чхурипкук вегугин...]. Деятельность квалифицированных работников, имеющих визу соответствующей категории, значительно отличается, но в случае трудовых споров суд скорее всего займет позицию работодателя.

В вузы сейчас поступают представители поколения Z, родившиеся в начале 2000-х, когда РК вошла в число развитых стран ОЭСР, национальный доход на душу населения превысил 10 тыс. долл, а суммарный коэффициент рождаемости в стране продолжил сокращаться. В итоге вузы страны вынуждены конкурировать между собой за абитуриентов, опасаясь недобора первокурсников. На начало 2021 г. вакантными остались более 25 тыс. мест в 162 вузах, годом ранее такой «дефицит» студентов составил 9830 человек [Bahk Eun-ji], увеличение числа незанятых учебных мест вдвое стало и следствием распространения пандемии, которая препятствует потенциальному набору иностранцев, но основной причиной является неуклонное снижение рождаемости.

Коэффициент рождаемости продолжает снижаться (1,47 в 2000 г., 1,23 в 2010, 0,84 в 2020 г.), ожидаемая продолжительность жизни растет (83 года), нагрузка на трудоспособное население неуклонно увеличивается, при этом доля одиноко проживающих пожилых людей составляет 7,5 %. Пандемия коронавируса в РК повлекла сравнительно невысокую смертность, но во всех смыслах увеличила

социальную дистанцию: тенденция среди молодых жителей не создавать семью усилилась еще больше. По каждому месяцу 2020 г. был проведен сопоставительный математический расчет с тем же периодом предыдущих лет, на основании чего (с учетом снижения абсолютного числа браков и процентного соотношения) был сделан соответствующий вывод, а именно: в указанном году было заключено на 25 648 браков меньше, чем в 2019 г. За январь 2021 г. было заключено на 3539 браков меньше чем в 2020 г. и на 5046 — чем в 2019 г., разрыв с предыдущими периодами еще больше [KOSIS]. Нежелание вступать в романтические отношения и в брак, а также заводить детей даже дало название нынешнему поколению — *«поколение, отказывающееся от трех вещей»*. Такая тенденция не уникальна для Южной Кореи, наоборот, РК присоединилась к глобальному тренду. Но это привлекает особое внимание к себе именно применительно к восточному обществу с традиционной конфуцианской культурой, когда под одной крышей жило три поколения, а поддержка пожилых родителей до конца жизни была безусловной обязанностью детей. Таким образом, общемировые экономические и социальные тенденции, характерные для поведения молодежи в развитых странах, в полном объеме отразились в южнокорейском обществе. Образованные выпускники вузов нацелены на успешную карьеру, приоритетом являются крупные компании, малый и средний бизнес значительно менее привлекателен и не рассматривается как хорошая альтернатива даже с точки зрения возможности приобрести опыт практической работы и после этого поступать на работу в крупную компанию, но уже не на начальную позицию. Такая ситуация связана с тем, что, несмотря на отказ от системы пожизненного найма, в южнокорейском обществе сохраняется вертикальная структура социальных связей, когда проще двигаться по карьерной лестнице вверх в одной компании, нежели осуществлять горизонтальные переходы между компаниями. Согласно опросам общественного мнения, основной причиной нежелания заводить семью являются экономические и финансовые факторы. Безработица среди молодежи достигает 40 %, приоритетом является достижение финансовой стабильности; семья, особенно дети, ассоциируются со значительными затратами. Прежде всего, для семейной жизни нуж-

но жилье, что сразу является сдерживающим фактором, цены на недвижимость в РК высоки и продолжают расти. В многоквартирном доме в престижных районах Сеула стоимость кв. метра составляет 10 тыс. долл, в небольших городах жилье дешевле. Аренда квартиры тоже обходится чрезвычайно дорого, традиционная система долгосрочного залогового платежа *чонсе*, когда арендатор должен внести залог за двухгодичную аренду, доходящий едва ли не до половины стоимости жилья, не упрощает решение квартирного вопроса. Форматы малогабаритного жилья, подобные небольшим по площади квартирам-студиям, доступнее по цене, но не ориентированы на семейное проживание.

Девушки тоже не стремятся к созданию семьи. Молодые кореянки, часто единственные дочери в своей семье, заинтересованы в собственной карьере и рассматривают рождение ребенка как фактическую преграду для продолжения успешной работы и продвижения. Ситуация, когда люди создают семью после 30 лет и откладывают рождение детей до максимально позднего времени, типична для развитых стран с высоким доходом на душу населения; азиатские соседи РК Япония и Китай тоже наблюдают схожие тенденции. В Японии возник термин «травоядные мужчины», которым описывают молодых японцев, не стремящихся брать на себя доминирующую роль, не желающих вступать в отношения, готовых проживать с родителями и даже не ищущих работу, получив образование. В Китае большинство молодежи до 40 лет являются единственными детьми в своих семьях. Они тоже не стремятся заводить более одного ребенка [UN 2020].

Весна 2020 г. стала провальной для сезона знакомств в РК. До введения мер социального дистанцирования, когда свидания стали фактически невозможны, девушки просто не хотели идти на свидание в маске: и не так привлекательно, и не хотели постоянно поправлять макияж. Корейская культурная волна не привносит положительный вклад в демографию. Телесериалы показывают персонажей преимущественно без детей, иногда у пары есть один ребенок, чаще всего 3—8 лет, он является второстепенным персонажем, появляется лишь эпизодически во время прогулок в парке, демонстрируя рекламный образ счастливой семьи. Поп-культура представлена мо-

лодыми людьми и девушками, не состоящими в романтических отношениях и сконцентрированными сугубо на собственном образе.

Пандемия неизбежно закончится, а изменения в демографических трендах требуют времени. Рождаемость сократилась до исторического минимума — меньше единицы на одну женщину, тогда как простое воспроизводство населения требует коэффициента 2,1; пессимистичные прогнозы уже предсказывают вымирание корейской нации через несколько сотен лет. Едва ли такой прогноз реалистичен, однако для улучшения ситуации необходимы очевидные усилия в социальной политике, в первую очередь поддержка материнства и детства, предоставление отпуска по уходу за ребенком любому из родителей, возможность для женщины вернуться к работе, сокращение разницы в оплате труда мужчин и женщин, обеспечение детскими садами, то есть меры, которые позволят изменить представление о ребенке исключительно как о бремени. Такую же миссию могла бы взять на себя и индустрия популярной культуры, она привлекает колоссальные инвестиции, в том числе государственные. Телесериалы и кумиры молодежи, которые сейчас являются очевидными паттернами поведения, могли бы взять на себя задачу сделать идею семьи, особенно семьи с детьми, модной в обществе. Кроме того, реформирования требует система образования, о чем говорят уже давно: следует пересмотреть нормы обязательного обучения на многочисленных дополнительных курсах, тем более тогда, когда в вузах мест больше, чем абитуриентов. В связи с наблюдающейся динамикой правительство уже сообщило о планах постепенного сокращения числа воспитателей детских садов и учителей младших классов, большая часть из которых молодые женщины, что не улучшит ситуацию ни с занятостью молодежи, ни с потребностью в дополнительном образовании с первых ступеней.

Библиографический список

Соул-ый 100 тэ тхонге [Сеул: 100 статистических показателей] // Seoul Metropolitan Government. URL: <https://bit.ly/3o4GbYY> (дата обращения: 09.03.2021.) (На кор.)

Ча Минён. «Ён энд рич чабара», Чёндэпек, опке чхот 2030 ВИП мембосип соллип [Молодые и богатые, спешите: универмаг Хёндэ создает программу ВИП членства для 20—30-летних] // Асиакёнчжэ. URL: <https://bit.ly/3f61zu9> (дата обращения: 09.03.2021.) (На кор.)

Чхурипкук вегугин чончхек тхонге вольбо [Ежемесячный статистический бюллетень въезда и выезда иностранцев] // Иммиграционная служба РК. № 12, 2020. URL: <https://bit.ly/2RIMdSU> (дата обращения: 09.03.2021) (На кор.)

Bahk Eun-ji. Universities failing to meet student quotas as society ages // The Korea Times. URL: <https://bit.ly/3y3rES4> (дата обращения: 09.03.2021)

KOSIS. URL: <https://kosis.kr/index/index.do> (Дата обращения 9.03.2021) (На кор.)

Nam Kyung-don. Half of younger Koreans see no need to have kids after marriage // The Korea Herald. URL: <https://bit.ly/3y44DhA> (дата обращения: 23.04.2021)

UN Statistical Yearbook 1960. P.32 URL: <https://bit.ly/2RbK16H> (дата обращения: 09.03.2021)

UN Statistical Yearbook 1979/80. P.72 URL: <https://bit.ly/3uE2A1E> (дата обращения: 09.03.2021)

UN Statistical Yearbook 1998. P.39 URL: <https://bit.ly/33uey1J> (дата обращения: 09.03.2021)

UN Statistical Yearbook 2018. P.27 URL: <https://bit.ly/3tz59AL> (дата обращения: 09.03.2021)

UN Statistical Yearbook 2020. P.18 URL: <https://bit.ly/33vKRgW> (дата обращения: 19.04.2021)

References

Bahk Eun-ji (2021). Universities failing to meet student quotas as society ages. *The Korea Times*. URL: <https://bit.ly/3y3rES4> (accessed: 9 March, 2021)

Cha Minyeong (2020). “Yeongaenrichi jabara” hyeondaebaek, eopgye cheot 2030 VIP membeosip seollip [Young and Rich Stop: Hyundai Department Store Starts VIP Membership for 20—30-year-old.]. *Asiagyongje*. URL: <https://bit.ly/3f61zu9> (accessed: 9 March, 2021) (In Korean)

Chul-ib-gug oe-gug-in jeong-chaeg tong-gye-wol-bo [Immigration Monthly Bulletin]. *Korea Immigration Service*, #12, 2020 URL: <https://bit.ly/2RIMdSU> (accessed: 9 March, 2021) (In Korean)

KOSIS. URL: <https://kosis.kr/index/index.do> (accessed 9.03.2021) (In Korean)

Seo-ul-ui 100dae tong-gye [Seoul: 100 Statistical Indicators]. Seoul Metropolitan Government. URL: <https://bit.ly/3o4GbYY> (accessed: 9 March, 2021) (In Korean)

Nam Kyung-don (2021). Half of younger Koreans see no need to have kids after marriage // *The Korea Herald*. URL: <https://bit.ly/3y44DhA> (accessed: 23 April, 2021)

UN Statistical Yearbook 1960. P.32. URL: <https://bit.ly/2RbK16H> (accessed: 9 March, 2021)

UN Statistical Yearbook 1979/80. P.72. URL: <https://bit.ly/3uE2A1E> (accessed: 9 March, 2021)

UN Statistical Yearbook 1998. P.39. URL: <https://bit.ly/33ueyiJ> (accessed: 9 March, 2021)

UN Statistical Yearbook 2018. P.27. URL: <https://bit.ly/3tz59AL> (accessed: 9 March, 2021)

UN Statistical Yearbook 2020. P.18. URL: <https://bit.ly/33vKRgW> (accessed: 19 April, 2021)

Раздел III

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

DOI: 10.48647/IFES.2021.66.83.023

Л.В. Овчинникова

МЕСТО КОРЕИ В СОЗДАНИИ «СФЕРЫ СОПРОЦВЕТЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ»

Аннотация. Статья подготовлена на основе исследования закрытых публикаций японского генерал-губернаторства, раскрывающих методы управления и контроля японских колониальных властей. В конце 30-х — начале 40-х годов XX в. они стали приобретать новые черты. Была разработана продуманная система дополнительных приемов, взят курс на идеологическую обработку населения. В японских изданиях проводится мысль, что Корея была для Японии первой своеобразной пробой методов «руководства народами Азии», «испытательным полигоном», что позволило бы ответить на вопрос: как культивировать, насаждать там японские нравы, этику, нормы жизни, воспитывать верноподданнические чувства, как использовать литературу, искусство, все сферы духовной жизни для «внедрения японского духа». Преследовались цели воспитания корейцев в «японском духе», а также накопления опыта для того, чтобы он стал источником культуры всего Востока. Долгое время японская культура фактически испытывала влияние культуры Китая и Индии. Некогда именно Корея играла большую роль как проводник их воздействия на Японию. Теперь же, наоборот, японская культура

должна распространиться как «светоч Востока». Именно Корея должна снова выступить в качестве проводника. Создание «сферы совместного процветания» не означает изоляции культуры Востока от западной; нужно перенимать у Запада все достижения философии, науки, искусства, техники. В силу своего географического положения Корея призвана играть в этом большую роль. Для новой политической миссии она должна мобилизовать все материальные и духовные силы. Целью японской колониальной политики в этот период было внедрение в общественное сознание корейцев идеи величия Японии, необходимости содействовать ее победе. Усиленно внушалась мысль японо-корейского единства. Лозунг «Корея и Япония — одно целое, одна семья» был призван ослабить нарастающий протест, стать бальзамом для национального самолюбия корейцев. Японские издания указывают, что Корея, являясь базой для распространения «императорского пути» на материке, имела специфический характер среди других азиатских народов и играла особую миссию в создании «сферы совместного процветания в Восточной Азии».

Ключевые слова: «сфера совместного процветания», колониальное управление, генерал-губернаторство.

Автор. Овчинникова Любовь Всеволодовна, кандидат исторических наук, доцент, ИСАА МГУ им. Ломоносова.

ORCID: 0000-0002-7382-2705. E-mail: lovchin@yandex.ru

L. Ovchinnikova

The Place of Korea in the “Greater East Asia Co-prosperity Sphere”

Abstract. The article is based on the publications of Japanese Governor General Administration. Being an important resource of scientific research of Korean colonial history, they depict methods of governance and control of the Japanese administration. In the late 30-s and early 40-s these methods attained new characteristics. The administration implemented its policy of ideological influence on the local people. The Japanese declared the creation of the “Greater East Asia Co-prosperity Sphere”. The documents state that Korea has been the first training ground of Japanese governance in East Asian countries. This campaign was inclined to cultivate Japanese morals and manners, ethics, lifestyle, to grow “faithful and loyal citizens”. The aim was not only to bring up Koreans in this “Japanese spirit”, but to attain experience in making this culture the East

Asian peoples' culture. For a long time China and India have been influencing Japan, and Korea has been championing their culture. Now again Korea has to play its important role of promoting new ideas. Japanese culture should spread as a "leading light" around East Asia. This policy does not mean isolation from Western culture; on the contrary, it is supposed to adopt achievements in philosophy, art, science and engineering. Due to its geographical position, no other than Korea is to play its big role. For this important mission Korea should mobilize all its material and spiritual resources. At that period the Japanese colonial administration promoted the ideas of "Greatness of Japan" and "Unity of Japanese and Korean people", trying to reduce the increasing protest of Koreans against Japanese suppression. According to the Japanese documents, Korea was to play a significant role in building the Greater East Asia Co-prosperity Sphere.

Keywords: the "Greater East Asia Co-prosperity Sphere", colonial Korea, Japanese administration.

Author: *OVCHINNIKOVA Liubov V.*, Ph.D.(History), Associate Professor, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University. ORCID: 0000-0002-7382-2705. E-mail: lovchin@yandex.ru

Тема колониальной политики Японии в Азии, в частности в Корее, исследовалась ранее. Вместе с тем она требует дальнейшего изучения, продолжая оставаться актуальной и в наши дни. В конце 30-х — первой половине 40-х годов XX в. японская колониальная политика отличалась определенным своеобразием. В рассматриваемый период широко пропагандировался лозунг «Азия для азиатов», была выдвинута доктрина «сферы совместного процветания Великой Восточной Азии», в которой Япония должна была занять лидирующее место. При этом именно Корея должна была играть в её строительстве особо важную роль.

Статья подготовлена на основе служебных материалов японского генерал-губернаторства, выпущенных на японском языке в Сеуле в 1930-х — начале 1940-х годов и предназначенных для узкого круга чиновников японской колониальной администрации. Автор использовал и личные архивы Шабшиной (Куликовой) Ф.И., которая жила и работала в Сеуле — в генеральном консульстве СССР 1940—1946 гг. (архивы содержат ссылки на выпускаемые в колонии в военные годы газеты).

Усиление милитаризации Японии, захват ею Маньчжурии, подготовка к большой войне в Китае диктовали необходимость дальнейшего превращения Кореи в военно-стратегический плацдарм для продвижения на материк. Японские издания указывали: «Основа политики управления Кореей заключается в том, чтобы корейский народ твёрдо осознал, что является подданным нашего императора, чтобы через полное слияние Японии и Кореи прославил “путь императора” [Тридцать лет управления Кореей, 1940, с. 827]. Началась война в Китае, и Япония «стремительно пошла по пути строительства нового порядка в Восточной Азии» [Тридцать лет управления Кореей, 1940, с. 827]. Идеологи японской колониальной политики ссылались при этом на специфический «дух Ямато», который должен был способствовать ассимиляции всех народов Восточной Азии, в том числе и корейцев. Они навязывали корейскому народу японский язык и культуру, при этом пропагандировали благотворительную, освободительную миссию Японии в отношении Кореи. Так, экономист Судзуки Такэо писал, что в колониальные годы «честь Кореи, её слава были полностью восстановлены Японией» [Шабшина, личный архив].

Идея о «духе Ямато» родилась и вынашивалась еще в предыдущий период, тогда же подчеркивалось и важное место Кореи в японской азиатской политике. Генерал-губернатор Угаки еще в 1934 г. говорил о той важной роли, которую играет для Японии Корея: «Позиция 20 млн корейцев «за» или «против» Японии как в мирное, так и в военное время, а также расцвет или упадок этого полуострова, площадь которого почти равна Хонсю, оказывает огромное влияние на будущее развитие и процветание Японской империи». Он рассматривал факт слияния Кореи с Японией как первый пример нового времени, когда «страна с 20-миллионным населением влилась в другую страну и управляется ею. Нет такой страны, которая бы, как Корея, народ которой является единой и чистой расой, так совершенно ассимилировалась бы с другой страной» [Там же].

Это исключительное положение с Кореей поставило Японию, по мнению Угаки, перед величайшим испытанием — доказать всему миру успешное осуществление и полное завершение задачи слияния

Кореи и Японии. Успех этот имеет жизненный интерес для чести Японской Империи. Следует постоянно и полно показывать те достижения, которые имеет Япония в Корее, для того, чтобы дать нациям всего мира пример хорошего управления подданными, вновь присоединенными к Японской Империи [Там же].

В конце 1930-х годов стал широко использоваться термин «Корея как передовая база на континенте». Новый генерал-губернатор Минами принял этот термин как руководящий принцип. Со времени присоединения к Японии за Кореей была признана чрезвычайно важная роль как 1-й линии национальной обороны на материке: страна непосредственно соприкасалась с территорией предполагаемого противника, и её стратегическое значение расценивалось очень высоко. Однако с образованием Маньчжоу-го государственные границы отодвинулись к Амуру и её ценность в национальной обороне понизилась. Но одновременно Корея служила для Японии и рынком сбыта товаров, местом инвестиции капиталов. Считалось, что она должна была «совершенствовать себя» и как рисоводческий район. В новых условиях надо было определить место Кореи в единой экономике империи. Было принято решение о перестройке корейской экономики с упором на промышленность; признавалось географическое и сырьевое значения Кореи в Японо-Маньчжурском блоке [Тридцать лет управления Кореей, 1940, с. 72]. Именно признание Кореи важным фактором в этом блоке и привело к оформлению термина «передовая база». Впервые его употребил в 1938 г. генерал-губернатор Минами. Он заявлял, что Корея — как передовая база — уже поставляет для ведения операций против Китая продукты питания, военные материалы и пр. и добилась в этом некоторых успехов. Необходимо сделать многосторонними отрасли народного хозяйства и обратить внимание на создание военной промышленности в Корее [Там же].

По мере того как Япония стала быстро продвигаться по пути создания «нового порядка» в Восточной Азии, положение Кореи, являющейся частью империи на материке, стало иметь очень большое значение. «Непременным условием для выполнения Восточной политики империи стало единство и сотрудничество Японии и Кореи в условиях создавшейся обстановки под непоколебимым объе-

динением 24 миллионов корейцев как подданных империи» [Обстановка в Корее, 1941, с. 272]; [Состояние общественного спокойствия..., 1939, с. 21—22].

Со времени аннексии Кореи основной задачей всех генерал-губернаторов было воспитание верноподданнических чувств корейцев. В этот период особую активность приобрело начатое во второй половине 1930-х годов Движение за мобилизацию народного духа, задачами которого было единение нации, воспитание стойкости и выносливости и подлинный патриотизм. Движение ставило своей целью «как можно скорее превратить корейцев в подданных Императора и осуществить окончательное слияние Японии и Кореи» [Обстановка в Корее, 1941, с. 272]; [Шабшина, 1992, с. 124—125].

В конце 1930-х — начале 1940-х годов широкий размах приобрела пропаганда создания так называемой сферы совместного процветания великой Восточной Азии. Целью её было создание «нового порядка» в Азии, первым принципом которого была идея «восьми углов под одной крышей», то есть поглощение Японией других народов. Идеологи этой теории разделяли «сферу совместного процветания Великой Восточной Азии» на две части: северную и южную. Превосходство в этом блоке было за северной сферой; южная же рассматривалась как вспомогательное звено. Географически четких границ этих сфер не давалось, но считалось, что в северную сферу входят Корея, Маньчжурия и Китай, а в южную — районы южных морей. С точки зрения национальной обороны, политики и стратегии считалось возможным деление на сферу континентальной экономики и сферу экономики морей. Первая должна была стать оплотом сухопутных сил; вторая — служить основой для морских маневренных сил. Таким образом, северная сфера являлась наиболее важным звеном в сфере совместного процветания. И именно Корея была ее передовой континентальной базой.

В японских изданиях проводится мысль, что Корея была для Японии первой своеобразной пробой методов «руководства народами Азии», «испытательным полигоном», что позволило бы ответить на вопрос: как культивировать, насаждать там японские нравы, этику, нормы жизни, воспитывать верноподданнические чувства, как использовать литературу, искусство, все сферы духовной жизни для

«внедрения японского духа». При этом преследовались цели не только воспитания корейцев в «японском духе», но и создания базы, накопления опыта для того, чтобы эта культура стала источником культуры всего Востока. Долгое время японская культура фактически испытывала влияние культуры Китая и Индии. Некогда именно Корея играла большую роль проводника их воздействия на Японию. Теперь же, наоборот, японская культура должна распространиться на Запад как новый «светоч Востока». И Корея должна снова выступить в качестве проводника — это является «блестящим повторением истории» [Шабшина, личный архив].

Исследуемые издания указывают, что создание «сферы совместного процветания» не означает изоляции культуры Востока от западной культуры. Японцы должны перенимать у Запада все достижения философии, науки, искусства, техники. Их страна должна сблизиться с культурой Запада [Там же].

В управлении Кореей Япония ранее не имела опыта; протекторат и присоединение к империи были «пробным камнем» политических способностей последней в «возрождении» азиатских народов. Утверждалось, что теперь, когда Япония вместе с Европой строит новый мировой порядок, Корея должна мобилизовать все свои материальные и духовные силы.

Целью японской колониальной политики в период с конца 30-х до середины 40-х гг. было внедрение в общественное сознание корейцев идеи величия Японии, необходимости всячески содействовать ее победе. Усиленно внушалась мысль японо-корейского единства. Лозунг «Корея и Япония — одно целое, одна семья» был призван ослабить нарастающий протест, стать бальзамом для национального самолюбия корейцев.

Итак, положение Кореи как «передовой базы», как части японской империи на материке приобрело в конце 1930-х — первой половине 1940-х годов еще большую важность. Являясь базой для распространения «императорского пути» на материке, она должна была выполнять особую миссию в создании «сферы совместного процветания Великой Восточной Азии».

Сейчас важное значение имеет оценка наличия связи современной японской дипломатии с вышеназванным временем. Как извест-

но, основы послевоенного устройства Японии были предопределены Потсдамской декларацией, в соответствии с которой должны были быть ликвидированы все военные учреждения, генеральный штаб, распускалась армия. Особыми статьями новой Конституции 1946 г. закреплялся отказ японского государства от войны как средства политики и запрещение организовывать армию и флот (кроме так называемого Корпуса сил самообороны). Во внешнеполитической деятельности Япония большое значение имеет проводимая в последние годы активная линия на укрепление своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Уже более 10 лет в мировом политологическом дискурсе находится концепт «Индо-Пацифика» (Indo-Pacific region) или Индо-Тихоокеанский регион (ИТР). Японская концепция «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» появилась одной из первых; она прозвучала в речи премьер-министра Синдзо Абэ в Индийском парламенте в августе 2007 г. под названием «Слияние двух океанов». С. Абэ предложил, чтобы Япония и Индия как «одинаково мыслящие демократические морские государства» содействовали свободе и процветанию в «более широкой Азии», включающей в себя также Соединенные Штаты, Австралию и другие тихоокеанские государства. Пространство «свободного и открытого ИТР» призвано стать основой нового порядка в регионе с ядром в виде «четверки»: США, Японии, Индии и Австралии. «Четверка» задумывалась как пространство для сотрудничества в целях обеспечения безопасности и других интересов в ИТР. В 2017 г. действия «четверки» активизировались. В марте 2021 г. на встрече в режиме видеоконференции впервые присутствовали высшие лидеры этих стран. В совместном коммюнике «страны четырехстороннего диалога по безопасности» заявили, что намерены противодействовать угрозам в регионах Индийского и Тихого океанов. Говорилось, что «четверка» намерена укреплять сотрудничество в борьбе с пандемией и изменениями климата, а также отвечать на предполагаемые вызовы в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Согласно оценкам многих политологов и специалистов по проблемам Азии, концепция ИТР имеет явную антикитайскую направленность.

Библиографический список

Шабшина (Куликова) Ф.И. Личный архив.

Шабшина Ф.И. В колониальной Корее. (1940—1945). Записки и размышления очевидца. Москва: Наука, 1992. 287 с.

Сайкин-ни окэру тё:сэндзиан дзё:кё: [Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время]. Сеул: Изд-во генерал-губернаторства, 1939. 480 с. (На яп.)

Сисэй сандзюэнси [30 лет управления Кореей]. Сеул: Изд-во генерал-губернаторства, 1940. (На яп.)

Тё:сэн дзидзё: [Обстановка в Корее]. Сеул: Изд-во генерал-губернаторства, 1941. (На яп.)

References

Chousen jijou [Situation in Korea]. Seoul: Governor General Office Publ., 1941. (In Japanese)

Saikin-ni okeru chousenjian joukyou [Recent Situation of Peace and Order in Korea]. Seoul: Governor General Office Publ., 1939. 480 p. (In Japanese)

Shabshina F. I. (1992). V kolonial'noi Koree (1940—1945). Zapiski i razmyshleniya ochevidtса. [In Colonial Korea. 1940—46. Thoughts and Memoirs of an Eyewitness]. Moscow: Nauka Publ. 287 p. (In Russian)

Shabshina F. I. Personal Archives. (in Russian)

Shisei sanjuunenshi [30 Years of Governance in Korea]. Seoul: Governor General Office Publ., 1940. (In Japanese)

DOI: 10.48647/IFES.2021.65.73.024

Е.А. Хохлова

ИСТОРИЯ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ КОРЕЙСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПЕРИОД ЯПОНСКОЙ ОККУПАЦИИ

Аннотация. На рубеже XIX—XX вв. и в колониальный период (1910—1945) на территории Корейского полуострова происходило массовое вскрытие гробниц. Их раскапывали официальные исследовательские группы из японских университетов, японские археологи-любители, японские антиквары и корейцы-грабители, поставляющие товар для японских торговцев стариной, которые полностью контролировали рынок антиквариата в Корее.

Начало века — это время археологического бума по всему миру. Японские археологи, не имея возможности раскапывать гробницы на территории своей страны, с энтузиазмом отправлялись в Корею, где вскрывали захоронения под эгидой правительства с целью найти историческое обоснование колониальной политики Японской империи. При этом ход раскопок не документировался, не составлялись отчеты и списки обнаруженных артефактов. Найденные в ходе официальных раскопок предметы переправляли в Японию, где они оказывались в коллекциях музеев и в руках частных лиц, несмотря на возмущения корейцев. Грабители и торговцы антиквариатом грабили захоронения с целью наживы. Находки поступали на рынок, становились дорогой сувенирной продукцией для японских туристов и попадали в коллекции японцев, проживающих в

Корее и Японии. И происходил массовый вывоз артефактов из страны.

В результате действий археологов и грабителей были разорены тысячи гробниц эпохи Корё, и сегодня не представляется возможным определить место обнаружения корёских селадонов, что значительно навредило исследованию керамики Корё. Многие лучшие образцы селадонов сегодня находятся в японских коллекциях. Японцы раскопали и разорили сотни гробниц эпохи Трёх государств, поэтому сегодня наследие государств Когурё, Пэкче, Гая фрагментарно. Ущерб был нанесен не только тем, что артефакты рассеивались по частным коллекциям и вывозились в Японию, но и тем, что японские археологи не составляли отчетов о раскопках и списков обнаруженных предметов. В работе показано, как расхищались гробницы и какой урон был нанесен культурному наследию Кореи в указанный период.

Ключевые слова: перемещенные культурные ценности, оккупация, Япония, Корея, гробницы, раскопки, селадоны.

Автор: Хохлова Елена Анатольевна, кандидат искусствоведения, доцент школы востоковедения НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: ekhokhlova@hse.ru

E. Khokhlova

On how Korean Art was looted during Japanese Occupation

Abstract. At the turn of the XIX—XX centuries and during the colonial period (1910—1945) there was a massive opening of tombs on the territory of the Korean Peninsula. The tombs were excavated by official research teams from Japanese universities, Japanese amateur archaeologists, Japanese antiquaries, and Korean robbers who were supplying goods to Japanese antiquities dealers. Japanese completely controlled the antiques market in Korea.

The beginning of the century is a time of archaeological boom all over the world. Japanese archaeologists, unable to excavate tombs in Japan, enthusiastically went to Korea, where they opened tombs under the auspices of the government to find a historical basis for the colonial policy of the Japanese Empire. The course of excavations was not documented, reports and lists of discovered objects were not compiled. Objects found during official excavations were transported to Japan and ended up in the collections of museums and in the hands of private individuals, despite the indignation of the Koreans. Robbers and antiques dealers

plundered the graves for profit. The finds entered the market, became expensive souvenirs for Japanese tourists and ended up in the collections of the Japanese living in Korea and Japan. And there was a massive export of artifacts from the country.

As a result of the actions of archaeologists and robbers, thousands of tombs of the Goryeo era were destroyed, and today it is not possible to determine Goryeo celadons were found, it significantly damaged the study of Goryeo ceramics. Many of the finest celadons are in Japanese collections today. The Japanese excavated and destroyed hundreds of tombs from the Three Kingdoms era, so today the legacy of the states of Goguryeo, Baekje, Gaya is fragmentary. The damage was caused not only by the fact that the artifacts were scattered among private collections and taken to Japan, but also by the fact that Japanese archaeologists did not compile reports on excavations and lists of discovered items. This article shows how the tombs were plundered, and what damage was done to the cultural heritage of Korea during this period.

Keywords: looted art, colonization, Korea, Japan, graves, excavation, celadons

Author. *KHOKHLOVA, Elena A.*: Ph.D (Cultural studies), assistant professor, School of Asian Studies, National Research University “Higher School of Economics”. E-mail: ekhokhlova@hse.ru

В колониальный период (1910—1945) японцы вскрывали, разрывали и разрушали гробницы эпохи Трех государств и Корё (985—1392), вывозили погребальные предметы. Японские чиновники и предприниматели самоуправно отправляли в свою страну буддийские пагоды, скульптуру, отдельные элементы архитектурных сооружений и целые здания в разобранном виде. Происходило присвоение культурных ценностей без оглядки на Корею и ее жителей. Оценить нанесенный ущерб в полном масштабе представляется невозможным, так как учет вывозу не велся. Согласно данным Фонда корейского культурного наследия (Overseas Korean Cultural Heritage Foundation), в настоящий момент 81 889 предметов, созданных на территории Корейского полуострова в разные эпохи, хранятся в Японии [Overseas Korea Cultural Heritage Foundation]. Предметы находятся в государственных и частных музеях, в буддийских храмах, в частных коллекциях. Реальная цифра может значительно отличаться

от официальной, так как японские коллекционеры не торопятся разглашать информацию о своих собраниях.

История присвоения культурного наследия Кореи в колониальный период изучается сегодня корейскими и западными специалистами. В 2018 г. Ким Чжонсок представил обширное исследование об утраченном культурном наследии в период японской оккупации и о проблемах реституции [Jongsok Kim, 2018]. Шарлотта Хорлик описала и объяснила, что стало причиной огромного спроса на корейскую керамику эпохи Корё, которую незаконно выкапывали из гробниц [Horlusk, 2013]. Вопрос реституции перемещенных культурных ценностей рассматривается в статьях Кристин Ким [Kim C., 2017] и Ко Ёнчжэ [Koo YoungJae, 2015]. В российской науке вопрос вывоза и реституции культурных ценностей не рассматривался и не упоминается в статьях, посвященных проблемам отношений Японии и РК. В данной работе изложено, как расхищались гробницы и какой урон был нанесен культурному наследию Кореи в указанный период.

В поисках селадонов

В конце XIX в. японцы начали раскапывать корейские гробницы в поисках золота и драгоценных предметов. В погребениях в районе г. Кесон, столице средневекового государства Корё, были обнаружены селадоны, качество которых оценили японские коллекционеры. Начался бум селадоновых изделий, их скупали японцы, приобретали для частных и музейных коллекций европейцы. Сами корейцы до конца XIX в. не подозревали о существовании селадонов на территории своей страны, так как селадоны находились в захоронениях.

Селадоны Корё «открыли» японцы, и они стали причиной начала массового разграбления гробниц [Гомперц, с. 49]. Приезжавшие в Чосон иностранцы описывали страну как большое кладбище: такое количество курганов было на поверхности земли. Раскапывали гробницы японцы, как гражданские лица, так и военные, они же становились торговцами антиквариатом. Японцев удивлял тот факт, что корейцы на протяжении веков не трогали гробницы, тогда как в

Японии гробницы императоров подвергались разграблению с IV в. [Jongsok Kim, p. 55]. Кроме селадонов в гробницах находили изделия из драгоценных металлов (сосуды, зеркала). Найденные предметы забирали японские торговцы. Рынок антиквариатом был полностью в их руках, то есть вся прибыль от продажи корейских предметов шла японским «предпринимателям».

Японские коллекционеры, чиновники скупали селадоны сотнями. Известно, что Ито Хиробуми приобрел более тысячи селадонов для японской императорской семьи. В 1909 г. в Японии прошла большая выставка селадонов, организованная дилерами Дамисабуро Ито и Шодаро Нишима. Это еще больше увеличило спрос на селадоны в Японии, Европе и США [Hoglysk, p. 489]. Алчность и жадность коллекционеров и грабителей привели к тому, что к 1910 г. селадоны закончились [Jongsok Kim, p. 57]. Свои мародерские действия японцы объясняли необходимостью представить селадоны миру и сохранить их для человечества, ведь корейцы не умеют ценить то, что сделано их предками [Hoglysk, p. 486].

Раскопки гробниц эпохи Трех государств

Помимо гробниц эпохи Корё японские археологи, охотники за стариной и наживой раскапывали гробницы эпохи Трех государств. Официальные раскопки под руководством японского правительства проводились в поисках доказательств того, что территория Корейского полуострова в древние времена была частью японского государства. Японским археологам разрешалось раскапывать гробницы правителей древних корейских государств, что было строго запрещено в самой Японии. Это порождало ажиотаж среди японских археологов и любителей антиквариата.

С 1909 по 1915 г. раскопками и изучением корейской архитектуры по поручению японского правительства занимался профессор Императорского университета Тадаши Сэкино (Tadashi Sekino, 1868—1935). Он руководил раскопками гробниц в Кесоне, Кончжу, Кёнчжу и Пуё. Списки обнаруженных артефактов не публиковались, все было отправлено в Императорский университет.

Профессор того же университета Ясуи Сейичи (Yasui Seiichi, 1880—1959) вместе с Тадаши Сэкино раскапывал гробницы в Пхеньяне в поисках сведений о Древнем Чосоне. Многие найденные в гробницах предметы находятся в Японии, и сведения о них не публикуются. Сейичи и Сэкино пришли к выводу, что найденные в гробницах в Пхеньяне предметы имеют китайское происхождение, что не соответствовало теории о покорении японцами Корейского полуострова в начале первого тысячелетия н. э., по этой причине раскопки были прекращены [Когурё мудро?] и продолжились в южной части полуострова. С 1909 по 1920 г. они по поручению генерал-губернаторства вскрыли гробницы в Сеуле, Пуё, Кочжу, Начжу, Кёнчжу, Чинчжу, Иксане, Чханёне. Найденные предметы частично передавались в основанный в 1915 г. Музей генерал-губернаторства, но большая часть была вывезена в Японию.

Сейичи мечтал найти доказательства того, что государства Силла и Пэкче были покорены императрицей Дзингу в III в. [Кёнчжу кобун]. Эта теория служила основой для оправдания завоевательных амбиций Японской империи. Он начал вскрывать гробницы на территории древних государств Силла, Пэкче, Гая. В общей сложности с 1917 по 1919 г. им раскопано около ста гробниц периода Гая, собрано множество золотых, серебряных украшений, в том числе элементы золотой короны, большое количество керамических изделий. Отчеты о раскопках не велись, ряд предметов Сейичи отправил в Музей генерал-губернаторства, остальное оставил себе [Jongsok Kim].

Ярким примером того, как присваивались предметы, найденные во время официальных раскопок, служит экспедиция сотрудников Императорского музея 1925 г. Под руководством Катсуми Куроиты были проведены раскопки в Пхеньяне, обнаружено двести ценнейших артефактов. Он заявил, что раскопки осуществлялись в интересах науки и обещал, что после того, как предметы будут изучены в Императорском музее и в Пхеньяне откроется музей, все артефакты возвратятся на родину. Однако все предметы были вывезены в Японию, и ни один из них не вернулся, несмотря на обещания и возмущение общественности.

Незаконные раскопки

В колониальный период частные лица разоряли гробницы эпохи Трех государств и Корё. Самые известные археологи-любители, занимавшиеся грабежом, — это японцы Карубэ (1897—1970) и Такеноске Окура (1870—1964).

Карубэ — учитель японского языка и литературы, с 1927 по 1932 г. исследовал сто пятнадцать гробниц в районе Кочжу. Он отвечал за проведения официальных раскопок в гробницах Сонсанни. Когда члены Комитета по изучению культурно-исторических памятников прибыли на место археологических раскопок, гробница Сонсанни № 6 была полностью разграблена. По словам Карубэ, гробницу разграбили до начала официальных раскопок. При этом в 1945 г. он вывез сотни артефактов эпохи Пэкче в Японию, часть передал Императорскому музею.

Японский предприниматель Такеноске Окура (Takenoske Ogura) незаконно раскапывал гробницы эпохи Гая в Чханёне и скупал древности. В 1945 г. как минимум тысячу сто предметов Окура забрал с собой в Японию. Часть коллекции была распродана, оставшиеся сегодня хранятся в Токийском национальном музее под названием «Коллекция Окура». Многим предметам присвоен статус национального сокровища Японии, тридцать девять предметов признаны объектами корейского культурного наследия.

Японское правительство с целью остановить расхищение гробниц в 1916 г. приступило к созданию нормативно-правовой базы для охраны памятников культуры. Все обнаруженные во время раскопок предметы необходимо было регистрировать в полицейских участках. Для проведения раскопок и исследования объектов, а также перемещения артефактов требовалось получать разрешения правительства. Для перемещения внутри страны и вывоза памятников также требовалось разрешение. За нарушения правил выписывался штраф [Jongsok Kim]. Японское правительство объявило о том, что занимается исследованием корейского наследия с целью защитить его и объяснить корейцам, насколько важно их культурное достояние. Генерал-губернатор Кореи Тэраути Масатакэ (1852—1919) заявлял, что

все найденное должно оставаться на территории Чосон, для этого было открыто пять музеев в разных городах.

При этом японские власти нарушали установленные ими правила и относились к памятникам Чосон, как к собственным. Тэраути Масатакэ, например, вывез из страны около двух тысяч свитков, сотни книг (включая семьсот шестьдесят томов «Подлинных записей династии Чосон»), около двух тысяч селадонов, зеркала и другие ценные артефакты [Jongsok Kim]. Генерал-губернатор Хасэгава Ёсимити передал в Императорский университет коллекцию книг с описанием ритуалов и церемоний двора. В 1933 г. генеральный директор по политическим вопросам Киёдака Имаида (Kiyodaka Imaida) вывез в Японию золотые украшения, найденные в гробницах Кёнчжу, и передал их в коллекцию музея в Японии. И это лишь несколько примеров того, как распоряжались японцы корейским культурным наследием.

В статье представлены общие сведения о том, как происходило присваивание найденных в гробницах артефактов в колониальный период. Помимо предметов, которые находились под землей, японцы вывозили книги, скульптуру, пагоды, колокола и пр. Японское правительство утверждало, что в Чосон не уделяли внимания сохранению памятников, поэтому они взялись за изучение культурного наследия страны. И действительно, многое было сделано: 1) составлен реестр корейских культурных ценностей; 2) открыты музеи; 3) издано пятнадцать томов о культурном наследии Корейского полуострова. Но в колониальный период разграблены тысячи гробниц. Действия японцев привели к тому, что сегодня наследие государств Когурё, Пэкче, Гая фрагментарно. Многие лучшие образцы селадонов эпохи Корё находятся в японских коллекциях. Ущерб был нанесен не только тем, что артефакты рассеивались по частным коллекциям и вывозились в Японию, но и тем, что японские археологи не составляли отчетов о раскопках. Правительство РК и КНДР предпринимало попытки вернуть на родину культурные ценности, и в корейские музеи возвращена небольшая часть утраченного наследия. Несмотря на высокую значимость произведений, хранящихся в Японии, вопрос реституции остается заложником в отношениях двух стран, требует внимания и решений.

Библиографический список

Гомперц Г. Селадон Корё. Корейское классическое искусство. Сборник статей / под ред. Л.Р. Концевича. М.: Изд-во «Наука», 1972. С. 49—50.

Ильчекажжонги чхвеаге пальгуль анмён. Маншинчханига твен чханён кобуль [Разграбленные Гробницы в Чханёне. Жуткие раскопки колониального периода]. Хангёрэ. URL: <https://bit.ly/2R7YX5L> (дата обращения 13.02.2021) (На кор.)

Кёнчжу кобун а чапгыт пхэхёчетчиман, чингуванху хынчогын ан наватта [Разрушили гробницы в Кёнчжу, но не нашли следов императрицы Дзингу]. Хангёрэ. URL: <https://bit.ly/33wNFFun> (дата обращения: 02.02.2021) (На кор.)

Когурё мудом? Ясыинын наннангуне квансими опсотта [Гробницы Когурё? Ясьи не были интересны гробницы Наннана]. Хангёрэ. URL: <https://bit.ly/33wWiVR> (дата обращения: 26.02.2021) (На кор.)

Пак Сохён. Корёчагинын отткхе мисури твеонна. Шинмичжишичэ корёчагийёотгвангва иванкапанмульгванэ чонччихак [Как керамика Корё стала искусством? Бум на керамику Корё в колониальный период и политика Музея королевской семьи Ли]. Сахвеёнгу. № 5. 11. 2006. С. 36. (На кор.)

Силла 57тэ ванын пхёнянкисэн чхарынпха? [Кисэн из Пхеньяна стала 57 королевой Силла?]. Кёнхян синмун. URL: <https://bit.ly/3fbn4Z5> (дата обращения 15.02.2021) (На кор.)

Horlyck, Charlotte. Desirable commodities — unearthing and collecting Koryo celadon ceramics in the late nineteenth and early twentieth centuries. Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, 2013, Vol. 76, No. 3 (2013), pp. 467—491.

Kim, Christine. Colonial Plunder and the Failure of Restitution in Postwar Korea. Journal of Contemporary History, Vol. 52, No. 3 (July 2017), pp. 607—624.

Kim, Jongsok. Museums and Cultural Heritage: To Examine the Loss of Cultural Heritage During Colonial and Military Occupations with Special Reference to the Japanese Occupation of Korea, and the Possibilities for Return and Restitution. PhD thesis. University of London. 2018. — 308 p.

Koo, Young Jae. Repatriation of Korean Cultural Property Looted by Japan— Can a Sincere Apology Resolve the Centuries-Old Korea/Japan Disputes? Cardozo Journal of Conflict Resolution. 2015, pp. 625—650.

Korean National Commission for UNESCO. URL: <https://bit.ly/3eAprG1> (дата обращения: 13.02.2021)

Overseas Korea Cultural Heritage Foundation. URL: <https://bit.ly/2QZQXUt> (дата обращения: 13.02.2021)

Pai, Hyung Il. Resurrecting the ruins of Japan's mythical homelands: colonial archaeological surveys in the Korean peninsula and heritage tourism. *The Handbook of Post-colonialism and Archaeology*. CA: Left Coast Press, pp. 93–112.

References

Goguryeo mudeom? yasseuineun nangnangune gwansimi eopseotda [Goguryeo tomb? Yatsui was not interested in Nakrang]. *Hankyoreh*. URL: <https://bit.ly/3o8BtcW> (accessed: 02 February, 2021) (In Korean)

Gompertz, G.M. (1972). Seladon Koryo. Korejskoe klassicheskoe iskusstvo. Sbornik statej. Pod red. L.R. Koncevicha. [Koryo Seladon. Korean Classical Art. Collection of Articles. Ed. L.R. Kontsevich]. Moscow: Izd-vo "Nauka": 49–50.

Horlyck, Charlotte (2013). Desirable commodities — unearthing and collecting Koryo celadon ceramics in the late nineteenth and early twentieth centuries. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, University of London, 2013, Vol. 76, No. 3: 467–491.

Gyeongju gobundeul i japdeun pahechyeotjiman, jinguwanghu heunjeogeun annawatda [Gyeongju tombs dig up as if they were holding it, but there was no trace of Queen Jingu]. *Hankyoreh*. URL: <https://bit.ly/33wNFun> (accessed: 2 February, 2021) (In Korean)

Iljegangjeomgi choeagui balgul tangmyeongttnmansinchangiga doen changnyeong gobundeul [The worst excavation during the Japanese colonial period “notorious”... Changnyeong tombs]. *Hankyoreh*. URL: <https://bit.ly/2R7YX5L> (accessed: 13 February, 2021) (In Korean)

Kim, Christine (2017). Colonial Plunder and the Failure of Restitution in Postwar Korea. *Journal of Contemporary History*, Vol. 52, No. 3: 607–624.

Kim, Jongsok (2018). Museums and Cultural Heritage: To Examine the Loss of Cultural Heritage During Colonial and Military Occupations with Special Reference to the Japanese Occupation of Korea, and the Possibilities for Return and Restitution. PhD thesis. University of London. 308 p.

Koo, YoungJae (2015). Repatriation of Korean Cultural Property Looted by Japan — Can a Sincere Apology Resolve the Centuries-Old Korea/Japan Disputes? *Cardozo Journal of Conflict Resolution*. Pp. 625–650.

Korean National Commission for UNESCO, URL: <https://bit.ly/3eAprG1> (accessed: 13 February, 2021)

Overseas Korea Cultural Heritage Foundation. URL: <https://bit.ly/2QZQXUt> (accessed: 13 February, 2021)

Pai, Hyung Il (2018). Resurrecting the ruins of japan’s mythical homelands: colonial archaeological surveys in the Korean peninsula and heritage tourism. *The Handbook of Post-colonialism and Archaeology*. CA: Left Coast Press: 93—112.

Park, Sohyun (2016). Tgoryeojagitneun eotteoke tmsulti doeonna — singminjisidae tgoryeojagiyeolgwangtwa iwanggabangmulgwanui jeongchihak [How did “Koryo jagi become “art”? — The colonial era 'Korea's self-enthusiasm' and the politics of the Lee Wangga Museum]. *Sahoeyeongu*. 5. 11.2006. P. 36. (In Korean)

Silla 57dae wangeun pyeongyanggisaeng chareungpa? [The 57th king of Silla was Pyongyang kisang Chareungpa?]. *Kyeonghyang sinmun*. URL: <https://bit.ly/3fbn4Z5> (accessed: 24 February, 2021) (In Korean)

DOI: 10.48647/IFES.2021.18.17.025

Н.А. Чеснокова

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И МУЗЫКАЛЬНЫЕ ХИТЫ: КЕЙС ОСТРОВА ТОКТО

Аннотация: Согласно современным исследованиям, политика — не только сфера рационально-практического, но и эмоционально-чувственного. Художественная литература, изобразительное искусство, музыкальная культура также могут служить способами обращения к обществу для создания образа «своего», «чужого», «основного» и «второстепенного». Рассмотрим кейс южнокорейского о. Токто в качестве примера успешного взаимодействия между политикой и музыкой.

В 1960-х годах американский исследователь Рональд Серж Денисофф предложил обозначать музыкальную культуру, направленную на реализацию политических идей, как «песни убеждения» (songs of persuasion) и разделить их по типам на две группы: «магнетические» (magnetic songs) и «риторические» (rhetorical songs). «Магнетические» песни должны вызвать у слушателя эмоциональный отклик и привлечь его к участию в политическом, общественном движении или к поддержке определенной идеи. «Риторические» озвучивают конкретную конфликтную ситуацию, но не предлагают пути решения и ни к чему не призывают.

В нашем исследовании мы обращаемся к группе песен, посвященных о. Токто и исполняемых в 2010-е годы, а именно в президентство Ли Мён Бака (2008—2013). В связи со сложной международной обстановкой, в том числе с затоплением корвета «Чхонан», вплоть до 2012 г. Ли Мён Бак следовал политике «тихой диплома-

тии» и явственно не провоцировал конфликт о принадлежности острова, что вызывало неудовольствие южнокорейского социума и проявлялось в стремлении «зафиксировать» Токто за Республикой Корея как минимум в музыкальной культуре. Помимо песен, которые упоминают Токто вскользь — например «Супермен» пародийной поп-группы Norazo, — две песни были распространены широко: это «Токто — наша земля» (*Токто ури ттан*, написана в 1982) и «Одинокий Ариран» (*Холло Ариран*, 1990). В статье мы рассмотрим как сами тексты песен (как обозначается Токто, на чем строится семантика «нашей земли»), так и изменения в текстах и особенностях их воспроизведения и объясним данные изменения и особенности через изменения в политическом курсе страны.

Ключевые слова: Токто, региональное пространство, музыкальная культура, территориальные споры, «Токто ури ттан», «Холло Ариран».

Автор: Чеснокова Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент ИКВИА НИУ ВШЭ. ORCID: 0000-0001-5749-6615. E-mail: chesnatie@gmail.com

N. Chesnokova

Regional Policy and Musical Hits: the Case of Dokdo

Abstract. The article attempts to explain the connection between music and politics in the Republic of Korea basing on the case of the Dokdo island.

In the 1960s, American researcher Serge R. Denisoff suggested a term “songs of persuasion” to songs that were used to transmit political ideas. This category he divided into two types: “magnetic” and “rhetorical” songs. “Magnetic” songs should evoke an emotional response from listeners to make them participate in political or social movement, or support a certain idea. “Rhetorical” songs, on the other hand, described conflict situation but did not offer any solutions and did not call for anything.

This article examines songs dedicated to Dokdo island and performed in the 2010s, during Lee Myung-bak’s presidency (2008—2013). Due to the difficult international situation with the sinking of the Cheonan corvette, Lee Myung-bak pursued the policy of “quiet diplomacy” and did not raise the conflict over the ownership of the islands until 2012. It caused displeasure in Korean society and strong national intention to “fix” the ownership at least in musical culture. Despite short mentions of Dokdo in various songs such as *Superman* by Norazo, two songs were cle-

arly associated with the politics. It was *Dokdo is our land* (1982) and *Hollo Arirang* (1990).

Based on the content-analysis of the lyrics, the article sheds some light on the process of (un)intentional political communication through persuasive songs.

Keywords: Dokdo, regional space, music culture, territorial disputes, “Dokdo is our land”, “Hollo Arirang”

Author: *CHESNOKOVA Nataliya A.*, PhD (History). Associate Professor, HSE University. ORCID: 0000-0001-5749-6615.

E-mail: chesnatalie@gmail.com

Эскалация территориального конфликта между Республикой Корея и Японией по поводу юрисдикции над островами Лианкур (кор. Токто; яп. Такэсима), обусловленная экономическими интересами, началась в 2005 г. с утверждения Японией «Дня Такэсима» и ответного «Дня Токто», утвержденного РК.

«Мягкая сила» обернулась ужесточением дипотношений, также вновь возник спор об о. Цусима (кор. Тэмадо). Парламент южнокорейского г. Масан утвердил свою территориальную юрисдикцию над островом, что, разумеется, вызвало шквал недовольства в Японии и рост патриотических настроений в РК.

Одним из способов реакции на изменения во внешней политике стала музыка. Так, в 2007 г. под овации зала южнокорейская рок-звезда Мая спела: «Гавайи — острова США, Тэмадо — понятия не имею, а Токто — наша земля» [Мая, 2007], перефразировав старую детскую корейскую песенку «Токто — наша земля» (*Токто ури ттан*, 1982).

Это один из примеров того, как музыка в развитом гражданском обществе может служить рупором настроений народа. Песня в таком случае — креолизованный текст, который отвечает на текущую политическую ситуацию.

Креолизованные, или поликодовые, тексты — «сложное текстовое образование, в котором вербальный и иконический элемент образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова, 2003, 17]. Музыка — часть коммуникативной системы. Она участвует в коммуникативном процессе и передает некоторую информацию.

Лингвист И.Р. Гальперин (1905—1984) выделил следующие типы «прагматической информации» в тексте: 1) содержательно-фактуальная (СФИ); 2) содержательно-концептуальная (СКИ), и 3) содержательно-подтекстовая (СПИ) [Сиротинина, 1983].

СФИ — непосредственная передача фактов. СКИ — выраженное отношение автора к описываемым фактам. СПИ — скрытый смысл, подтекст, доступный к выявлению.

В текстах песен СФИ передается через языковой компонент, СКИ формируется после прочтения или прослушивания песни целиком и может содержать эмоционально-экспрессивную информацию, отношение автора. Для осознания СКИ и интерпретации СПИ в песне необходимо учесть сам текст, его музыкально-экспрессивное обрамление, временные и контекстуальные условия создания и исполнения.

Рассмотрим функционирование креолизованного текста на примере южнокорейской массовой культуры 2008—2013 гг., а именно песен, в которых упоминается о. Токто.

Хронологические рамки обусловлены сроком президентских полномочий Ли Мён Бака. Большая часть его правления — «тихая дипломатия» по вопросу Токто, которая привела к падению рейтинга президента и усилению настроений «Токто — наш» в народе. В 2012 г. Ли Мён Бак стал первым президентом, который посетил остров, что также отразилось на музыкальной культуре периода.

Цель нашего исследования — проследить, как ослабление государственной инициативы в разрешении территориальных споров при отсутствии цензуры в развитом гражданском обществе стимулирует вынесение политических разногласий в сферу массовой культуры.

Дискуссия о принадлежности Токто при Ли Мён Баке в 2008—2013 гг.

14 июля 2008 г. Япония опубликовала методические указания для учителей средних школ, где преподавателям настоятельно рекомендовали объяснять ученикам, что острова Такэсима — неотъемлемая часть японской территории [Стрельцов et al, 2013, 68]. Это вызвало всплеск недовольства в РК, и 16 июля посол РК в Японии

Квон Джюльгюн заявил, что Республика Корея может отказаться от своего обещания содействовать Японии в разрешении проблемы похищенных Пхеньяном граждан, а также не будет возражать против разработки в КНДР ракет большой дальности. Были приостановлены двусторонние обмены молодежными делегациями и договоры с Японией о свободной торговле.

24 июля 2008 г. Сеул объявил о создании оперативной группы для противодействия территориальным притязаниям Японии. 29—31 июля 2008 г. РК провела в районе островов Уллындо и Токто маневры с участием кораблей ВМФ, катеров береговой охраны и морской авиации.

25 декабря 2009 г. Япония выпустила новые методические пособия — для преподавания в средних школах второй (высшей) ступени, где Лианкур вновь значились как Такэсима, японская территория. 30 марта 2010 г. в пяти новых учебниках по истории для начальной школы Такэсима были объявлены японской землей. Включение их Республикой Корея в свои границы объявлялось незаконным.

Республика Корея оба раза выражала свое недовольство подобными действиями Японии, но, помимо коммуникации с японским посланником, иных шагов предпринято не было. Ввиду ухудшения международной обстановки и недовольства корейских граждан ряд политиков РК полагал необходимым пересмотреть «тихую дипломатию» Ли Мён Бака, считая ее неэффективной [Kang D., Ji-Young L]. В период 2010—2011 гг., несмотря на усложнение конфликта, Ли Мён Бак не давал официальных комментариев о принадлежности островов Лианкур.

Ли Мён Бак решал иную проблему. 26 марта 2010 г. северокорейская торпеда потопила южнокорейский корвет «Чхонан», в результате чего погибли 46 членов экипажа. Таким образом, фокус внимания был обращен на Север, и отношения между РК и Японией ушли на второй план из-за резкого ухудшения дипотношений между РК и КНДР.

Но территориальный спор подогревался демонстративными действиями японской и корейских сторон вне зависимости от желаний Ли Мён Бака. Япония продолжала публикацию учебников. Со стороны правительства РК не было жесткого протеста, зато 16 июля

2011 г. южнокорейская авиакомпания Korean Air Lines (Korean Air) ввела в эксплуатацию новый авиалайнер А380, первый полет которого был совершен от аэропорта г. Инчхон до о. Токто, где самолет развернулся и отправился обратно. Японская сторона в ответ велела с 18 июля до 18 августа бойкотировать данную авиакомпанию [Japan issues...].

Ли Мён Бак четко выразил позицию РК в отношении спорных островов лишь 10 августа 2012 г., когда первым из южнокорейских президентов посетил Токто.

В ответ палата представителей японского парламента приняла резолюцию с выражением протеста; премьер-министр Японии назвал действия Ли Мён Бака «незаконной высадкой» и заявил о намерениях передать спор по поводу островов в Международный суд; министр финансов Японии заявил, что запланированное приобретение японской стороной правительственных облигаций РК может быть отложено и что Токио может не продлить действие своповой сделки. С другой стороны, южнокорейский народ президента поддержал.

Таким образом, в период президентства Ли Мён Бака мы видим «тихую дипломатию» при несогласии граждан РК и падении рейтинга президента с последующей попыткой реабилитации. Рассмотрим, как это отразилось на массовой культуре РК.

Креолизованный текст и его персуазивность

В лингвистическом дискурсе креолизованные тексты рассматриваются через ряд собственных специфических черт: музыкальность, идеологичность, нарративность, персуазивность, сатиричность, трагичность и торжественность.

Рассматривая креолизованные тексты с точки зрения политико-культурологического исследования, мы обращаемся в первую очередь к их персуазивности, которая заключается в воздействии на ментальную сферу реципиента (его мнение, оценку) с целью изменения его поведения (побуждения к совершению/отказу от совершения определенных действий).

Персуазивными могут являться и интернет-ресурсы, в частности южнокорейский сайт музея Токто, на заглавной странице которого

указано, что «Токто — территория Кореи уже с VI в.». Примечательно, что указано это на международном языке — английском.

В 1960-е годы специалист по теории музыки Серж Денисофф (1939—1994) предложил классифицировать «песни убеждения» (songs of persuasion) как «магнетические» (magnetic songs) и «риторические» (rhetorical songs) [Denisoff, 1966, 581—589]. В нашей статье мы будем придерживаться данной классификации.

Цель «магнетических» песен — вызвать у слушателя эмоциональный отклик и привлечь его к участию в общественном движении или поддержке определенной точки зрения. Для этого автор прибегает к знакомым слушателям аллюзиям и отсылкам на иные произведения, которые рождают предсказуемую эмоциональную реакцию.

Цель «риторических» песен — озвучить назревшую проблему или общественную ситуацию. Такие песни не предлагают ни решения проблемы, не призывают к какому-либо действию. К этой же группе Серж Денисофф относит песни-пародии, в которых высмеиваются политические деятели, обстановка в стране и др.

Приведенная ранее строчка из песни «Токто — наша земля» в исполнении Май, — это пример «магнетической» песни. К «риторическим» можно отнести комическую «Супермен» (2008) южнокорейской поп-группы Nogazo, в одном из куплетов которой герой-супермен сообщает, что на голодный желудок летать удобнее, а затем последовательно перечисляет, над чем именно полетит: «Сеул, Тэджон, Тэгу, Пусан — и кружочек над Токто». Данная песня, несмотря на свою популярность, никогда не рассматривалась как политическая.

Ниже рассмотрим две персуазивные песни: «Токто — наша земля» (*Токто ури ттан*, 1982) и «Одинокий Ариран» (*Холло Ариран*, 1990).

Персуазивность популярных песен о Токто

Автор песни «Токто — наша земля» — Пак Мунён. В 1982 г. ее впервые исполнил Чон Гвантхэ на юмористической передаче канала KBS. В последующие годы текст редактировался. Ключевые изменения в тексте датируются 1982—1983, 2001, 2012 и 2017 гг.

Рассмотрим, какие изменения произошли в тексте в 2012 г. — то есть в год, когда Токто посетил Ли Мён Бак. Сравним оригинальный текст и вариант 2012 г.

Особенность песни — фактическая точность упоминаемых объектов. СФИ — ее основное содержание; СКИ — рефрен «Токто — наша земля», а СПИ — персуазивность, усиленная многократным повторением.

Например, СФИ — расположение Токто относительно Уллындо и пров. Кёнсан-Пукто: «двести ли» (1982), «87 километров» (2012). Средняя температура на Токто: «12 градусов» (1982), «13 градусов» (2012). Количество осадков: 1300 (1982) и 1800 (2012). Изменения в фауне: в тексте 1982 г. присутствуют «треска, минтай и черепахи», в 2012 г. на их месте — «ракушки и мидии».

Важным является включение в текст в 2012 г. имен первых жителей острова. Это Чхве Чондок (1925—1987) и Ким Сондо (1939—2018). В следующей строке версии 2012 г. появляется почтовый индекс Токто: 799—805 (присвоен в 2003 г.).

Реакционным и провокативным можно считать нововведение 2012 г. — «Тэмадо — земля Чосона» (*Тэмадо — Чосон ттан*) вместо «Тэмадо — земля Японии» 1982 г. С одной стороны, текст избегает прямого указания на современный спор о принадлежности острова, но, с другой — начинает новый: о принадлежности острова в средневековый период.

Что касается другой песни — «Одинокий Ариран», то она первоначально ассоциировалась с объединением КНДР и РК. Написана Хандолем, впервые спета Хан Юсоком в 1990 г.

В 2005 г. «Одинокий Ариран» исполнил в КНДР южнокорейский певец Чо Ёнпхиль. В РК песня получила популярность благодаря программе KBS «1 ночь и 2 дня» (*Иль-бак и-иль*, 2007). Одна из передач была посвящена путешествию на Уллындо и Токто, и «Одинокий Ариран» звучал во время финальных титров. Позднее песня не раз перепевалась.

Первый куплет повествует о Токто, второй и третий проводят параллели между географическими особенностями КНДР и РК. В припеве поется о единстве и необходимости «взяться за руки» и пойти вместе. Текст за годы не менялся.

Несмотря на изначальную семантику, песня исполняется в РК и в качестве персуазивного утверждения принадлежности Токто. Так, например, в 2012 г., после того как Ли Мён Бак посетил Токто, «Одинокий Ариран» на протяжении четырех дней звучал в уезде Ульджу города-метрополиса Ульсан [Холло Ариран]. Опираясь на логику корейских граждан, можно сделать вывод, что современная семантика действительно связывает «Одинокий Ариран» с надеждами нации на воссоединение, но в связи с тем, что песня часто исполняется на мероприятиях, посвященных Токто или же непосредственно на острове (например, 2014 г. Ли Сынчхоль), в настоящее время «Одинокий Ариран» не призывает к объединению, а воспринимается как «риторическая песня».

Заключение

В статье мы коснулись вопроса скрытой связи между политическими событиями и музыкальными произведениями. Отчетливо видны два процесса: 1) сохранение единой семантики и влияние на слушателей; 2) изменение семантического ряда, вызванного внешними процессами. Примечательно, что в 2016 г. «Одинокий Ариран» использовался также как одна из «песен протеста».

Кроме того, на приведённых нами примерах «Токто — наша земля» видно, что креолизованный текст следует оценивать в динамике. Изменение строки о принадлежности Тэмадо/Цусима — это вторая отсылка к политическим событиям, фактически связанная с основным рефреном.

Представляется перспективным использование персуазивных текстов не только для утверждения дихотомии «свой—чужой», но и, напротив, для налаживания межгосударственных диалогов.

Библиографический список

Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М., 2003. 122 с.

Сиротинина О.Б. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с. URL: <https://bit.ly/2RbPJWb> (дата обращения: 12.03.2021)

Территориальный вопрос в афро-азиатском мире / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2013. 318 с.

Мая. Токто ури ттан: [Токто — наша земля]. URL: <https://bit.ly/3uHiqsw> (дата обращения: 05.03.2021) (На кор.)

Холло Ариран: [Одинокий Ариран]. URL: <https://bit.ly/3eBIG33> (дата обращения 10.03.2021) (На кор.)

Japan issues Korean Air boycott for diplomats over Dokdo // Dong-A Ilbo. URL: <https://bit.ly/3eAoIVp> (дата обращения: 11.03.2021)

Kang D., Ji-Young L. Japan-Korea Relations: Same As It Ever Was. URL: www.csis.org/media/isis/pubs/1001qjapan_korea.pdf (дата обращения: 01.03.2021)

Serge Denisoff R. Songs of Persuasion: A Sociological Analysis of Urban Propaganda Songs // *The Journal of American Folklore*. Vol. 79, No. 314 (Oct. — Dec., 1966). P. 581—589.

References

Anisimova, E.E. (2003). Lingvistika teksta i mezhkulturnaia kommunikatsiia (na material kreolizovannykh tekstov) [Linguistics and inter-cultural communication as parts of creolized song text]. Moscow: Academia, 2003. 122 p. (In Russian)

Hollo Arirang [Solo Arirang]. URL: <https://bit.ly/3eBIG33> (accessed: 10 March, 2021) (In Korean)

Japan issues Korean Air boycott for diplomats over Dokdo // Dong-A Ilbo. URL: <https://bit.ly/3f7jIqi> (accessed: 11 March, 2021)

Kang D., Ji-Young L. Japan-Korea Relations: Same As It Ever Was. URL: www.csis.org/media/isis/pubs/1001qjapan_korea.pdf (accessed: 1 March, 2021)

Maia. Tokto uri ttang [Dokdo is our land]. URL: <https://bit.ly/3uHiqsw> (accessed: 5 March, 2021) (In Korean)

Serge Denisoff R. Songs of Persuasion: A Sociological Analysis of Urban Propaganda Songs. *The Journal of American Folklore*. Vol. 79, No. 314 (Oct. — Dec., 1966): 581—589.

Sirotnina, O.B. (1983) Galperin I.R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniia [Galperin I.R. Text as an object of linguistic research]. URL: <https://bit.ly/33xcTJ3> (accessed: 12 March, 2021) (In Russian)

Territorialnyi vopros v Afro-Aziatskom mire [Territory disputes in African and Asian worlds]. Moscow, 2013. 319 pp. (In Russian)

DOI: 10.48647/IFES.2021.27.41.026

И.В. Цой

ПУТЬ ГЕРОЯ (АНТИГЕРОЯ) В СОВРЕМЕННОЙ ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ ПРОЗЕ XX — НАЧАЛА XXI в. (в сравнении с традиционной литературой)*

Аннотация. В статье рассматривается структура (сюжетная канва) современных прозаических произведений, изданных в начале XXI в., в сравнении с традиционными образцами корейской литературы. Акцент делается на сопоставлении пути героя в классической и современной прозах. Основной вопрос: изменилась ли с течением времени идеологическая установка (функциональность пути), и если да, то каким образом? Меняется ли суть (модель поведения) центрального персонажа в связи с изменением смысла того пути, который проходит главный герой повествования? Как пишет А.Ф. Троцевич в своей статье, посвященной функции «путешествия героя» в корейской сюжетной прозе, «путешествующий герой» — довольно частая фигура в традиционной и современной корейской прозе, когда начало странствий связано с неустроенностью (душевной или материальной), а заканчиваются передвижения устройением, и в таких случаях во время путешествия герой либо демонстрирует свои достоинства, либо пересматривает свой прошлый жизнен-

* Данное исследование было поддержано Министерством образования РК и Академией корееведения (РК) (AKS=2016=OLU=2250002).

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of Korea and the Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS=2016=OLU=2250002).

ный путь. В традиционной литературе, как правило, путь героя выполняет определенные идеологические функции: в форме занимательной сюжетной истории высказываются те или иные идеи — конфуцианская идея правильного поведения как основы социальной гармонии или буддийская мысль о пути достижения внутреннего устроения личности. В корейской прозе 20-го столетия путешествие героя — это еще и путь познания самого себя, своих духовных и физических возможностей. Структура таких произведений перестает быть линейной и соединяет отдельные эпизоды жизни персонажей, создавая картину настроений молодого поколения. Иначе говоря, если в традиционной литературе роль и функция героя были четко определены и представляли образцы достойного поведения, в современной южнокорейской литературе в одном персонаже сочетаются те или иные качества, которые проявляются в зависимости от ситуации и обстоятельств. Герой уже не черно-белый, а ведет себя по-разному. Более того, в последнее время в литературе начала XXI в. героями истории становятся такие персонажи, о поведении которых вряд ли можно сказать, что это достойный образчик, так называемые антигерои. Меняется внутренняя суть самого действующего лица, а соответственно, и смысл его пути.

Ключевые слова: современная корейская проза, путь героя, функции героя, антигерой, традиционные модели поведения, корейские произведения начала XXI в.

Автор: Цой Инна Валериантовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры корееведения, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: innachoi@hotmail.com

I. Tsoy

The Path of the Hero (antihero) in Contemporary Korean Prose of the XX — early XXI Century (in comparison with traditional literature)

Abstract. The article examines the structure (plot outline) of modern fiction published at the beginning of the XXI century, in comparison with traditional Korean literature. The emphasis is on comparing the path of the hero in classical and contemporary prose. The main question is whether the ideological setting (the functionality of the path) has changed over time, and if so, how? In traditional literature, as a rule, the path of the hero performs certain ideological functions — in the form of an entertaining storyline, certain ideas are expressed — the Confucian idea of

correct behavior as the basis of social harmony or the Buddhist idea of the way to achieve the inner harmony of the individual. In the Korean literature of the twentieth century, the hero's journey is also a way of knowing himself, his spiritual and physical abilities. The structure of such works ceases to be linear and connects individual episodes of the characters' lives, creating a picture of the moods of the younger generation. In other words, if in the tradition the role and function of the hero were clearly defined and represented examples of decent behavior, in contemporary South Korean literature, one character combines certain qualities that manifest themselves depending on the situation and circumstances. The hero is no longer black and white, but acts differently. Moreover, in recent years, in the literature of the beginning of the XXI century, the heroes are such characters, whose behavior can hardly be said that this is a worthy example, they are the so-called antiheroes. The inner essence of the hero himself changes, and, accordingly, the meaning of his path changes.

Keywords: contemporary Korean prose, the path of the hero, the functions of the hero, antihero, traditional models of behavior, Korean literary works of the early 21st century.

Author: TSOY Inna V., Ph.D. (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg State University. E-mail: innachoi@hotmail.com

Когда речь идет о сюжетной прозе, то сюжетообразующим становится некий «путь» или «путешествие», которое проделывает герой — центральная фигура повествования. Подобно жанру, сюжету и фавеле, термин и понятие *герой* используются в разнообразных контекстах и понимаются крайне неоднозначно [Сухих, 2018, с. 205]. Например, М.М. Бахтин защищает среднюю позицию между объективно-натуралистическим, онтологическим (герой — реальный человек) и чисто эстетским (герой — средство нанизывания мотивов) пониманием героя [Сухих, 2018, с. 210]. Заимствуя слова И.Н. Сухих, в тематическом аспекте персонажем (героем) мы будем называть любого субъекта, участвующего в развитии действия, сюжета [Сухих, 2018, с. 211]. Вот что пишет про героя антрополог Джо-зеф Кэмпбелл: «Герой — это мужчина или женщина, которым удалось преодолеть свои личные и конкретные исторические ограничения и прийти к универсальным, присущим всему человечеству формам» [Кэмпбелл, 2021, с. 26].

Каков персонаж (герой) в структуре художественного мира корейской прозы? Каков его путь? Здесь следует оговориться, что для изучения корейской литературы целесообразно применять иной терминологический аппарат, поскольку и жанрово, и стилистически существуют различия. Но в то же самое время имеет смысл учитывать и общие, универсальные знания и опыт.

Ученый-кореевед А.Ф. Троцевич приходит к выводу о том, что «корейские повести и романы обсуждали проблемы достижения гармонии личностью и предлагали два пути решения этих вопросов. Один вел к образцовому социуму, другой — к отрицанию социальной жизни вообще» [Троцевич, 1996, с. 6]. Рассматривая принципы строения сюжетов классических прозаических произведений, А.Ф. Троцевич пишет о том, что «все они организованы по одной схеме: герои идут от неустроенности через испытания к устроению» [Троцевич, 1996, с. 6]. Иначе говоря, в традиционной прозе преобладают так называемые *герои-формулы*. В чем же причина такой устойчивости этой схемы? По словам исследователя, «персонажи корейских традиционных повестей и романов предстают как носители функций героев мифа» [Троцевич, 1996, с. 162]. В основе многих сюжетов лежит миф о смерти-рождении божества плодородия, в котором участники рождения — пара антагонистов: солярный отец и хтоническая мать. Отличие корейского мифа от схожего индоевропейского в том, что переход от хаоса к гармонии завершается не борьбой и победой носителя доброго начала над силами зла, а брачной связью двух противоположных героев и рождением молодого устроителя. И тогда эта идея плодородия (а не борьбы и уничтожения) лежит в основе разрешения конфликтных ситуаций в произведениях корейской сюжетной прозы, снимает трагическую развязку и приводит к установлению гармонии [Троцевич, 1996, с. 162]. Таким образом, мифологическая модель организует повествование и определяет взаимодействия персонажей.

Герой — это «человек, который добровольно смирился со своей судьбой» [Кэмпбелл, 2021, с. 21]. Герой корейской традиционной прозы либо идет по пути образцового социального поведения, либо ищет гармонию не в идеальном социуме, а в слиянии с истинной реальностью, которая лежит за пределами феноменального мира. Воз-

можно, что такой тип поведения и порождает определенный (в какой-то мере шаблонный) тип героя, где на первом плане — образец «терпеливого» персонажа, который внешне пассивен и не делает попыток активно восстать против зла и несправедливости. По словам А.Ф. Троцевич, «подобно тому, как в природе каждый сезон года наступает в свой черед, так и рождение нового устроителя приходит в свое время. <...> При таком понимании развития активное вмешательство в естественный порядок вещей становится бессмысленным» [Троцевич, 1996, с. 162].

Еще одна особенность классической корейской литературы — это широкое распространение семейной темы. В таких произведениях главные герои — это женские персонажи, которые вступают в определенные взаимоотношения (жена и наложница); в основе сюжета — женский конфликт. И в этом случае можно говорить об оппозиции «положительный — отрицательный» героев. Одна из женщин — добродетельная, ее притесняет или изгоняет из дома другая — злая. С одной из героинь связан мир, с другой — разрушение. В таких произведениях действие развивается по пути от гармонии к торжеству зла и снова к гармонии.

Эта модель работает и в литературе начала XX в. В качестве примера можно упомянуть о таком авторе, как Ли Инчжик (1862—1916). Герои его повестей едут учиться за границу, одержимы идеей получить знания и принести пользу родине. Ради этой идеи они готовы поступиться своим личным счастьем, забыть о своих близких. Как и в традиционной повести, персонажи демонстрируют образцовое поведение и по мере прохождения пути сохраняют присущие им добродетели.

Однако в 20—30-е годы прошлого столетия в корейских литературных кругах появляется новое поколение авторов, которые начинают отходить от заданной классической литературой схемы и вводят в сюжетное повествование нешаблонных героев. Один из таких писателей — Ким Тонин (1900—1951), которого называют в Корее мастером в жанре короткого рассказа. Ким Тонин прославился как писатель, который экспериментирует со своими героями, вынуждая их попадать в разные ситуации. Его герой — это уже не образцовая личность, которая сохраняет свои добродетели на протяжении всего

пути. Теперь это персонаж, который меняется в зависимости от того, в какой ситуации он оказывается (например, рассказ «Картошка»). Если для «традиционных» героев конечной целью пройденного пути и испытаний было установить гармонию и порядок, для героев Ким Тонина — обрести личное счастье («Безумный художник», «Пальцы ног похожи»). Однако в зависимости от того, какой путь избирает герой, меняется и «конечный пункт назначения». Другими словами, герой становится гораздо более пластичным и на протяжении своего пути может быть разным. Возможно, что Ким Тонин отошел от дидактики в произведениях и обратил внимание не на внешний конфликт, а на внутренний, когда герой буквально проходит свой путь внутри самого себя и либо достигает цели, либо терпит поражение. Писатель отходит от поляризации персонажей, его герой начинает становиться противоречивым по своей природе. Тем самым Ким Тонин выстраивает собственную шкалу положительности/отрицательности героев.

Путь персонажа рассматривается и как путешествие, герой которого — довольно частая фигура в традиционной и современной корейской прозе. Как правило, начало странствий связано с неустроенностью (душевной или материальной), а заканчиваются передвижения устроением. Во время путешествия герой демонстрирует свои достоинства либо пересматривает свой прошлый жизненный путь [Троцевич, 2004, с. 11]. Это может быть путешествие во сне или путешествие с приключениями. Например, два романа Ким Манчжуна (1637—1692): «Скитания госпожи Са по югу» и «Сон в заоблачных высях». Герои литературных произведений прошлого столетия тоже отправляются в путешествие, и часто их персонажами становятся люди «потерянные», утратившие «стержень жизни» [Троцевич, 2004, с. 15]: Чхве Инхун, «Площадь» (1960)*, Ли Мунёль, «В тот год зимой» (1980). И в первом, и во втором произведениях ведущую роль играет природа, которая помогает герою достичь внутренней гармонии. Но в случае с Чхве Инхуном путешествие героя не связано с конкретным перемещением в пространстве. Плавание по морю на парохо-

* Аделаида Фёдоровна Троцевич переводит название этого романа как «Простор».

де — метафора жизненного пути героя [Троцевич, 2004, с. 16]. А у Ли Мунёля путешествие героя — это путь познания самого себя. Согласно традиционной схеме к концу произведения испытания должны тем или иным способом разрешиться, и автор придерживается данной композиции, но «делает это не прямолинейно, а через исследование психологии героя, показывая смену его психических состояний, зависящих от обстоятельств, в которых он оказывается, и от его отношений с разными людьми» [Троцевич, 2004, с. 17]. В этих произведениях представлено свойственное дальневосточной культуре восприятие природы. Можно сказать, что идея гармоничного сосуществования, скорее даже единства, человека и мира природы особенно ярко выражена в литературном творчестве писательницы Пак Кённи (1926—2008). Эта идея пронизывает самый известный роман Пак Кённи «Земля» (1969—1994), сюжет которого можно интерпретировать как долгий и сложный путь сквозь столетия, когда главная героиня Чхве Сохи, чтобы вернуть отобранную землю, проходит через множество испытаний. Пройденный путь героини — это метафора «смерти и нового рождения», как и в корейском мифе.

Каков «герой нашего времени» в современной южнокорейской прозе конца XX — начала XXI в.? Надо отметить, что одно из главных отличий, которое можно проследить на современном этапе, — это размывание границ «высокой» и «низкой» прозы. То, что раньше не становилось объектом пристального внимания литературных критиков, теперь считается значимым и резонансным произведением. Если раньше детективный жанр не воспринимался как серьезная литература, в настоящее время многие авторы пишут романы, где сюжетная линия совпадает или пересекается с элементами детективного расследования. Всё большую популярность набирают и романы-триллеры. Соответственно, меняется и тип героя, центральный персонаж. С другой стороны, наблюдаются изменения и в случае с предпосылками разворачивания той или иной истории. Как было сказано выше, в традиционной литературе герои действовали в соответствии с нормами социального поведения или достигали праведной цели иными путями, но в конечном итоге приходили к гармонии и установлению порядка. Писателям XX в. также присуще создавать сюжетные линии на фоне социальных потрясений или

перемен (следуя мета-дискурсу). Однако если здесь герой был обращен вовне и был динамичен в своих поступках (идейный герой), теперь литература, которую часто называют «литературой постмодерна» [Чо, 2018, с. 287—290], представляет героя, который обращен внутрь себя, погружен в мир собственного «я», находится в состоянии бесконечной рефлексии, буквально озадачен поисками собственной личности (микро-дискурс). Как пишет профессор Ким Юн-сик, с приходом 1990-х наступает упадок великих повествований (*grand narratives*) [Ким, 1998, с. 15]. На фоне глобализации на смену идеологическим установкам приходят культурные различия (появление субкультур) и интерес к внутренним чувствам, ощущениям [Чхэ, 2011, с. 305]. Такого рода повествования присущи прозе малого жанра, например таких авторов, как Син Кёнсук, Юн Тэнён, Чо Кённан, Ха Соннан, Ким Эран, Ким Ёнсу, Ким Ёнха, Чхон Унён и др. Для корейских писателей, родившихся в 60—70-е годы XX в., характерен тип героя (героини), который в условиях постиндустриального общества погружен в новое экзистенциальное одиночество и не имеет сил преодолеть его. По сюжету герой может и не перемещаться из точки А в точку Б, он находится здесь и сейчас, у него нет такой задачи — преобразовать хаос в порядок, он пребывает в состоянии бесконечного внутреннего хаоса. Можно предположить, что в этом случае происходит процесс дегероизации, героическое перестало быть типичным. В эпоху общества потребления [Ким, 2001, с. 52], на фоне которого разворачиваются сюжетные линии, невозможно сохранять верность высоким идеалам. Герои буквально скользят по реальности настоящего, без памяти прошлого и поиска будущего. Все чаще в произведениях современных южнокорейских авторов можно увидеть персонажей, которые могут быть названы «маргиналами», аутсайдерами (например, у Чхве Инхо, Пак Мингю) [Цой, 2012, с. 240—241].

Путь героя из традиционной литературы, который отказывается от социума, продолжается и в прозе ряда современных авторов начала XXI в., например в таком романе, как «Вегетарианка» (2007) Хан Ган, и тогда можно предположить, что современные авторы наследуют традиции прошлого. Главная героиня Ёнхе добровольно выпадает из социума, своим поведением нарушая общественные догмы и

порядок. Протест героини выражается не в революционных деяниях, а в том, что она предпринимает попытку отринуть свою человеческую суть и облечься в растительную — стать деревом [Цой, 2019, с. 168—182]. Здесь путь главной героини — это возврат от человеческого (плотского) бытия к природной ипостаси, отказ от насилия и агрессии посредством становления частью этой природы (к слову, это тоже отсылка к традиционным представлениям корейцев). Наиболее ярко идея перевоплощения представлена в романе Чхон Мёнгуана «Кит» (2004). Можно сказать, что это роман-метафора, мета-роман, в котором одна из главных героинь Кымбок, в начале своего пути будучи женщиной, в конце перевоплощается в мужчину; происходит метаморфоза на уровне физиологии, переход из женской ипостаси в мужскую.

Еще одна ветвь современной южнокорейской прозы — это произведения, в которых главные герои проходят свой путь, который начинается либо за пределами Кореи, либо там завершается. Это, например, романы Чхон Унён «Прощай, цирк» и Чо Хэчжин «Я встретила Ро Кивана» (2011). Здесь сюжеты динамичны, и герои передвигаются в пространстве уже не одной страны, а как минимум двух. В первом случае героиня — китайская кореянка, которая выходит замуж за корейца и приезжает вслед за мужем в Корею. Во втором романе герой — беженец из Северной Кореи, волей случая оказавшийся в одной из европейских стран. Появление таких героев не случайно: все чаще корейские авторы начинают писать о «других», обращаясь к теме «маленького человека», не замыкаясь исключительно на внутрикорейских темах. В произведениях такого рода на первый план выходит герой, инаковость которого не вписывается в рамки заданного социума, и он предпринимает попытку изменить ситуацию. В какой степени и насколько болезненно или безболезненно у него это получается, и описывается в ходе сюжетной истории.

Как было уже отмечено выше, все большее внимание корейского читателя и не только привлекает жанровая литература, а именно романы с элементами детектива или триллеры, в которых, согласно законам жанра, есть герои преследуемые и преследователи. Например, такие авторы, как Ли Сыну («Тайная жизнь растений», 2000),

Чон Ихён («Тебе ли знать», 2009), Ким Чжунхёк («Ваша тень понедельник», 2014), Чон Ючжон («Семилетняя ночь», 2011), Ким Онсу («Проектировщики», 2010) центральными персонажами в своих романах делают героев, которые по мере того, как проходят свой путь, учатся проигрывать, учатся до конца проживать кризисные ситуации, балансируют на грани жизни и смерти. Это персонажи, которые не рассматриваются с точки зрения оппозиции «плохой — хороший», это герои, которые в какой-то момент могут стать антигероями. Как герои, они бросают вызов себе, при этом соглашаясь на добровольное страдание, а делая шаг в сторону пути антигероя, бросают вызов «им», буквально наказывают мир за свое духовное и физическое несовершенство, за вынужденные страдания.

Безусловно, концепции пути героя (героини) разнообразны, однако в случае с современной южнокорейской литературой можно предположить, что одна из основных миссий — это прохождение так называемой истории кризисов, саморефлексия. Возможно, что, в отличие от «традиционного» пути героя, в современных историях персонажи не стремятся преобразить мир вокруг и достичь гармонии. Проходя каждый по-своему нелегкий путь, они учатся НЕ находить ответ на свои вопросы, свыкаются с идеей, что быть несчастливым — это тоже способ проживания жизни.

Библиографический список

- Кэмбелл Дж.* Тысячеликий герой. СПб: Питер, 2021. 544 с.
- Сухих И.Н.* Структура и смысл. Теория литературы для всех. СПб: Издательство «Азбука», 2018. 544 с.
- Троцевич А.Ф.* Миф и сюжетная проза Кореи. СПб: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. 208 с.
- Троцевич А.Ф.* Функции «путешествия героя» в корейской сюжетной прозе. // Вестник Центра корейского языка и культуры. Выпуск 7. СПб: СПбГУ, 2004. С. 11—20.
- Цой И.В.* Корейская литература начала XXI-го века — рассказ Пак Мингю «Бисквит» («Кхастера», 2003) // Проблемы литератур Дальнего Востока. Материалы V Международной научной конференции. Том III. СПб: СПбГУ, 2012. С. 235—249.

Цой И.В. «Люди-деревья» в современной прозе Кореи (на примере романа Хан Ган «Вегетарианка») // Коллективная монография «Корейский полуостров в поисках мира и процветания». В двух томах. Т.2. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 168—182.

Ким Вону. Хангук хёндэ сосор-е сонъкёк-ква кынвон [Сущность и истоки корейской современной прозы] // Кукче ономунхакхе [Международное общество языка и литературы]. 2001. Р. 52. URL: <https://bit.ly/3vR2rIo> (дата обращения: 13.03.2021) (На кор.)

Чо Хонгу. Ильбон мунхаге сүён: ‘санъсир’е сидэга чэкучхукхан «норвеие суп». Хангук хёндэ сосор-е постхымодонгва кы сүёнъконъганьросое 1990нёнэ [Восприятие японской литературы: «Норвежский лес», который реконструировала ‘потерянная’ эпоха] // Тэхан ироильмунхакхе [Корейское общество японского языка и литературы]. 2018. Р. 290. URL: <https://bit.ly/3eVn0mx> (дата обращения: 13.03.2021) (На кор.)

Чхэ Хосок. Чхонсонёнль вихан хангук хёндэмунхакса [История современной корейской литературы для подрастающего поколения]. Сеул, Тури мидио, 2011. 323 с. (На кор.)

Kim Yoon-shik. Understanding Modern Korean Literature. Jipmoondang Publishing Company, 1998. 185 p.

References

Campbell, Joseph (2021). Tysyachelikij geroj [The Hero with a Thousand Faces]. St. Petersburg: Peter. 544 p. (In Russian)

C’hae, Ho-seok (2011). C’heongseonyonul wihan hanguk hyundaemunhaksa [The History of Korean Modern Literature for the Youth]. Seoul: Durimedia. 323 p. (In Korean)

Cho, Hon-goo (2018). Ilbon munhage suyong: ‘sangsir’е sidaega chaekuc’huk’han “noreuweye soop”. Hanguk hyundaesosore post’heumodongwa keu suyongkongganeurosoe 1990nyundaе [Perception of Japanese Literature: The “Norwegian Wood” Reconstructed by the ‘Lost’ Era]. *The Japanese Language and Literature Society Of Korea*: 290. URL: <https://bit.ly/2R7iGSY> (accessed: 13 March, 2021) (In Korean)

Choi, Inna (2012). Korejskaya literatura nachala XXI-go veka — rasskaz Pak Mingyu «Biskvit» («Kkhastera», 2003) [The Face of the Twenty-first Century Korean Literature — Novelist Park Min-gyu and his Story Castella (2005)]. *Problemy literatur Dal’nego Vostoka. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Tom III. [Issues of Far Eastern Literatures. Book of papers of 5th International scientific conference. Vol. 3.]*. St. Petersburg: Saint Petersburg State University: 235—249 (In Russian)

Choi, Inna (2019). «Lyudi-derev'ya» v sovremennoj proze Korei (na primere romana Han Gan «Vegetarianka») [“Plants-people” in the Contemporary Prose of

Korea (at the Example of “Vegetarian” novel by Han Gang)]. *Kollektivnaya monografiya «Korejskij poluostrov v poiskah mira i procvetaniya». V dvuh tomah. T.2. [The Korean Peninsula in Search for Peace and Prosperity. Vol. 2.]*. Moscow: IFES RAS Press, 2019: 168—182 (In Russian)

Kim, Won-woo (2001). Hanguk hyundaesore sungkyokkwa keunwon [The characteristics and Origin of the Korean Modern Novel]. *The International Society of Language and Literature*. P. 52. URL: <https://bit.ly/2SHBngH> (accessed: 13 March, 2021) (In Korean)

Kim, Yoon-shik (1998). Understanding Modern Korean Literature. Jipmoondang Publishing Company. 185 p.

Sukhikh I.N. (2018). Struktura i smysl. Teoriya literatury dlya vsekh [Structure and meaning. Literary theory for everyone]. St. Petersburg: Publishing house “Azbuka”. 544 p. (In Russian)

Trotsevich A.F. (1996). Mif i syuzhetnaya proza Korei [Myth and Plot prose of Korea]. St. Petersburg: The Center “St. Petersburg Oriental Studies”. 208 p. (In Russian)

Trotsevich A.F. (2004). Funkcii «puteshestviya geroya» v korejskoj syuzhetnoj proze [Functions of the “Hero’s Journey” in Korean Plot Prose]. Vestnik Centra korejskogo yazyka i kul'tury [Proceedings of the Center for Korean Language and Culture]. Issue 7. St. Petersburg: St. Petersburg State University: 11—20 (In Russian)

DOI: 10.48647/IFES.2021.97.10.027

В.Е. Сухинин

КОРЕЙСКАЯ ТЕМА В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. Автор рассматривает произведения советской литературы, в той или иной мере затрагивающие корейскую тематику, и анализирует их идейную направленность. В основном берется проза (А.А. Фадеев, Роман Ким, А.Б. Чаковский, А.Я. Сахнин, Ю.К. Богушевич), поэзия (В.В. Маяковский, Ю.П. Гордиенко, Н.С. Тихонов, Н.М. Грибачёв, М.В. Исаковский, Л.И. Ошанин, Евгения Гай), драматургия (С.И. Борзенко, Тхай Дян Чун), упоминается документалистика: путевые заметки, воспоминания, очерки. Примечательно, что среди авторов рассматриваемых произведений немало советских корейцев (Чо Мёнхи, Ким Дюн, Анатолий Ким и др.).

В отличие от научной корееведческой литературы, переводов корейской художественной литературы в нашей стране, а также выполненных в Корее переводов произведений русских и советских авторов, рассматриваемые в статье материалы ранее не привлекали внимание отечественных корееведов. Между тем, учитывая глубокое эмоциональное воздействие литературных произведений на читателей, на формирование их взглядов, изыскания в этой области представляются немаловажными. Тем более что в идейной направленности литературы отражался политический курс СССР в отношении Кореи.

Можно выделить следующие политические установки, которые проводились через литературу: критика японского господства в Корее и поддержка борьбы корейского народа против колонизаторов; освобождение Кореи Советской Армией; дружба советского и корейского народов, помощь СССР в строительстве новой жизни;

раскол Кореи из-за происков США; развязывание Корейской войны американскими империалистами, их злодеяния на корейской земле; поддержка борьбы КНДР за объединение родины; помощь СССР в восстановлении и развитии народного хозяйства КНДР; сдержанность в освещении разногласий между СССР и КНДР; критика южнокорейского режима; критика пребывания американских войск в Южной Корее, попыток создания треугольника Вашингтон — Токио — Сеул.

Что касается проблем советских корейцев, то акцент делался на их равноправной свободной жизни и труде в Советском Союзе, тема принудительного переселения с Дальнего Востока в Среднюю Азию до последнего периода существования СССР обходилось.

Ключевые слова: советская литература, корейская тематика, идейная направленность, политический курс СССР в отношении Кореи.

Автор: *Сухинин Валерий Евгеньевич*, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России. E-mail: v.e.sukhinin@yandex.ru

V. Sukhinin

Korean Theme in Soviet Literature

Abstract. Author reviews Soviet literature works, related to Korea in one way or another, and analyses their ideological orientation. These include prose (A.Fadeyev, Roman Kim, A.Chakovsky, A.Sakhnin, Yu.Bogushevich), poetry (V.Mayakovsky, Yu.Gordiyenko, N.Tikhonov, N.Gribachev, M.Isakovsky, L.Oshanin, Yevgenia Gai) drama (S.Borzenko, Thai Dyan Chun), while documentary (travel notes, memories, and sketches) is also mentioned. It's worth noting that there are many Soviet Koreans among the authors of the reviewed works (Cho Myeonghee, Kim Dyun, Anatoly Kim and others).

Unlike professional Korean studies works, Russian translations of Korean fiction and translated into Korean pieces of Russian and Soviet authors, the works considered in the article have not been previously studied by koreanologists in Russia. Meanwhile, given the deep emotional impact of these literary works on readers, as well as their influence on the formation of readers' views, studies in this area seem important, especially considering how the political course of the USSR towards Korea was reflected in literature.

The author picks out the following political directions reflected through literature: criticizing the Japanese rule in Korea and supporting the

struggle of Korean people against colonialists; Liberation of Korea by the Soviet Army; friendship of Soviet and Korean peoples; support by the USSR in building the new life; division of Korea because of the USA schemes; unleashing the Korean War by the American imperialists, their crimes on Korean soil; support of the DPRK struggle for unification of the fatherland; assistance of the USSR in restoration and development of DPRK national economy; restraint in elucidating differences of opinions between USSR and DPRK; criticizing the South Korean regime; criticizing the deployment of American troops in South Korea and the attempts to build up the triangle union of Washington — Tokyo — Seoul.

Concerning the problems of Soviet Koreans an accent was made on them enjoying equal rights and freedom while living and working in the Soviet Union, the topic of forced resettlement from the Far East to the Central Asia was avoided till the latest period of USSR existence.

Keywords: Soviet literature, Korean theme, ideological orientation, USSR policy in Korea.

Author: *SUKHININ Valery E.*, associate professor in the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian languages, MGIMO University of Russia MOFA. E-mail: v.e.sukhinin@yandex.ru

Насколько нам известно, указанный сюжет до сих пор не становился предметом рассмотрения в отечественном корееведении. С другой стороны, регулярно делались обзоры, анализировалась, например, научная корееведческая литература, а также переводы произведений корейской художественной литературы. Эти предметы привлекают внимание и в наши дни. Между тем, учитывая глубокое эмоциональное воздействие литературных произведений на читателей, на формирование их взглядов, изыскания по корейской теме в советской литературе представляются немаловажными не только для истории, но и современности.

Со времени установления в 1860 г. границы между Россией и Кореей по р. Туманган и перехода в российские пределы большого числа корейских переселенцев возрос интерес российской общественности к нашей дальневосточной соседке, который затем еще более углубился в связи с Русско-японской войной и аннексией Кореи Японией. Отражением этого интереса стали путевые заметки И.А. Гончарова, Н.Г. Гарина-Михайловского, других путешественников, большинство которых выражали в своих заметках теплые

чувства к корейскому народу, обеспокоенность трагической судьбой соседней страны. Эти тенденции нашли свое продолжение и развитие в советский период.

Начнем обзор с прозы, не претендуя на полноту охвата материала.

А.А. Фадеев в 1—2 томах романа «Последний из удэге» (1920—1940) неоднократно касается корейской темы. В частности, отмечает симпатии дальневосточников к корейскому населению, подчеркивая его трудолюбие, рассказывает о том, что руководство партизан отказывается от сделки с главарем хунхузов по поводу «нейтралитета» за счет корейцев, и, наоборот, раздает им оружие для отпора грабителям. Весьма эмоционален эпизод, когда родители русского мальчика, по неосторожности застреленного корейским партизаном-подростком, на сходе просят сельчан и корейских партизан не наказывать виновного, которого партизаны намеревались расстрелять. Запоминается образ революционерки Марии Цой: она после поездки в Корею в период Первомартовского восстания 1919 г., анализируя причины его поражения, в духе времени написания романа критикует участников, что те, выступая против японских колонизаторов, не трогали корейских помещиков; негативно отзывается о роли христианской церкви и об американских миссионерах, которые, агитируя против японцев, в решающий момент не помогли восставшим в их героическом сопротивлении.

Одним из первых художественных произведений, повествующих о событиях Корейской войны, стала повесть Романа Кима «Тетрадь, найденная в Сунчхоне» (1951). Командующий отделением северо-корейских партизан находит зашифрованную тетрадь, оставленную при бегстве контрразведчиком штаба американского корпуса. Автор дневника — офицер спецслужбы японской императорской армии — описывает конец Второй мировой войны и свою работу на американцев в Японии, а затем в Корее. Оказывается, что старый японский план захвата Кореи, Маньчжурии, а потом России совпадает с американскими замыслами. Японцы выступают как подручные американских хозяев, которые вместе с ними зверствуют на корейской земле (пытки патриотки «Зои»).

А.Б. Чаковский при написании повести «Хван Чер стоит на посту» (1952) использовал свои наблюдения и материалы, собранные

во время пребывания в Корее в качестве корреспондента. Автор через своего героя и связанных с ним персонажей рисует картину жизни Северной Кореи от освобождения, через демократические реформы и образование КНДР, до Корейской войны (приход китайских народных добровольцев в конце 1950 г.). Акцентируется положительная роль СССР: фигурирует старшина Советской Армии, упоминаются портреты Сталина, его книга «О Великой Отечественной войне Советского Союза», вдохновляющие примеры бойцов-панфиловцев, Зои Космодемьянской. С другой стороны, резко отрицательно показаны американцы, которые подготовили и начали войну, применяют жестокие пытки (сжигают на кресте старую мать видного деятеля КНДР), безжалостно убивают простых людей, сжигают деревни и поля, бомбят Пхеньян. Причем американцам помогает бывший японский полицейский.

Впервые появившийся в 1954 г. в журнале «Знамя» роман А.Я. Сахнина «Тучи на рассвете» затем неоднократно переиздавался в «Воениздате», «Роман-газете», «Детской литературе». Автор прибыл в Корею в августе 1945 г. и долго там работал журналистом. В романе на примере судеб членов семей крестьянина и рыбака показана тяжелая доля простых тружеников при японском колониальном господстве, а также в годы американской военной администрации в Южной Корее. На этом фоне изображена борьба коммунистов-подпольщиков в Сеуле и Пусане (их воодушевляют победы Красной Армии над Германией), говорится о партизанском движении в Маньчжурии под руководством Ким Ир Сена. Положительным героям противопоставлены корейцы — предатели своего народа, которые любыми путями делают карьеру и при японцах, и при американцах. С проводимой Советской Армией на Севере политикой, благодаря которой корейцы получили землю, стали хозяевами своей страны, контрастируют мероприятия американских военных, громящие Народные комитеты, думающие только о личном обогащении.

В повести Ю.К. Богушевича «Побратимы» (Минск, 1970) рассказывается о дружбе и приключении двух 11-летних сверстников — белоруса Андрейки и корейца Кана. Андрейка вместе с мамой приехал к отцу-офицеру в Пхеньян летом 1948 г. Друзья благодаря находчивости и смелости помогли разоблачить и обезвредить банду шпионов.

Писатель подчеркивает дружбу советского и корейского народов, благодарность корейцев Советской Армии. Специалисту-корееведу бросаются в глаза допущенные автором преувеличения, нереалистичные сюжетные ходы и прочие наивные моменты (например, в глухой тайге под Анджу обитают тигры, волки и другие звери, произрастает дикий женьшень), но, возможно, в книге для детей ради занимательности подобное допустимо.

Роман Ким Дюна «Корейская сосна» (в переводе с корейского, 1971; оригинал — «Дело о 150 тысячах йен», Алма-Ата, 1964) описывает борьбу корейских патриотов, одним из эпизодов которой стала экспроприация при перевозке 150 тыс. йен банка в Маньчжурии для закупки оружия во Владивостоке. Из-за предательства арестовывают двоих из группы и отправляют в Сеул, где их казнят. Третьему же удается бежать и примкнуть к русским партизанам. Среди персонажей романа легендарный Хон Бомдо, революционерка Александра Ким. Патриоты связывают избавление Кореи от японского господства с борьбой русского народа, с революцией в России.

Анатолий Ким относится к более молодому поколению и пишет произведения на русском языке. В своей первой книге «Голубой остров» (1976), включающей рассказы и повесть «Собиратели трав», автор описывает обыденную жизнь с ее радостями и горестями, человеческими заботами и трагедиями. Многие персонажи — советские корейцы с Сахалина, Камчатки, Приморья, Хабаровского края, а также из Средней Азии, среди которых лесорубы, шахтеры, рыбаки, интеллигенты. В ранних произведениях писателя обращают на себя внимание корейские мотивы, элементы восточной экзотики. Непосредственно связан с Кореей сюжет рассказа «Пчела летит к цветку», в котором еще до революции два партизана из отряда Хон Бомдо переходят в Россию, скрываясь от японцев, а в 1945 г. сын одного из них, уже как офицер Советской Армии, отправляется в Северную Корею, где встречается отца, а затем находит мать. Во многих рассказах рисуется совместная жизнь представителей разных национальностей, смешанных семей в Советском Союзе.

В более поздних произведениях («Луковое поле», 1970—1976; «Соловьиное эхо», 1976; «Белка», 1984; «Лотос», 1989 и др.) писатель хотя и выводит героев-корейцев, но больше внимания уделяет отно-

шениям между людьми независимо от этнической принадлежности, широко использует сюрреалистические приемы. Например, в повести «Соловьиное эхо» описывается романтическая история молодого немца из Кёнигсберга, который встречается на Амуре с дочерью корейского торговца и через всю Россию едет с ней и двумя родившимися детьми на родину. Однако с началом Первой мировой войны в атмосфере антигерманских настроений он гибнет на Волге. Его близкие выживают в русской семье, а затем уже во время Великой Отечественной войны вдове помогают выжить в Средней Азии, и в конце концов она возвращается на Амур. Герой романа-сказки «Белка» — кореец-сирота (отец погиб во время Корейской войны, а мать тогда же умерла от голода), которого в трехлетнем возрасте переправили в СССР, где его усыновила русская семья. Во взрослом возрасте его, ставшего художником, больше волнуют проблемы творчества. Причем и он сам, и его окружение предстают то в человеческом, то в зверином облике.

Интересен сборник восьми авторов (из них только двое пишут по-корейски) «Страницы лунного календаря. Повести и рассказы советских корейских писателей» (1990). В этой книге конца советского периода представлено большое разнообразие тем и творческих приемов, далеко ушедших от метода социалистического реализма. Для некоторых авторов характерна акцентуация трагизма жизни, надломленности героев.

В рассказе Хан Дина (родом из КНДР) «Страх» показаны крайне суровые условия жизни корейцев, переселенных с Дальнего Востока в Среднюю Азию. Корейский пединститут в Кызыл-Орде переводится на русский язык обучения, а его библиотека сжигается. Герой с риском для жизни спасает старинные книги, переправляя их в Республиканскую библиотеку в Алма-Ате.

В повести Анатолия Кима «Рассказы моего отца» описывается трудная жизнь семьи корейских переселенцев в Приамурье в начале XX в. Смерть родителей, хроническое недоедание, налёты хунхузов. Но и при этом братья выживают во многом благодаря приехавшему из Кореи дяде, хотя тот тратит последние гроши на опиум.

В рассказе Лаврентия Сона «Площадь треугольника» герой и его старая мать-портниха при всех сложностях быта в Средней Азии об-

ретают второе дыхание, когда в 1949 г. корейцам выдают советские паспорта.

В повести Михаила Пака «За порогом ночей» герой после трагической смерти любимой жены уходит отшельником в казахскую степь, но благодаря душевной доброте небезразличных людей преодолевает нравственный надлом и возвращается в общество.

В отмеченной сюрреализмом повести Андрея Хана «Провинция», несмотря на сложности семейной жизни, к отчаявшемуся герою после его вторичной слепоты возвращается жена и фактически спасает его.

С другой стороны, химик — герой повести Александра Кана «Кандидат» — после того, как руководство института дважды крадет его почти готовые диссертации, и на фоне неудачной семейной жизни сходит с ума. А герой рассказа Генриетты Кан «Круговерть» — талантливый, но непрактичный актер из Алматы — теряет жену и спивается.

Наконец, в рассказе-притче Ли Дина (родом из КНДР) «Кочо» — действие происходит в средневековой Корее — врач-травник всю жизнь ищет и, наконец, находит средство от всех болезней. Но окружение короля из зависти убивает врача, а затем и друг друга из-за чудодейственного растения. Правда, врач, как бы предчувствуя такой исход, заранее высадил несколько ценных семян в глухом лесу.

Более оперативным и массовым родом художественного литературного творчества на тему Кореи была поэзия.

Одним из первых советских поэтов, упомянувших Корею, видимо, стал В.В. Маяковский, который в стихотворении «Гулом восстаний, на эхо помноженным» (1924) написал такие строки:

Пусть
сегодня
сердце корейца
жаром
новой мести греется.

Представляется, что эти строки зародились на фоне получивших широкий отклик в мире вестей о Первомартовском восстании 1919 г. в Корее и использованы поэтом в его гневной реакции на казнь 26 бакинских комиссаров.

Освобождение Кореи Советской Армией, дружеские контакты между советскими людьми и корейцами нашли отражение в стихах очевидца тех событий Ю.П. Гордиенко («Чосон», 1945; «Учительница из Вонсана», 1945 и некоторые др.), вновь опубликованных к 40-летию Победы («Литературная газета», 4 сентября 1985 г.).

К периоду Корейской войны относится стихотворение Н.С. Тихонова «Пак Ден Ай» (1951), в котором эта представительница КНДР на Втором всемирном конгрессе мира в Варшаве горячо приветствуется делегатами как воплощение героической Кореи.

В 1950 г. в «Литературной газете» Н.М. Грибачёв публикует поэму «Ким Ир Сен», в которой нашли отражение впечатления поэта от поездки в КНДР и встречи с ее лидером в 1949 г. Подчеркивается человечность, простота, скромность Ким Ир Сена, его дружеские чувства к советскому народу (портрет Сталина на стене кабинета, воспоминания о беседе с ним в Москве). Переходя от мирной жизни к войне, поэт убежден, что взятие Пхеньяна врагом это «не конец, не развязка, Пхеньян — только фаза войны», победа обязательно будет за Кореей. Перу Н.М. Грибачёва также принадлежит цикл стихов «Непокоренная Корея» (1949—1950), в первой части которого автор описывает мирную жизнь КНДР, а во второй обличает злодеяния американских агрессоров.

Переведённые на корейский язык стихи Н.М. Грибачёва, М.В. Исаковского и шести других советских авторов с выражением солидарности в борьбе корейского народа вошли в сборник «Гнев земли» (Пхеньян, 1959). Во время войны такие произведения воодушевляли корейский народ на борьбу за свободу и независимость Родины.

Одно из них — «Солдатам Кореи» (1950) — Л.И. Ошанин включил в «Триптих о тринадцатом фестивале» («Литературная газета», 26 июля 1989 г.). Автор как бы перекидывает мостик от своих симпатий к северокорейским девушкам времен войны к единственной южнокорейской представительнице на фестивале в Пхеньяне стихотворением «Корейка», заканчивая его словами «И станет Корея единой».

Южнокорейскую тему — потопленного в крови восстания горожан — отражает в стихотворении «Кванджу» поэтесса Евгения Гай

(«Работница», 1981, № 7), причем ее симпатии целиком на стороне народа.

Творчество советских корейских поэтов составляет отдельное течение в многонациональной советской литературе. Одним из ее основателей по праву считается Чо Мёнхи — известный писатель, в 1928 г. переехавший из Кореи в Советский Союз, спасаясь от гнета японских колонизаторов. К сожалению, уже в 1937 г. по клеветническому доносу он был арестован, а в 1938 г. расстрелян [Королёва, Каюмов; 2014]. Чо Мёнхи был разносторонне талантливым писателем: поэтом, прозаиком, драматургом, критиком. Первым произведением, опубликованным им в СССР без оглядки на японскую цензуру, стало знаменитое стихотворение в прозе «Попранное Корё» (1928), которое вошло в историю как корейской, так и советской литературы. Проживая в Приморье и в Хабаровске, Чо Мёнхи писал в основном о новой жизни советских корейцев, но одновременно в 1937 г. он в целом завершил работу над романом «Партизаны Маньчжурии», рукопись которого, к сожалению, пропала. Большой интерес к этому роману на родине писателя подтверждает, например, такой эпизод: в сентябре 2016 г. во время научной конференции в Пхеньяне профессор-литературовед из Университета им. Ким Ир Сена спросил у автора, нельзя ли еще раз попытаться поискать рукопись романа в архивах российских спецорганов.

Из сборников стихов советских корейских поэтов в переводе на русский язык можно отметить следующие: Ким Дюн. «Вечерняя свирель». Стихи и поэмы (М., 1981); Мён Донук (из КНДР). «Вечный спутник». Стихи (Алма-Ата, 1980); Кан Тайсу. «В дороге». Стихи (Алма-Ата, 1981); Ким Кванхен. «Цветы зимы». Стихи и поэма (Алма-Ата, 1982); Дегук Угай. «Круговорот». Стихотворения. Поэмы (М., 1982); Ли Дон Не (псевдоним бывшего посла КНДР). «Серебряный колокольчик». Стихи (Минск, 1984); Ен Сеннен. «Огонек». Стихи (Алма-Ата, 1988). Примечательно, что в четырехтомной юбилейной антологии «60 лет советской поэзии» (М., 1977) в разделе «Поэты Казахстана» (т. 4) представлены пять авторов из вышеперечисленных. Кроме сборников, стихи также публиковались на литературной страничке издававшейся в Казахстане межреспубликан-

ской корейскоязычной газеты «Ленин кичи», а ранее еще более широко в изданиях на Дальнем Востоке.

Отметим, что особенностью советской корейской поэзии является то, что авторы основное внимание уделяли жизни корейского населения в Советском Союзе, отражали общечеловеческие проблемы. В некоторых произведениях акцентируется тема дружбы корейцев с казаками или узбеками. При этом для многих авторов характерно использование элементов традиционной корейской культуры, фольклорной образности. Тематика собственно Кореи, старой и новой, в произведениях иногда присутствует, но не является ведущей.

Корейская тема в советской *драматургии* может быть рассмотрена на примере деятельности оформившегося в 1932 г. во Владивостоке Дальневосточного краевого корейского театра, который в 1937 г. был переведен в Казахстан (Кзыл-Орда — Уш-Тюбе — снова Кзыл-Орда и с 1969 г. — Алма-Ата) [Ким, 1982]. В его репертуаре была широко представлена советская корейская драматургия (жизнь советских корейцев: на начало 1980-х годов поставлено 19 спектаклей), историко-героическая тема (борьба корейского народа против японских колонизаторов, освобождение Кореи Советской Армией, Корейская война, студенческие волнения 1960-х годов в Южной Корее, выступления против отправки южнокорейских войск на войну во Вьетнам — 12 спектаклей), тема великого Октября (партизанское движение на Дальнем Востоке — шесть спектаклей), классическое наследие корейского народа — 14 спектаклей), а также пьесы русских и советских драматургов (18 спектаклей), зарубежная классика и произведения авторов советских республик (11 спектаклей), казахская классика (четыре спектакля).

Следует отметить, что для широкого советского зрителя эти спектакли из-за языкового барьера были малодоступны, да и корейскоязычная аудитория постепенно сокращалась по мере ухода активных пользователей старшего поколения.

На этом фоне можно выделить написанную в 1949 г. и поставленную в 1950 пьесу Тхай Дян Чуна «Южнее 38-й параллели», которая тогда же вышла в переводе на русский язык, поставлена в Московском драматическом театре, а также показана на международных фестивалях в Польше и Чехословакии. Такая оперативность объяс-

няется актуальностью темы в начале Корейской войны: в ней говорится о подготовке США и их сеульских подручных к нападению на КНДР в одном портовом городе. Против этого самоотверженно (девушка-героиня погибает) борются подпольщики.

Примерно в таком же ключе выдержана пьеса корреспондента «Правды» в Пхеньяне, Героя Советского Союза С.И. Борзенко «Песнь о Корее» (1953), включенная приложением в книгу его очерков «Народ, отстаивший свободу» (1954). Действие разворачивается в Сеуле, который занимают бойцы Корейской народной армии, затем отступают и повторно занимают уже с отрядами китайских народных добровольцев. В такой быстроменяющейся обстановке героиня — юная танцовщица жертвует собой, заменяя в тюрьме любимого — северокорейского полковника, и ее отрубленную голову американский солдат приносит в мешке в дом отца. На фоне такой человеческой трагедии американцы — военные, политики изображены остро сатирически, даже гротескно. Все положенные для начала 1950-х годов идеологические акценты расставлены, однако сведений о постановке этой пьесы не обнаружено.

С учетом ограничений по объему публикаций нам, к сожалению, не удастся представить обзор советской *документалистики* (мемуары, путевые заметки, очерки), несмотря на то, что именно этот род литературы более любого другого разрабатывал корейскую тематику, особенно в период войны 1950—1953 годов. Отметим при этом непростую проблему отграничения документалистики, с одной стороны, от представленной в СМИ текущей журналистики, а с другой — от научной, особенно научно-популярной литературы.

В заключение можно констатировать, что авторы произведений в основном следовали курсу КПСС и Советского правительства в отношении Кореи, а также работали в русле официальной внутренней национальной политики при освещении проблем советских корейцев. Такой результат достигался благодаря соответствующей системе образования, в том числе литературного, выработанному самоконтролю авторов, редакционной политике издательств, деятельности творческих союзов и, наконец, контролю со стороны Главлита (1922—1991).

Вопросам идейного содержания публикаций уделяли постоянное внимание государственные и партийные органы. Следует также до-

бавить, что художественная литература в этом плане шла в ногу с системой образования, деятельностью органов печати и информации.

Можно выделить следующие политические установки, которые проводились через литературу: критика японского господства в Корее и поддержка борьбы корейского народа против колонизаторов; освобождение Кореи Советской Армией; дружба советского и корейского народов, помощь СССР в строительстве новой жизни; раскол Кореи из-за происков США; развязывание Корейской войны американскими империалистами, их злодеяния на корейской земле; поддержка борьбы КНДР за объединение родины; помощь СССР в восстановлении и развитии народного хозяйства КНДР; сдержанность в освещении разногласий между СССР и КНДР; критика южнокорейского режима; критика пребывания американских войск в Южной Корее, попыток создания треугольника Вашингтон — Токио — Сеул.

Что касается проблем советских корейцев, то акцент делался на их равноправной свободной жизни и труде в СССР, тема принудительного переселения с Дальнего Востока в Среднюю Азию до последнего периода существования СССР обходилась.

Уже в период перестройки с середины 1980-х годов и особенно после установления дипломатических отношений с Южной Кореей в 1990 г. вышеперечисленные идеологические установки начали частично размываться, пересматриваться. СССР перешел к политике равноудаленности в отношениях с двумя корейскими государствами, отказался от резкой критики Сеула и американо-южнокорейского союза, отчасти изменил трактовки истории Корейской войны. Подобные тенденции усилились после распада СССР и перехода к постсоветской России.

Библиографический список

Ким И.Ф. Советский корейский театр. Алма-Ата: «Онер», 1982. 204 с.

Королёва В.А., Каюмов В.С. Корейский писатель Чо Мёнхи на Дальнем Востоке России. К проблеме воссоздания жизненного и творческого пути. // Вестник российского корееведения. № 6, 2014. С. 120—137.

References

Kim I.F. (1982). *Sovetskiy koreiskii teatr [Soviet Korean theatre]*. Alma-Ata, “Oner” Publishers. 204 p. (In Russian).

Koroleva V.A., Kayumov V. S. Koreiskii pisatel Cho Myeonghee na Dalnem Vostoke Rossii. K problem vossozdaniya zhiznennogo i tvorcheskogo puti [Korean writer Cho Myunghee in the Russian Far East (1928—1938). An attempt to reconstruct his life and creative work]. *Vestnik rossiiskogo koreevedenia [Proceedings of Korean Studies in Russia]*. No. 6, 2014: 120—137. (In Russian)

DOI: 10.48647/IFES.2021.20.96.028

А. А. Гурьева

РОССИЙСКИЙ ЦАРЬ ПЁТР I В ЮЖНОКОРЕЙСКИХ СМИ XXI ВЕКА *

Аннотация. В статье рассматривается специфика репрезентации образа российского царя Петра I в южнокорейской прессе и онлайн-ресурсах XXI в. на примере статей, увидевших свет в последние два десятилетия. В эти годы в Республике Корея наблюдается активизация интереса к его фигуре: популярностью пользуются корейские переводы западных монографий о русском царе, а в южнокорейских СМИ появляются статьи, посвященные его жизни и деятельности.

Анализ отобранного материала сфокусирован на следующем: 1. Где и в связи с чем опубликован материал. 2. Каким образом характеризуется фигура Петра, какие используются эпитеты. 3. Образ Петра I и специфика освещения описываемых событий. 4. Какую цель преследуют авторы статьи.

На основе анализа выделяются тенденции и даются выводы, связанные с современным восприятием России и российско-корейских отношений.

Пётр Великий представляется репрезентативной фигурой в истории России и выдающейся — в мировой истории. Его реформы становятся образцом для определения, какие аспекты деятельности

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018.

Петра могут служить моделью для современной политики (в соответствии с восприятием его личности, сформировавшимся в начале XX в.), а какие, напротив, были ошибочны (новая тенденция в оценке реформ царя). В некоторых текстах заложена мысль о возможности проводить параллели между деятельностью Петра I и современным курсом, реализуемым в Российской Федерации. Вниманию читателя предлагаются преимущественно те события, которые оказались интересными для читателей предыдущих лет/десятилетий, однако авторы статей направляют свою аудиторию, подсказывая ракурс восприятия путем проведения параллелей с историей или культурой Кореи, а также при помощи стилистики заголовков и текстов статей. Эти и другие особенности в связи с формированием образа России в целом ложатся в основу ключевых выводов статьи.

Ключевые слова: Россия и Корея, восприятие России в Корее, Пётр I, Пётр I на Дальнем Востоке, Пётр I в Корее.

Автор: Гурьева Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры корееведения, Санкт-Петербургский государственный университет.

ORCID: 0000-0002-8217-9774. E-mail: a.gureva@spbu.ru

A. Guryeva

Russian Tzar Peter the Great in South Korean Press of the 21st Century

Abstract. The paper analyzes specifics of the representation of the Russian Tzar Peter the Great in South Korean Press and online-resources basing on articles published since 2000. Lately the interest to him has been growing as the Korean translations of Western monographs on the Russian Tzar, and there are articles introducing Peter the Great and his activities in South Korean press.

To analyze the chosen material, we focus on the following: 1. Where and in what respect the material is published; 2. How the figure of Peter the Great is represented; 3. The image of Peter the Great and the specifics of the events represented; 4. What purpose is set by the authors. Basing on the analysis, the paper aligns tendencies and conclusions related to the contemporary perception of Russia and relations between Russia and South Korea.

In the analyzed articles, Peter the Great is depicted as a representative figure in the history of Russia, and an outstanding figure in the world history. His reforms are the model for tracing such activities, which should ser-

ve the model for contemporary politics (in accordance with the perception of Peter the Great formed in early 20th century) or which were erroneous (a new tendency in evaluation of the tsar's reforms). Some of the texts imply the possibility to make parallels between Peter the Great's activities and contemporary course of the Russian Federation. The authors tend to influence them through drawing comparisons with Korean history and culture, and with the help of the style used in the titles and contents. These and other specifics in relation to the formation of the image of Russia in general serve the base for the main conclusions of the paper.

Keywords: Russia and Korea, perception of Russia in Korea, Peter the Great, Peter the Great in the Far East, Peter the Great in Korea.

Author: GURYEVA Anastasia A., Ph.D., associate professor of the Department of Korean Studies, Saint Petersburg State University.

ORCID: 0000-0002-8217-9774. E-mail: a.gureva@spbu.ru

Фигура российского царя Петра I оказала известное влияние на формирование образа России в восприятии южных корейцев. Он вошел в число первых исторических фигур россиян, с которыми познакомились корейцы, его имя встречается в переводах русской литературы, в научных трудах, путеводителях. Специфика таких публикаций отражает общие особенности восприятия России и ее места в мировой истории и культуре.

Последние годы в Республике Корея наблюдается активизация интереса к фигуре российского царя. Популярностью пользуются монографии о нем (как собственно корейские, так и переводные западные), а в южнокорейских СМИ появляются посвященные ему статьи.

В статье рассматриваются особенности репрезентации образа Петра I в южнокорейской прессе и онлайн-ресурсах последних двух десятилетий. Предметом для анализа служат 16 публикаций из числа доступных в Интернете при поиске по ключевому слову *Пхётхыры тэчжэ* «Пётр Великий» (наиболее частое обозначение русского царя в Республике Корея). Рассмотрим материал по пунктам, которые помогут выделить специфику отобранных для анализа публикаций.

1. Где и в связи с чем опубликован материал

Места издания публикаций о Петре Великом весьма разнообразны. Ряд статей размещен в ведущих южнокорейских изданиях, по-

пулярных информационно-новостных порталах: *Чунан ильбо*, *Мэиль кёнчжэ*. KBS, YonhapNews. NewslinKorea и др. О Петре пишут также региональные и университетские газеты. Авторами статей выступают как корреспонденты этих печатных органов, так и специально приглашенные специалисты по России (например, профессор университета Корё Сок Ёнчжун [Ро Пхётхыры ...]).

Поводы для опубликования материала можно классифицировать следующим образом:

- посещение автором ресурса Санкт-Петербурга;
- культурное событие, связанное с именем царя (например, освещение открытия выставки коллекции Петра I в Германии в наиболее ранней публикации из рассматриваемых (2003) [Пхётхыры тэчжэый сучжиппхум...]);
- историческая дата: например, день обнародования закона об обложении ношения бороды налогом [Чхары Пхётхыры-ый суёмсе]. Такие публикации преимущественно размещаются в рубриках типа «Сегодняшний день вчера» *Очжэ-ый оныль*;
- выход из печати книги, посвященной Петру;
- желание извлечь полезную информацию для сегодняшнего дня, анализируя события прошлого («Петр Великий... Причины, по которым реформы оказались успешными» [Пхётхыры тэчжэ... Кэхёги...] и др.). Отметим, что восприятие истории как зеркала, в котором можно найти примеры событий как архетипов, характерно для Дальнего Востока, в частности Кореи;
- публикация без конкретного повода. Например, рассказ о деятельности Петра в рубрике «Герой сегодняшнего утра» *И ачхим-ый инмуль в Хангук кёнчжэ* [Пётхыры тэчжэ 'И гос-есо ...].

2. Какими средствами характеризуется фигура Петра

В большинстве случаев статьи имеют «говорящие заголовки», задающие тон остальному тексту («Великий реформатор, сделавший Россию главным игроком в Европе» [Пхётхыры тэчжэ — Россия-рыль...], «Пётр Великий — убийца собственного сына» [Адырьль чугин...]). В некоторых из заголовков содержится интрига: «Записки о путешествиях талантливого психа, Петра I» [Юнынхан тторай...]. В подавляющем большинстве статьи иллюстрированы. Во многих текстах акцентирована некая парадоксальность личности

царя (например, он был великаном, боящимся тараканов [Пхётхыры тэчже. Чисиг-ый...]).

Стилистически тексты очень разнятся, однако, как правило, имеют выраженный авторский стиль, а факты организованы так, чтобы привести читателя к определенному восприятию.

3. *Образ Петра I и специфика освещения описываемых событий*

В зависимости от позиции автора, чаще всего подчеркивается нелегкое детство Петра — юного свидетеля политических интриг, его рвение к знаниям и умениям, нестандартное поведение во время учебы за границей (скрывал свое имя и статус), неприглядное поведение (много пил, отправил первую жену в монастырь), сумасбродство и импульсивность.

Для рассказа о событиях петровской эпохи в статьях высвечиваются понятные корейцам факты (например, отправка талантливых юношей на учебу за рубеж, что практиковалось корейцами с древности), задаются параллели с историей и культурой Кореи.

Оценки личности и деятельности Петра I можно разделить на три категории. *Первая* (традиционная) — положительные оценки: не отрицая некоторые предосудительные факты из жизни Петра, авторы акцентируют позитивные результаты его реформ. *Вторая* (более новая): акцент ставится на негативные стороны личности Петра и его реформ. *Третья* категория включает сообщение о существовании двух противоположных оценок [Чанхокхан тоси], однако таких публикаций мало.

4. *Какую цель преследует автор статьи*

Цели публикаций различны: рассказать об иной культуре, вспомнить исторические события, привести пример удачных реформ. В некоторых публикациях задается политический мотив: производится сравнение политики Петра I и президента В.В. Путина [Кынын Росиа-га...].

Проследим, как особенности репрезентации личности Петра I связаны с состоянием российско-корейских отношений, какое влияние могут оказать рассматриваемые публикации на восприятие читателем России, ее прошлого и — в первую очередь — настоящего. С этой целью резюмируем тенденции репрезентации материала в

рассматриваемых публикациях и сопроводим соответствующими выводами.

1. Пётр Великий представляется репрезентативной фигурой в истории России и выдающейся — в мировой истории как крупный реформатор, деятельность которого вывела подвластное ему государство на более высокий культурный и экономический уровень.

Вывод. Данный пункт закрепляет в сознании читателей восприятие истории России как государства, сделавшего гигантский скачок в своем развитии. Главным, однако, можно полагать то, что это развитие связано в рассматриваемых текстах исключительно с выбранной Петром ориентацией на Европу. Тем самым Россия, еще не испытывавшая влияния европейской культуры, предстает однозначно отсталой, ее своеобразие сложно назвать «культурным», а такие аспекты, как потенциал, способности, те или иные черты русского народа или же какие-либо достижения допетровской эпохи не выглядят актуальными. Следует отметить, что такая ситуация не обязательно воспринимается негативно: в случае с самой Кореей цивилизационность традиционно сопряжена с причастностью к культуре внешней (Корея как часть китайской ойкумены, выход на арену мировой культуры на рубеже XIX—XX вв., современный процесс глобализации).

2. Петровские реформы становятся образцом для разбора с целью определить те аспекты деятельности, которые могут служить моделью, и те, которые были ошибочны и должны учитываться при проведении той или иной политики. Актуальность прошлого для сегодняшней мировой политики акцентируется.

Вывод. В истории России можно почерпнуть уроки для настоящего и будущего. Это становится возможным благодаря активному выходу страны на ведущие позиции на мировой арене. Такое восприятие восходит к ранним публикациям о Петре Великом начала XX в., когда деятели просветительского движения выбрали русского царя в качестве образца для подражания [Гурьева, 2020].

3. В продолжение приведенного выше пункта, авторы ряда статей полагают, что Пётр I служит образцом и для современных российских политиков, в частности президента В.В. Путина, которого связывает с Петром факт рождения в основанном царем городе.

Вывод. В текстах заложена мысль о возможности проводить параллели между деятельностью Петра I и курсом, реализуемым в Российской Федерации. Прослеживается тенденция типизации личности руководителя страны.

4. Проводится мысль о том, что в процессе внедрения реформ, в основном благотворно сказавшихся на ситуации внутри России и внешнем положении страны, Пётр I проявил себя как бескомпромиссный лидер. Процесс претворения идей Петра в жизнь связан с особенностями его личности, порой парадоксальной.

Вывод. Россия — это страна, которая претендует на мощную позицию. Непредсказуемый характер — часть образа России. Путь к успеху порой может достигаться жесткими мерами. Эта особенность часто оценивается положительно как оправдываемая высокими целями. Такой ракурс характерен и для первой журнальной публикации о Петре Великом (1908) [Квон Бодырэ, 2007].

5. В последние годы сформировался новый взгляд на роль Петра I в истории России: при всех культурных и экономических достижениях России под управлением Петра, деятельность царя как политика заслуживает скорее негативной оценки. Политический курс, закреплявший вертикаль единоличной власти, был репрессивным и усугубил социальное расслоение в государстве, отрицательно сказавшись на положении простого народа. Отдаленными последствиями именно петровских реформ стали революционные события начала XX в. [Росиа пухынсикхин...].

Вывод. Акцентируется позднее включение России в демократические процессы. Модернизация России в начале XVIII в. происходила без осовременивания политической системы, а выход на мировую арену был сопряжен преимущественно с укреплением мощи страны.

6. История Петра I воспринимается как часть многообразных сюжетов в мировой истории, способных заинтересовать читателя. В некоторых случаях мы видим базовое изложение уже растиражированных в Южной Корее фактов.

Вывод. Для широкого читателя личность Петра и его деятельность известны не столь предметно. Пётр интересен как нетипичный правитель (способен трудиться вместе с простыми людьми) и

как успешный монарх-просветитель. В фокусе оказываются преимущественно те события, которые привлекли внимание корейских читателей предыдущих лет, и авторы лишь немного направляют свою аудиторию, подсказывая ракурс восприятия путем проведения параллелей с историей или культурой Кореи.

Представленный анализ не претендует на исчерпывающий характер, однако он демонстрирует, насколько тексты, нейтральные с политической точки зрения, могут оказаться актуальными при определении специфики текущего положения отношений и взаимовосприятия стран и культур. Рассмотренный материал может служить примером аналитического подхода к текстам о России, продуцируемым для широкой читающей общественности.

Библиографический список

Гурьева А.А. К вопросу о публикации о Петре Великом в первом корейском журнале *Сонён* «Юношество» (1908) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. Иркутск: Иркутский государственный университет. Т. 34. 2020. С. 50—57.

Адырьль чугин Росиаый Пхётхыры тэчже [Российский царь Петр Великий, убивший собственного сына] // НьюслайнКория. URL: <https://bit.ly/3uEc0dw> (дата обращения: 16.03.2021) (На кор.).

Квон Подырэ и др. “Сонён”гва “Чхончхун”ый чхан. Чапчирьль тхонхэ пон кындэ чхогий ильсансон [Окно «Сонён» и «Чхончхун». Повседневность раннего периода современности на примере журналов]. Сеул: Издательство Женского Университета Ихва. 2007. 186 с. (На кор.)

Кынын Росиа-га Юроби твегиль паратта [Он хотел, чтобы Россия стала Европой] // Тэхаг синмун. URL: <https://bit.ly/2RIZ0oF> (дата обращения: 11.03.2021) (На кор.)

Пхётхыры тэчже ‘И гос-есо тоси-рьль мандылла’ [Пётр Великий: «Здесь будет город заложен»] // Хангук кёнчже. URL: <https://bit.ly/2RIqw1U> (дата обращения: 18.03.2021) (На кор.)

‘Пхётхыры тэчже’... Кэхэги сонгонхан ию [«Петр Великий»... Причины, по которым реформы оказались успешными] // Мэйил кёнчже. URL: <https://bit.ly/3bj6WDT> (дата обращения: 20.02.2021) (На кор.)

Пхётхыры тэчже — Росиа-рьль Юроб-ый чуэг-ыро кхивонэн кэхёкка [Петр Великий— реформатор, сделавший Россию главным игроком в Европе] // Кат-

холлик пхёнхва пансон. URL: <https://bit.ly/3hgxdv> (дата обращения: 16.03.2021) (На кор.)

Пхётхыры тэдже. Чисиг-ый сахвеса. Ингане саллимсари. Петр Великий. Социальная история знания. Быт людей // Ёнхап ньос. URL: <https://bit.ly/3fcloP4> (дата обращения: 21.03.2021) (На кор.)

Пхётхыры тэдже-ый сучжиппхум тогильсо чонси [Выставка коллекции Петра Великого в Германии] // KBS. URL: <https://bit.ly/3tvу2Oо> (дата обращения: 20.03.2021) (На кор.)

Ро Пхётхыры тэдже-га паккун ымсик мунхва. Соян ‘кхосыёри’ый кивони росиаин чухь асённаё? [Культура питания, которую изменил российский царь Петр Великий. Знали ли Вы, что западная курсовая подача блюд происходит из России?] // Маым конган киль. URL: <https://bit.ly/3bzCANN> (дата обращения: 15.03.2021) (На кор.)

Росиа пухынсикхин Пхётхыры тэдже ... нонмин-ыль ппэн ‘кыдыльман-ый кэхёг-ый’ ханге [Петр Великий, который привел Россию к Ренессансу... ограниченность «только их реформ», обошедших крестьянство] // Чунан ильбо. URL: <https://bit.ly/3hmSGxX> (дата обращения: 10.02.2021) (На кор.)

Чанхокхан тоси [Жестокий город] // Чхунчхон синмун. URL: <https://bit.ly/3fcyAnб> (дата обращения: 16.03.2021) (На кор.)

Чхары Пхётхыры-ый суёмсе [Налог царя Петра на бороды] // Хангук ильбо. URL: <https://bit.ly/3eAVJAx> (дата обращения 17.03.2021) (На кор.)

Юнынхан ттораи, Пхётхыры тэдже-ый кихэн [Записки о путешествиях талантливом психа, Петра Великого] // ppss. URL: <https://bit.ly/3bdC0F2> (дата обращения: 01.02.2021) (На кор.)

References

Adeureul jugin Reosiaeu pyoteureu daeje [Peter the Great of Russia, who killed his son]. *NewslineKorea*. URL: <https://bit.ly/3uEc0dw> (accessed: 16 March, 2021) (In Korean)

Chareu Pyoteureueui suyeomse [Beard Tax of Tzar Peter]. *Hanguk Ilbo [Korea Daily]*. URL: <https://bit.ly/3eAVJAx> (accessed 17 March, 2021) (In Korean)

Geuneun Reosiaga Yureobi dwegil weonhaetta [He wanted Russia to become Europe]. *Daehak sinmun [University Newspaper]*. URL: <https://bit.ly/2RIZ0oF> (accessed: 11 March, 2021) (In Korean)

Guryeva A.A. (2020) K voprosu o Publikatsii o Petre Velikov v Pervom Koreiskom Zhurnale Sonyeon “Yunoshestvo” (1908) [The Publication on Peter the Great in the

First Korean Journal Sonyeon “Youth” (1908)], *The Bulletin of Irkutsk State University*. Irkutsk: Irkutsk State University. Vol. 34: 50–57 (in Russian)

Janhokhan tosi [Cruel city]. *Chuncheon sinmun [Chuncheon city Newspaper]*. URL: <https://bit.ly/3fcyAn6> (accessed: 16. March, 2021) (In Korean)

Kwon Bodurae etc. (2007) “Sonyeon”gwa “Cheonchun”eui chan. *Jabjireul tonghae bon geundae chogyeui ilsangseong* [The Window of «Sonyeon» and «Cheongchun». Everyday life of Early Modern Period based on Journals]. Seoul: Ihwa University Press. 186 p. (In Korean)

‘Pyoteureu daeje’... Gaehyeogi seonggonghan iyu [‘Peter the Great’... The reasons, why the reforms succeeded]. *Maeil Gyeongje [Economy Daily]*. URL: <https://bit.ly/3bj6WDT> (accessed: 20 February, 2021) (In Korean)

Pyoteureu daeje’ ‘I goseseo dosireul mandeulla’: [Peter the Great: «The city will be built here»]. *Hanguk Kyeonjae [Korean Economy]*. URL: <https://bit.ly/2R1qwlU> (accessed: 18 March, 2021) (In Korean)

Pyoteureu daeje, Jisigeui sahweosa. Inganeui sallimsari [Peter the Great. Social History of Knowledge. Human Everyday life]. *YonhapNews*. URL: <https://bit.ly/3fcloP4> (accessed: 21 March, 2021) (In Korean)

Pyoteureu daeje — Reosiareul Yurobeui juyeogeuro kiweonaen gaehyeokka [Peter the Great — the reformer who made Russia the main player in Europe]. *Katollik Pyeonghwa Bangsong [Catholic Peace]*. URL: <https://bit.ly/3hgxidv> (accessed: 16 March, 2021) (In Korean)

Pyoteureu daeje sujibpum Dogilseo jeonsi [Peter the Great’s Collection Exhibition in Germany]. *KBS*. URL: <https://bit.ly/3tvty2Oo> (accessed: 20 March, 2021) (In Korean)

Reo Pyoteureu daejega bakkun eumsik munhwa. Seoyang ‘koseuyori’eui giweoni Reosiain jul asyeonnayo? [The Food Culture changed by Peter the Great of Russia. Did you know that the course serving originated in Russia?]. *Maeum geongang gil [The Way of Healthy Mind]*. URL: <https://bit.ly/3bzCANN> (accessed: 15 March, 2021) (In Korean)

Reosia Buheungsikhin Pyoteureu daeje ... nonmincheung ppaen ‘geudeulmaneu gaehyeok’ hangye [Peter the Great, who brought Russian Renaissance...the limits of “only their” reforms excluding peasants]. *Joongang Ilbo*. URL: <https://bit.ly/3hmSGxX> (accessed: 10 February, 2021) (In Korean)

Yuneunghan ttorai pyoteureu daejeui gihang [Travel records of a talented psycho Peter the Great]. *ppss*. URL: <https://bit.ly/3bdC0F2> (accessed: 1 February, 2021) (In Korean)

DOI: 10.48647/IFES.2021.75.55.029

М.Е. Осетрова

ПРОЕКТ RUSSIA FOCUS КАК ПРИМЕР РОССИЙСКОЙ МЕДИА-ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Аннотация. Russia Focus — это российское периодическое издание на корейском языке, выходявшее с 2012 по 2017 г. и публиковавшее новости и другие материалы о России, ориентированные на читателей из Республики Корея. Данный информационный ресурс был частью международного мультимедийного проекта Russia Beyond the Headlines (RBTH), который относился к информационно-издательскому холдингу «Российская газета», создавшему его в 2007 г., чтобы знакомить зарубежную аудиторию с российской позицией по актуальным событиям политической, культурной, деловой и общественной жизни России.

Основная деятельность редакции RF шла в двух направлениях: 1) печатные приложения к южнокорейской газете «Чунан ильбо», которые выходили в Корею раз в два месяца (тираж от 900 тыс. до 1 млн 400 тыс. экз.); 2) ежедневно обновляемый сайт. Кроме того, редакция вела различные специальные проекты: например, в 2013 г. совместно с Корейско-российским деловым советом выпустила на корейском языке сборник эксклюзивных интервью с влиятельными российскими деятелями по важным для российско-корейского сотрудничества темам. Также RF курировала выпуск бизнес-журнала R Magazine.

Цель статьи — описать историю издания, рассказать о его успехах и сложностях, разобраться в причинах закрытия, а также оценить его значение для российско-корейских гуманитарных связей.

Автор доказывает, что *Russia Focus* активно и качественно работало на углубление взаимопонимания между Россией и Кореей, стимулировало интерес корейцев к России. Важной особенностью проекта было то, что он объединял почти все группы людей, так или иначе находившиеся в те годы в поле российско-корейского взаимодействия, но до этого работали каждая сама по себе.

По мнению автора, закрытие издания в 2017 г. лишило российскую сторону важного инструмента, который мог существенно наполнить и обогатить образ России в корейском массовом сознании, улучшить имидж нашей страны и сделать её более понятной и привлекательной для корейцев.

Ключевые слова: *Russia Focus*, *Russia Beyond the Headlines*, российско-корейские отношения, российско-корейские гуманитарные связи, российско-корейское сотрудничество в области СМИ, медиа-политика России.

Автор: *Осетрова Мария Евгеньевна*, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН; доцент Московского государственного лингвистического университета. E-mail: m.e.osetrova@gmail.com

M. Osetrova

Russia Focus Project as an Example of Russian Media-policy towards Republic of Korea

Abstract. *Russia Focus* (RF) is a Russian periodical that from 2012 to 2017 was publishing the news and other materials about Russia in Korean language for readers in the Republic of Korea. RF was a part of an international multimedia project *Russia Beyond the Headlines* (RBTH) that belonged to the Russian governmental newspaper “*Rossiiskaya gazeta*”. RBTH was created in 2007 to internationally promote the Russian official position on the country’s political, economic, society and business issues.

RF main activity was: 1) preparing printed supplements to the Korean newspaper *JoongAng Ilbo* that were published every two months (the circulation ranged from 1 million 400 thousand to 900 thousand copies); 2) managing a daily updated website. Besides this, the RF editorial team led special projects: for example, in 2013 together with the Korean-Russian Business Council it published a collection of exclusive interviews with influential Russian politicians, economists, representatives of academic and cultural life. Also from 2014 to 2015 RF supervised the business-oriented magazine *R Magazine*.

The article aims at writing the history of RF, describing its successes and difficulties, discussing the reasons for its closure and evaluating its contribution to the Russian-Korean humanitarian cooperation.

The article shows that RF was a unique project that actively deepened the understanding between Russians and Koreans, induced Korean interest towards Russia. The important feature of the project was the fact that it consolidated all the groups of people who in one way or another were engaged in Russian-Korean interactions at that period but worked separately from each other.

The author argues that the closure of RF in 2017 deprived the Russian side of an important and effective instrument that had the potential to fill and enrich the image of Russia in Korean mass consciousness, make Russia more understandable and attractive for Koreans.

Keywords: Russia Focus, Russia Beyond the Headlines, Russian-Korean relations, Russian-Korean humanitarian ties, Russian-Korean cooperation in mass media, Russian media-policy.

Author: *OSETROVA Maria E.* PhD in Korean Studies, Senior Research Fellow, Center for Korean Studies, Institute of Far Eastern Studies RAS; associate professor, Moscow State Linguistic University.
E-mail: m.e.osetrova@gmail.com

В 2020 г. эксперты, анализируя результаты 30-летия российско-корейских межгосударственных отношений, наряду с достижениями отмечали и проблемные аспекты взаимодействия между двумя странами. Основные трудности гуманитарного сближения специалисты с обеих сторон видели в низком уровне взаимной осведомлённости, засилье устаревших или стереотипических представлений, недостаточном интересе народов двух стран к друг другу [Кириянов, 2020; Ли, 2020; Осетрова, 2020]. Данные проблемы уходят корнями в непростой исторический опыт, когда на протяжении почти полувека СССР воспринимался в РК как недружественное государство. Современные же информационные войны только усугубляют положение, иногда умышленно искажая образ страны, чтобы создать выгодные для третьих стран оценки и настроения в обществе. Исправить такое положение можно с помощью грамотной и целенаправленной медиа-политики, что и попробовала сделать российская сторона, запустив проект Russia Focus. Данная статья посвящена анализу его деятельности.

Хронология, люди, цифры, темы

В мае 2007 г. государственный информационно-издательский холдинг «Российская газета» запустил международный мультимедийный проект *Russia Beyond the Headlines* (RBTH, главный редактор Евгений Абов), призванный доносить до заграничной аудитории новости о России и российскую позицию по актуальным проблемам. Так зарубежные читатели могли получить оригинальный контент из первых рук на родном языке, и это позволяло избежать случайных или намеренных перекосов, что случалось, когда информация приходила из вторичных источников. Общую концепцию проекта создатели формулировали так: «Мы не пытаемся в чем-то переубедить читателей или навязать им российскую точку зрения. Мы хотим заинтересовать их нашей страной, сделать Россию более понятной, показать ее с тех сторон, которые зарубежная пресса часто игнорирует. При этом речь не идет о какой-то пиар-активности или целенаправленно позитивной повестке. Мы пишем обо всем, без прикрас» [Пуля, 2016].

Основная работа в RBTH велась по двум направлениям. *Во-первых*, заключались соглашения с влиятельными мировыми газетами (например, *New York Times*, *Le Figaro*, *La Repubblica*, *Mainichi Shimbun* и др.), для которых соответствующие редакции RBTH готовили ежемесячные печатные приложения (вклады) о России. *Во-вторых*, новости и тематические статьи публиковались на ежедневно обновляемых веб-сайтах. Сначала в RBTH писали только на английском и других популярных европейских языках, но с развитием проекта постепенно присоединялись всё новые страны. В 2011 г. открылось дальневосточное направление (сначала Япония, потом Китай), а летом 2012 г. от него уже отделилась корейская редакция. Первым её работу курировал выпускник восточного факультета СПбГУ Тимофей Балин. Ему помогала выпускница корейского отделения МГИМО Анастасия Воронкова. Вместе они подготовили первую «русскую вкладку», вышедшую в виде приложения к авторитетной южнокорейской газете «Чунан ильбо» и приуроченную к 24-му саммиту АТЭС (сентябрь 2012 г., Владивосток).

В начале 2013 г. на место Балина пришла Елена Ким, закончившая Литературный институт им. А.М. Горького, а затем учившаяся в

магистратуре университета Корё и Корейском институте художественного перевода (Республика Корея). С 2013 по 2016 г. Ким отвечала за всё корейское направление в RBTH, именно при ней оно пережило свои самые насыщенные и успешные годы. Работу сайта координировала другая выпускница российского Литинститута и Корейского института художественного перевода Елена Прошина, проработавшая в корейской редакции до конца её существования (лето 2017 г.). В разные годы в корейской команде RBTH также работали редакторы-ассистенты Елизавета Левицкая (2013), Мария Осетрова (2014), Евгения Акулова (2015—2016).

Изначально планировалось, что все печатные вклады и сайты проекта будут носить одно название вне зависимости от страны выхода, чтобы подчеркнуть единство издательской концепции. Однако корейской редакции сделали исключение, так как английское словосочетание *Russia Beyond the Headlines* даже в переведённом виде не звучало для корейского читателя и не было бы ему понятно. Так появилось более ёмкое и ясное корейцам название — *Russia Focus (RF)*.

Контент для своих изданий RBTH формировал так: основные материалы готовились на русском языке, а уже затем региональные редакции выбирали из них то, что может заинтересовать их читателей, и адаптировали тексты под свою аудиторию. Далее локализованные тексты уходили в перевод (для корейской редакции переводы делали корейские аспиранты-русисты), который позже вычитывался как редакторами — носителями языка, так и редакторами RBTH. В подготовке текстов печатных вкладок участвовали и так называемые гест-редакторы, в случае RF это был южнокорейский профессиональный журналист Ан Сонгю — специалист по России, много лет проработавший в «Чунан ильбо» в отделе политики и в отделе международных проблем.

Восьмиполосные русские вклады выходили в «Чунан ильбо» раз в два месяца, тираж в разные годы составлял от 900 тыс. экз. 1 млн 400 тыс. На сайте RF ежедневно публиковалось до 3—4 тематических статей и 5—6 коротких новостей.

Помимо статей из общего пула региональные редакторы публиковали и материалы по двусторонней тематике, которые обычно либо писали для своих вкладок и сайтов сами, либо заказывали

внешним авторам. Как правило эти тексты привлекали особое внимание аудитории. Такой, например, стала статья, посвящённая истории рода Паков из Ёнама и их потомков, обосновавшихся со второй половины XIX в. в России [Ким, 2013]. Статья не только вызвала большой интерес читателей (было много перепостов и комментариев в соцсетях), но о ней узнали и представители того же рода, проживающие в наши дни в Корее. Благодаря этой публикации состоялась встреча корейских и российских ёнамских Паков, а общая история рода пополнилась и российской линией.

Также в RF всегда хорошо шли материалы про людей, являвшихся своего рода неофициальными послами России в Корее и наоборот. Например, в самой первой вкладке был материал про популярнейшего в Корее российского спортсмена-бойца Фёдора Емельяненко, который многие годы одним из первых ассоциировался у корейцев с Россией. Часто и подробно RF писало и о южнокорейском шорт-трекисте Ан Хёнсу (русское имя — Виктор Ан, получил российское гражданство и выступал за российскую команду на Олимпиаде в Сочи).

Специальные проекты Russia Focus и другая деятельность

Кроме печатных вкладок в «Чунан ильбо» и материалов для сайта корейская редакция вела и различные специальные проекты. Так, в 2013 г. совместно с Корейско-российским деловым советом (KRBC, председатель Пак Чонхо) они подготовили и издали на корейском языке книгу «Россияне. Русский путь». Это был сборник эксклюзивных интервью с влиятельными государственными и общественными деятелями, представителями деловой, научной, культурной элиты России на актуальные для российско-корейских отношений темы [Хан-но бичжынисы хёбьйхве, 2013].

Другим специальным проектом корейской редакции RBTH стал аналитический деловой журнал R Magazine (32 полосы, тираж 3 тыс. экз.). Он был запущен летом 2014 г. и ориентировался на экспертную аудиторию и специалистов, занимающихся проблематикой российско-корейских отношений. Главная цель данного спецпроекта была стимулировать деловые и гуманитарные связи между странами,

держать корейскую аудиторию в курсе российских политических реалий, инвестиционного климата и возможностей для бизнеса. Так, например, среди главных тем первого номера рассматривался поворот России на Восток, обзор российских транспортных и логистических мощностей, бизнес-туризм. Журнал выходил раз в три месяца в качестве приложения к воскресной газете «Чунан сандэй».

Также RF регулярно освещала российско-корейские мероприятия разного уровня, проходившие как в российских городах, так и в Корее, а для некоторых даже становилась информационным спонсором (например, для ежегодного конкурса русского языка в Университете иностранных языков Хангук).

Реакция корейской аудитории

В целом корейская аудитория позитивно воспринимала публикации RF. Интерес к ним никогда не был феноменально высоким, но по большей части ровным и стабильным. Неизменно хорошо шли материалы по культуре России, особенностям русской повседневной жизни, двусторонней проблематике. В личном общении сотрудники сеульской редакции «Чунан ильбо» сообщали московским коллегам, что корейские читатели благожелательно отзываются о российском приложении к их газете. А однажды был такой случай: когда дату выхода очередной вкладки незапланированно перенесли, некоторые читатели даже звонили в газету узнать, что случилось и когда ждать следующий выпуск. К удивлению корейских издателей, звонившие проживали в отдалённых, даже сельских районах Кореи, а это означало, что и там есть люди, интересующиеся Россией.

Также, по внутренним подсчетам RBTH, корейцы всегда активно читали обзоры новинок военной техники, что редакция объясняла вниманием со стороны корейских силовых ведомств.

Высоко оценили работу RF корейские русисты. Так, в 2016 г. проект был упомянут в обзорной монографии, посвящённой истории российско-корейских гуманитарных контактов, следующим образом: «При первом взгляде на Russia Focus тяжело догадаться, что это приложение государственной газеты, потому что в центре его внимания находится содержание не “жесткое”, как то: политика,

экономика, армия, а “мягкое”: история, культура и искусство. Сфокусировав внимание на просвещении в сфере гуманитарных знаний, данное приложение способствует более глубокому пониманию России. Иногда в случае необходимости в приложении размещается объективная, аналитическая колонка о политической и экономической ситуации, в которой ясно очерчивается позиция России по тому или иному вопросу. Приложение рассказывает о русских традициях и обычаях, о повседневной жизни, о красивых пейзажах в отдаленных уголках России, предоставляя русистам очень богатую информацию. По мере того как у корейцев появляется доступ к более объективной информации о России, по мере того как обстановка в стране стабилизируется, постепенно исчезает и предвзятое мнение о ней как об опасной стране, от поездок в которую лучше воздержаться» [Ким, Ли, Ра, 2016, с. 400—402].

RF довольно быстро стал популярным и востребованным ресурсом, притягивавшим и объединявшим всех корейцев, интересовавшихся Россией. В этой связи характерна история создания самого известного на сегодняшний день корейского путеводителя по России Easy Russia [Со, 2015]. Его автор, русист и путешественник Со Бёнён, перед выходом самого первого издания (к настоящему моменту уже выпущено шесть томов данного путеводителя) обратился именно в RF с предложением о сотрудничестве, а также с просьбой разрешить ему использовать материалы сайта в его книге. Данный пример хорошо демонстрирует уровень доверия корейской аудитории к RF и степень воздействия на эту аудиторию.

Убедительным свидетельством того, что и корейские партнёры положительно оценивали результаты работы RF и сотрудничества с «Российской газетой», была премия, которую «Чунан ильбо» присудила проекту в категории Best Global Partner в 2015 г. За год до этого, в ноябре 2014 г. проект также получил премию Korean-Russian business award от Корейско-российского делового совета.

Последний этап работы проекта и его закрытие

Самым продуктивным и успешным периодом в истории RF был отрезок с 2013 г. по 2015 г. На это время приходится большинство

самых ярких материалов и специальных проектов, сформировавших лицо издания. Однако начиная с 2016 г. активность постепенно снижалась, резко сократилась дополнительная деятельность, нарастали системные противоречия внутри самого RBTH. Всё это в итоге закончилось закрытием корейского направления в июле 2017 г.

Важно отметить, что к прекращению работы RF привел комплекс скопившихся и совпавших негативных факторов. Критической стала перезагрузка всего проекта RBTH в целом и смена генеральной концепции. В начале 2017 г. «Российская газета» передала проект в ведение Автономной некоммерческой организации (АНО) «ТВ-Новости», также управляющей телеканалом Russia Today. Официально такое решение объяснили необходимостью повышать эффективность работы государственных СМИ. Руководство посчитало, что в составе АНО «ТВ-Новости», имеющей успешный опыт работы на международном медиа-рынке и в области новых медиа, RBTH сможет лучше доносить до международной аудитории информацию о России [Russia Beyond the Headlines передали...]. Также с января 2017 г. RBTH полностью отказался от печатных приложений, сделав ставку на развитие цифровых платформ. Но для корейского направления сотрудничество с «Чунан ильбо» закончилось ещё в 2016 г., так как последняя 21-я «русская вкладка» к корейской газете вышла в ноябре 2015 г.

Получив в своём составе новое подразделение, руководство «ТВ-Новости» приступило к его аудиту, чтобы определить эффективность и перспективы развития. Результаты работы каждой региональной редакции оценивались по следующим параметрам: бюджет, трафик, количество подписчиков и динамика их прироста, количество посетителей сайта в день, виральность материалов, продолжительность чтения статей на сайте, активность комментариев в соцсетях. На фоне других редакций корейская команда оказалась в числе отстающих. В результате ей был урезан бюджет, позже сократились ставки переводчиков и само число переводных материалов, уменьшался штат редакции. В последние месяцы существования в корейской команде работал один редактор и один переводчик.

Сложности начали ощущаться задолго за закрытия RF. Первые приметы можно было заметить в работе с журналом. Выше уже ука-

зывалось, что R Magazine был задуман как издание, призванное стимулировать корейский бизнес вести дела с Россией. Номера распространялись в Корее и России адресно, непосредственно тем, кто имел отношение к российско-корейским экономическим связям. Однако журнал не оправдал ожиданий издателей. По подсчётам маркетинговой службы RBTH, затраты на выпуск R Magazine не приносили ожидаемого результата. В итоге проект закрыли после выхода четвёртого номера (июль 2015 г.).

В последний год работы RF перестали публиковать на сайте и новости, так как исследование читательской активности показало, что корейская аудитория смотрела их неохотно, и потому разумнее было тратить силы и средства на создание более востребованного контента. Впрочем, и это не помогло. Несмотря на различные попытки вовлечения читателей (конкурсы, онлайн-опросы), показатели редакции не росли. Сами сотрудники объясняли такое положение тем, что Россия и её повестка изначально находились на периферии внимания корейского общества, а количество людей, профессионально связанных с нашей страной, невелико. Поэтому низкие по сравнению с другими редакциями показатели отражали не качество работы команды RF, а лишь объективную реальность российско-корейских отношений. Очевидно, что издание достигло своего потолка, а для того, чтобы привлекать новую часть корейской аудитории, не связанной напрямую с Россией, требовались более мощные ресурсы.

В сентябре 2017 г. RBTH был полностью перезапущен с новой концепцией и под обновленным названием — Russia Beyond. Корейского направления в нём уже не было. Всё, что осталось от RF на сегодняшний день, это сайт kr.rbth.com, на котором до сих пор доступны некоторые (но далеко не все) материалы, размещенные там изначально. Печатные вкладки (кроме самого первого выпуска) можно найти в цифровом виде на платформе issuu.com

Значение проекта Russia Focus и анализ причин закрытия

Важной особенностью проекта было то, что он объединял почти все группы людей, которые так или иначе находились в поле российско-корейского взаимодействия, но работали до этого каждая

сама по себе. Это были и государственные ведомства, и бизнес, и российские корейцы, а также корейцы из Республики Корея, живущие в России временно, академическое сообщество (в том числе российские корееведы и корейские русисты), преподаватели корейского и русского языков и их студенты, дипломаты, русская община в Корее. Такое разнонаправленное воздействие позволяло активно сближать два народа, находить точки взаимного интереса и выгоды, создавать новые зоны совместной работы. И вряд ли какой-то другой из ранее существовавших проектов в области СМИ (а они существовали и в советское время, и позже) мог бы сравниться с RF по плотности воздействия на аудиторию. Не будет преувеличением сказать, что в лучшие годы своего существования проект был вовлечён во все значимые российско-корейские инициативы.

Конечно, в работе RF были не только удаchi, но и ошибки, и трудности. Однако было вполне возможно найти пути их преодоления, помочь проекту. Было бы неверно объяснять закрытие RF исключительно невысокими показателями вовлеченности аудитории, хотя и они сыграли свою роль. Очевидно одно: если бы проект был признан руководством стратегически важным, на него нашлись бы средства. Тот факт, что проект не захотели сохранить, говорит о небольшой в нём заинтересованности, в первую очередь, с российской стороны. Косвенно этот факт подтверждает и удивительное совпадение: за несколько месяцев до закрытия RF было упразднено и корейское направление в другом важном государственном медиа-новостном портале Sputnik, относящемся к информационному агентству «Россия сегодня». Складывается впечатление, как будто где-то было принято принципиальное решение, что России больше не требуется развивать своё информационное присутствие и влияние в Корее. Укрепляет это впечатление и упорное нежелание властей открывать в Сеуле российский культурный центр, несмотря на неоднократные призывы к этому как с корейской, так и с российской стороны. Пока что неофициально роль такого центра выполняет корейская негосударственная организация «Пушкин-хауз», а также частные инициативы русской диаспоры в Корее и в какой-то мере некоторые кафедры русского языка и литературы корейских универси-

тетов при скромной поддержке российских профильных ведомств (фонд «Русский мир», федеральное агентство «Россотрудничество»).

С момента закрытия RF прошло уже четыре года, но за это время никакой соразмерной альтернативы с российской стороны предложено не было. Тем временем в РК уже не одно десятилетие работает русская служба всемирного радио KBS, которая и сегодня ведёт похожую на RF деятельность, то есть публикует на сайте (а также транслирует в радиоэфире) новости и информацию о Корее на русском языке. И хотя по масштабу её сложно сопоставить с активностью RF, она стабильно уже много лет выдаёт контент на русском языке, тогда как RF продержалась всего пять лет. И работает KBS World radio за корейский государственный счёт, хотя и у неё, насколько можно судить, количество посетителей не сравнится с числом тех, кто пользуется его английским или китайским сайтами.

Другое любопытное сравнение заключается в том, что японское направление продолжает работать в Russia Beyond по сей день, а китайское вообще не покидало «Российской газеты» и сегодня так же, как и раньше выходит в виде печатных приложений к китайской газете The Global Times. Отсюда вопрос, насколько важен России её имидж и восприятие в Республике Корея? Судя по её медиа-политике в отношении этой страны, на сегодняшний день не очень важен, что не может не тревожить в свете декларируемых обоими государствами планов по улучшению российско-корейских гуманитарных связей.

Библиографический список

Ким Е.В. Кум-чурим-е чогук тынчжиго «Ибан Пак»-ыро сэ сам [Покинул родину из-за голода, новая жизнь под именем Иван Пак] // Россия пхокхосы. № 15036. 29.05.2013. С.1, 3. (На кор.)

Ким Хен Тхэк, Ли Чжи Ен, Ра Сын До. От Сабатина до Пушкина: 150 лет русской культуры в Корее. Сеул: Издательство Университета иностранных языков «Хангук», 2016. 432 с.

Кирьянов О. В. Чего достигли Россия и Южная Корея за 30 лет дипломатических отношений // Российская газета. URL: <https://bit.ly/3vZSqZt> (дата обращения: 07.04.2021)

Ли Сокпэ. Посол Республики Корея: Большое значение имеет углубление взаимопонимания между Россией и РК // Российская газета. URL: <https://bit.ly/3hmU2Zz> (дата обращения: 07.04.2021)

Осетрова М.Е. Культурные связи России и Республики Корея (1990—2020) // Корейский полуостров: история и современность. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 281—292.

Пуля В.Ю. Как все устроено. Главный редактор Russia Beyond The Headlines // Medium. URL: <https://bit.ly/3uDRA4n> (дата обращения: 16.04.2021).

Russia Beyond the Headlines передали управляющей телеканалом RT компании. // РБК. URL: <https://bit.ly/3f7s3tR> (дата обращения: 16.04.2021)

Со Бёнён. Ичжи Росиа [Простая Россия]. Сеул: Пхигымарион, 2015. 384 с. (На кор.)

Хан-но бичжынисы хёбыйхве, Росисыкхая качжетха [Корейско-российский бизнес-совет. Российская газета]. Росиаин. Росиа-э киль [Россияне. Русский путь]. Сеул: IMED, 2013. 288 с. (На кор.)

Russia Beyond. URL: <https://kr.rbth.com/> (дата обращения: 16.04.2021).

References

Kim E.V. (2013). Kum-jurim-e joguk deungjigo « Iban Pak »-euro sae sam [Left the motherland because of the famine, a new life under the name Ivan Pak], *Russia Focus*, № 15036: 1, 3. (In Korean)

Kim H., Lee J., Ra S. (2016). Ot Sabatina do Pushkina: 150 let russkoi kultury v Korie [From Sabatin to Pushkin: 150 years of Russian culture in Korea]. Seoul: Hankook University Press. 432 p. (In Russian)

Kiryantov O.V. (2020). Chego dostigla Rossia i Uzhnaya Korea za 30 let diplomaticheskikh otnoshenii [What have achieved Russia and South Korea in 30 years of diplomatic relations]. *Rossiiskaya gazeta*. URL: <https://bit.ly/3vZSqZt> (accessed: 7 April, 2021) (In Russian)

Lee S. (2020). Posol Respubliki Korea: bolshoe znachenie imeet uglublenie vzaimoponimaniya mezhdru Rossiei i RK [Korean Ambassador to Russia: stimulation of mutual understanding between Russia and Republic of Korea has is very important]. *Rossiiskaya gazeta*, URL: <https://bit.ly/3hmU2Zz> (accessed: 7 April, 2021) (In Russian)

Osetrova, M.E. (2020). Culturnye svyazi Rossii i Respubliki Korea (1990—2020) [Cultural ties between Russia and Republic of Korea (1990—2020)], *Koreiskiy poluostrov: istoriya i sovremenntost* [Korean peninsula: past and present]. Moscow: IFES RAS Press: 281—292. (In Russian)

Pulya, V.Yu. (2016). Kak vsyo ustroeno. Glavnyi redactor Russia Beyond the Headlines [How is it all organized: Editor-in-chief of Russia Beyond the Headlines]. *Medium*. URL: <https://bit.ly/3uDRA4n> (accessed: 16 April, 2021) (In Russian)

Russia Beyond the Headlines peredali upravlyaushei telekanalom RT kompanii [Russia Beyond the Headlines was transferred to the company that manages TV channel RT]. *RBK*. URL: <https://bit.ly/3vUZBCd> (accessed: 16 April, 2021) (In Russian)

Russia Beyond. URL: <https://kr.rbth.com/> (accessed: April 16 2021) (In Korean).

Seo, Byeongyeong (2015). Iji Russia [Easy Russia]. Seoul: Phigyumaron. 384 p. (In Korean)

Han-no bijineuseu hyeobuihwe [Korean-Russian Business Council], *Rossiiskaya gazeta* (2013). Rosia. Rosiain-ae kil [Russia. Russian way]. Seoul: IMED. 288 p. (In Korean)

Список авторов

Акуленко Вадим Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры корееведения ДВФУ.

E-mail: vakulenco@mail.ru

Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: asmolov@ifes-ras.ru

Вишнякова Вера Владимировна, кандидат филологических наук, руководитель департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, доцент факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

E-mail: vvishnyakova@hse.ru

Волков Максим Геннадьевич, заместитель директора 1-го ДА МИД РФ.

E-mail: otdelkorei@mid.ru

Воронцов Александр Валентинович, кандидат исторических наук, ведущий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России.

E-mail: vorontsovav@yandex.ru

Гурьева Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры корееведения СПбГУ.

E-mail: nastyagur@hotmail.com

Дьячков Илья Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России.

E-mail: dyachkov@naver.com

Жебин Александр Захарович, кандидат политических наук, руководитель Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: znebin@ifes-ras.ru

Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, ученый секретарь ИДВ РАН, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: ludmila_hph@rambler.ru

Зуева Александра Георгиевна, аспирант Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: fedorovalex87@gmail.com

Иванов Константин Владимирович, руководитель Центра корейских исследований, начальник научно-исследовательской части, доцент кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета Иркутского государственного университета.

E-mail: ivanov_kv@isu.ru

Казарьян Рубен Леонович, кандидат политических наук, научный сотрудник ИВ РАН.

E-mail: roubenka@gmail.com

Ким Ен Ун, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: kim@ifes-ras.ru

Козлов Леонид Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений ДВФУ.

E-mail: kozlov.le@dvfu.ru

Коргун Ирина Александровна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН.

E-mail: irinakorgun@yandex.ru

Курбанов Сергей Олегович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой корееведения СПбГУ.

E-mail: sokspb@inbox.ru

Лешакова Наталья Павловна, аспирант, преподаватель Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: shiningn@yandex.ru

Лобов Роман Николаевич, эксперт Российского института стратегических исследований.

E-mail: romanlob@hotmail.com

Ловчинникова Любовь Всеволодовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки имени М.В. Ломоносова.

E-mail: lovchin@yandex.ru

Осетрова Мария Евгеньевна, старший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: pepilota1@gmail.com

Поленова Анна Львовна, научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: polenova@ifes-ras.ru

Самсонова Виктория Георгиевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: vikapak@yandex.ru

Сёмина Лада Игоревна, старший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: semina.lada@list.ru

Синякова Анна Филимоновна, кандидат экономических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России.

E-mail: annasinyakova@yandex.ru

Сухинин Валерий Евгеньевич, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России.

E-mail: v.e.suhinin@yandex.ru

Толорая Георгий Давидович, доктор экономических наук, профессор МГИМО МИД России.

E-mail: asiacenter@inecon.ru

Хохлова Елена Анатольевна, старший преподаватель Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ.

E-mail: lena.khokhlova@gmail.com

Хрусталёв Владимир Владимирович, независимый эксперт.

E-mail: Hrustalev.Vlad@yandex.ru

Цой Инна Валериантовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры корееведения СПбГУ.

E-mail: innachoi@hotmail.com

Чеснокова Наталия Алексеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института классического Востока и античности факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.

E-mail: chesnatalie@gmail.com

Шорников Дмитрий Владимирович, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой международного права и сравнительного правоведения Юридического института Иркутского государственного университета.

E-mail: abirvalg35@mail.ru

List of authors

- Akulenko Vadim S.* Senior lecturer, Far Eastern Federal University
E-mail: vakulenco@mail.ru
- Asmolov Konstantin V.* Leading researcher, Institute of Far Eastern Studies (IFES), RAS
E-mail: asmolov@ifes-ras.ru
- Chesnokova Natalia A.* Senior lecturer, Higher School of Economics
E-mail: chesnatalie@gmail.com
- Dyachkov Ilya V.* Associate professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO)
E-mail: dyachkov@naver.com
- Guryeva Anastasia A.* Associate professor, St Petersburg State University
E-mail: nastiyagur@hotmail.com
- Ivanov Konstantin V.* Associate professor, Irkutsk State University
E-mail: ivanov_kv@isu.ru
- Lobov Roman N.* Expert of the Russian Institute for Strategic Studies
E-mail: romanlob@hotmail.com
- Kazaryan Ruben L.* Senior researcher, Institute of Oriental Studies, RAS
E-mail: roubenka@gmail.com
- Khokhlova Elena A.* Senior lecturer, Higher School of Economics
E-mail: lena.khokhlova@gmail.com
- Khrustalev Vladimir V.* Independent Expert
E-mail: Hrustalev.Vlad@yandex.ru
- Kim En Un.* Leading researcher, Institute of Far Eastern Studies, RAS
E-mail: kim@ifes-ras.ru
- Kozlov Leonid E.* Associate professor, Far Eastern Federal University
E-mail: kozlov.le@dvfu.ru
- Korgun Irina A.* Senior researcher, Institute of Economics, RAS
E-mail: irinakorgun@yandex.ru

Kurbanov Sergey O. Professor, Head of department, St. Petersburg State University

E-mail: sokspb@inbox.ru

Leshakova Natalya P. Lecturer, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University

E-mail: shiningn@yandex.ru

Ovchinnikova Lyubov V. Associate professor, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University

E-mail: lovchin@yandex.ru

Osetrova Maria E. Senior researcher, Institute of Far Eastern Studies, RAS

E-mail: pepilota1@gmail.com

Polenova Anna L. Researcher, Institute of Far Eastern Studies, RAS

E-mail: polenova@ifes-ras.ru

Samsonova Viktoria G. Leading researcher, Institute of Far Eastern Studies, RAS

E-mail: vikapak@yandex.ru

Semina Lada I. Senior researcher, Institute of Far Eastern Studies, RAS

E-mail: semina.lada@list.ru

Sinyakova Anna F. Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO)

E-mail: annasinyakova@yandex.ru

Shornikov Dmitry V. Head of the Department of International Law and Comparative Law of the Law Institute of Irkutsk State University

E-mail: abirvalg35@mail.ru

Sukhinin Valery E. Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO)

E-mail: v.e.suhinin@yandex.ru

Toloraya Georgiy D. Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO)

E-mail: asiacenter@inecon.ru

Tsoy Inna V. Associate professor, St. Petersburg State University

E-mail: innachoi@hotmail.com

Vishnyakova Vera V. Associate professor, Higher School of Economics

E-mail: vvishnyakova@hse.ru

Volkov Maksim G., Deputy Director of the 1st Department of Asia of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

E-mail: otdelkorei@mid.ru

Vorontsov Alexander V. Head of Korea and Mongolia's Department, Institute of Oriental Studies, RAS

E-mail: vorontsovav@yandex.ru

Zakharova Ludmila V. IFES Academic secretary, leading researcher, Institute of Far Eastern Studies, RAS

E-mail: ludmila_hph@rambler.ru

Zhebin Alexander Z. Director, Center for Korean Studies, Institute of Far Eastern Studies, RAS

E-mail: znebin@ifes-ras.ru

Zueva Alexandra G. postgraduate student, Institute of Far Eastern Studies, RAS

E-mail: fedorovalex87@gmail.com

Научное издание

**Современные проблемы
Корейского полуострова**

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Редактор/корректор *Н.И. Иванова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 09.09.2021.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 20,0. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.).
Заказ № 5

Электронная библиотека ИДВ РАН

www.ifes-ras.ru

Почтовый адрес ИДВ РАН

Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32